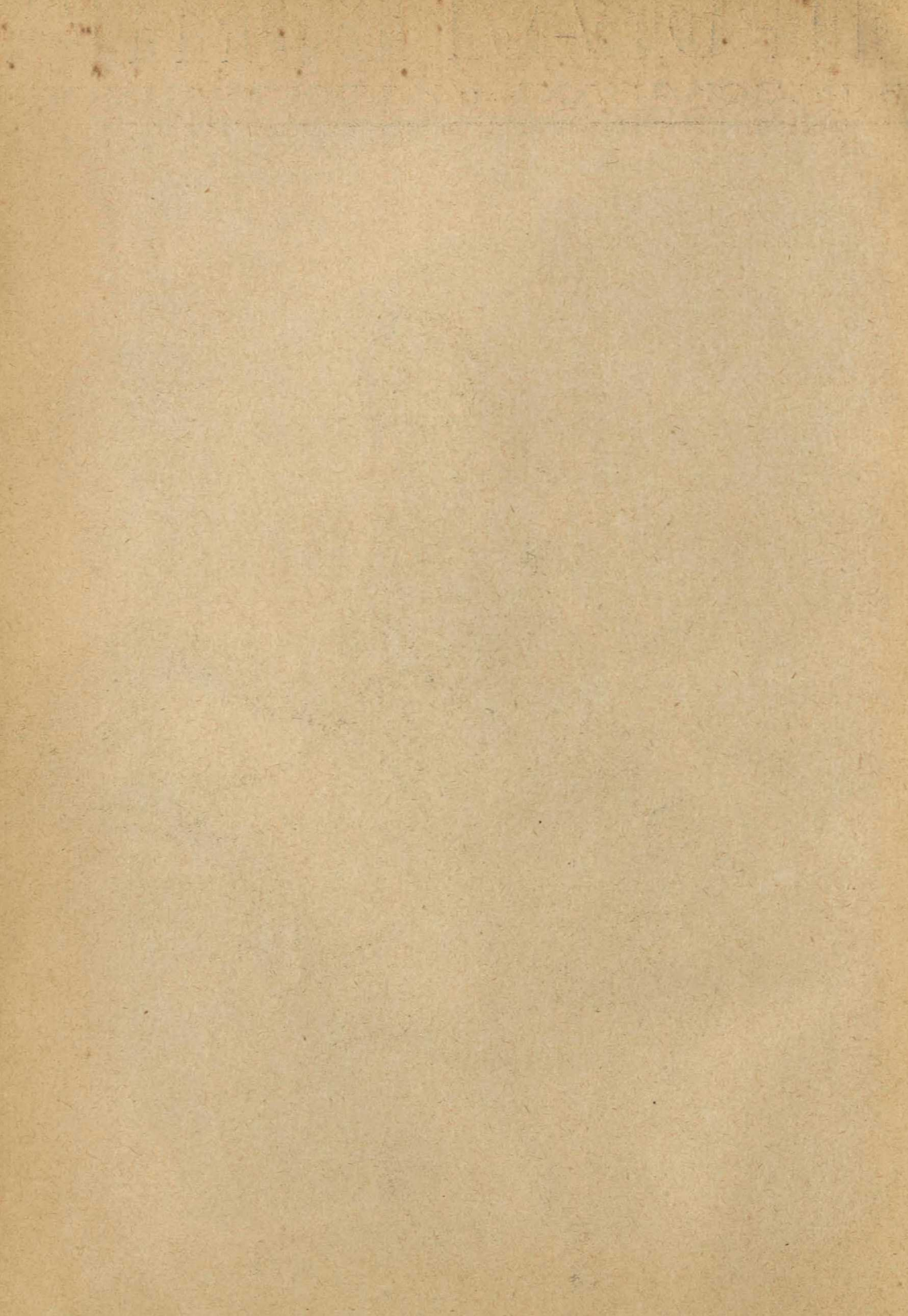

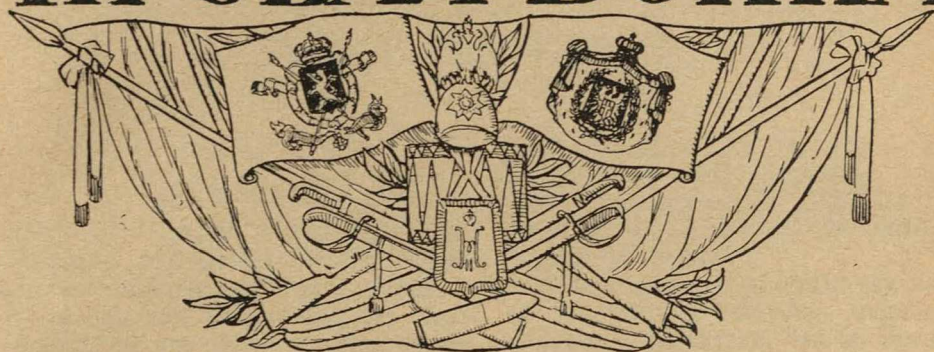
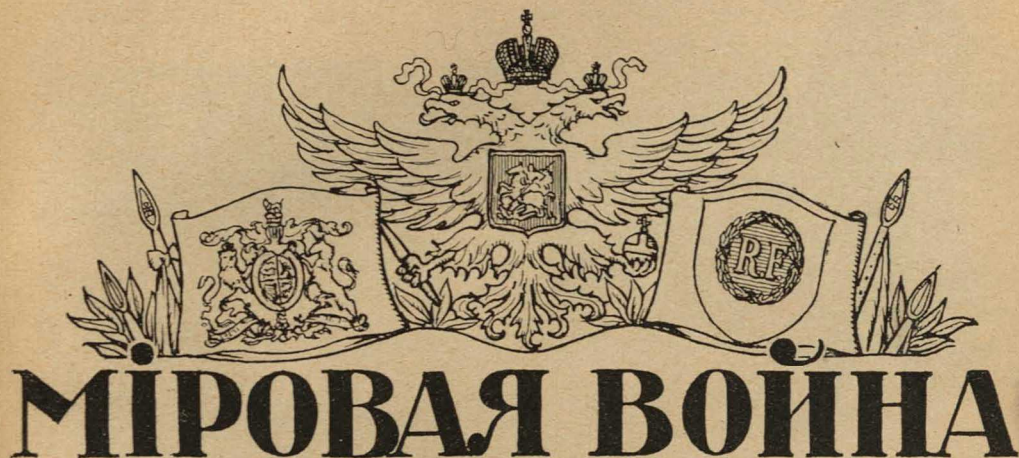
МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ и ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ
И
ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

Книга VII.

ИЗДАНИЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
МОСКВА.—1915.

Приключенія развѣдчика.

Разсказъ *Евгенія Баранова.*

I.

«Доброволецъ.»

Война съ Турціей застала Демидова въ Тифлисѣ, гдѣ онъ служилъ въ одномъ торгово-промышленномъ предпріятіи.

Былъ онъ уже не молодъ, ему шель 45-й годъ, но это обстоятельство не помѣшало ему поступить въ дѣйствующую армію добровольцемъ. Впрочемъ, война не была для него новымъ дѣломъ: десять лѣтъ назадъ, въ русско-японскую войну, онъ, тоже добровольцемъ, принималъ участіе въ нѣсколькихъ бояхъ и былъ тяжело раненъ.

Эта рана, потребовавшая серьезнаго лѣченія, заставила его надолго сѣсть на одномъ мѣстѣ и оставить прежнюю, богатую приключеніями, бродячую жизнь. А на своемъ вѣку онъ побывалъ-таки во многихъ мѣстахъ, повидалъ не мало интереснаго, испыталъ и всевозможныхъ лишеній не мало. Въ ранней молодости, въ поискахъ заработка, онъ частью исколесилъ, частью исходилъ почти всю Россію, потомъ долго

скитался по Кавказу, гдѣ побывалъ во многихъ, затерявшихся въ горныхъ тущобахъ, уголкахъ. Скитался онъ и по Туркестану, ѣздилъ въ Сибирь, въ Турцію и Персію.

Во время этихъ скитаній онъ научился говорить по-татарски, немного по-турецки и персидски, что въ значительной степени облегчало его путешествія, дѣлало ихъ интересными и занимательными.

Былъ онъ средняго роста, худощавый, но мускулистый, съ коротко подстриженной рыжеватой бородкой и большими сѣрыми, живыми глазами, на видъ довольно угрюмый, но доброй души человѣкъ.

Служа въ Тифлисѣ, онъ былъ на хорошемъ счету у своихъ хозяевъ, какъ трезвый и исполнительный работникъ, получалъ хорошее жалованіе, но, какъ только началась война съ Турціей, отказался отъ службы, отнесъ къ пріятелю двухстволку и небольшую связку книгъ и пошелъ записываться въ добровольцы.

Черезъ три-четыре часа онъ, уже въ солдатскомъ полушубкѣ и сѣрой косматой папахѣ, явился къ пріятелю проститься.

— Такъ скоро?—удивился пріятель.— Что же, сразу на передовыя позиціи?

— Да,—отвѣчалъ Демидовъ,—завтра утромъ отправляемся. Пожалуйста, сохраните до моего возвращенія ружье и книги. Если же не возвращусь, распорядитесь съ ними, какъ хотите... Ну, прощайте,—проговорилъ онъ, протягивая руку пріятелю.

— Эхъ и человѣкъ же!—воскликнулъ пріятель.—Степанъ Степанычъ, голубчикъ... да развѣ же такъ прощаются, а? Вѣдь кто знаетъ, можетъ-быть, намъ больше не придется встрѣтиться. Давайте хотя обнимемся, кремневый въ человѣкъ!..

«Кремневый человѣкъ» смутился, что-то пробормоталъ невнятно, наскоро обнялся съ пріятелемъ и черезъ полчаса былъ на сборномъ пунктѣ, а на другой день мчался въ поѣздѣ желѣзной дороги туда, гдѣ грохотали пушки и лилась человѣческая кровь.

II.

Развѣдчики.

Было холодное и туманное декабрьское утро.

Густой молочно-бѣлый туманъ наполнялъ долину, лежавшую къ западу отъ турецкой крѣпости Алашкертъ. Внизу онъ стлался надъ свѣжимъ, выпавшимъ раннимъ утромъ, снѣгомъ, вверху стоялъ неподвижно, какъ застывшее море.

Налетѣлъ порывъ вѣтра, туманъ начиналъ волноваться, и тогда сквозь разорванные клочья его, какъ черезъ огромныя окна, были видны покрытыя снѣгомъ горы съ высокими скалами, утесами, съ мелкимъ лѣсомъ, который, какъ щетина, торчалъ на склонахъ.

Въ этихъ горахъ, сдавившихъ съ боковъ долину, въ глубокомъ ущельѣ, похожемъ на гигантскую извилистую трещину, пробирались Демидовъ и двое его товарищей съ винтовками въ рукахъ. Съ первыхъ же дней своего нахожденія на передовыхъ позиціяхъ, Демидовъ заявилъ себя опытнымъ развѣд-

чикомъ. Сначала онъ ходилъ на развѣдки въ партіи, потомъ сталъ ходить одинъ, пока не подыскалъ двухъ товарищей.

Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Февралевъ, а по прозвищу Кобчикъ, былъ изъ запасныхъ, человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, съ черной пушистой бородкой и маленькими усами. До войны онъ занимался сапожнымъ ремесломъ и, повидимому, трудно было бы ожидать, чтобы изъ него вышелъ хотя бы «немудрящій» развѣдчикъ, на самомъ же дѣлѣ въ исполствіи онъ оказался далеко незауряднымъ развѣдчикомъ. Кобчикомъ же его прозвали за то, что однажды вечеромъ онъ подкрался къ турецкому часовому, находившемуся въ сторожевой цѣпи, схватилъ его за горло и задушилъ.

Другой товарищъ Демидова былъ еще совсемъ юный, семнадцати-лѣтній гимназистъ Снѣговской, поступившій въ дѣйствующую армію добровольцемъ. Это былъ живой, веселый, голубоглазый мальчикъ, безъ малѣйшаго признака бороды и усовъ на румяномъ лицѣ.

Онъ былъ сыномъ чиновника казенной палаты, учился въ Ставрополѣ-Кавказскомъ, откуда бѣжалъ тайно отъ родителей на войну съ единственной цѣлью сдѣлаться развѣдчикомъ. На войнѣ онъ оказался не дурнымъ стрѣлкомъ.

Демидовъ ближе узналъ его, когда однажды на партію развѣдчиковъ въ десять человѣкъ, среди которыхъ находился онъ и Снѣговской, напало человѣкъ шестьдесятъ конныхъ курдовъ. Шестерыхъ развѣдчиковъ курды успѣли уложить ружейными пулями, остальные четверо, въ томъ числѣ Демидовъ и Снѣговской, залегли за камни, изъ-за которыхъ открыли стрѣльбу по курдамъ.

Снѣговской, лежавшій рядомъ съ Демидовымъ, стрѣлялъ не торопясь, старательно цѣля, и рѣдкая его пуля пропадала даромъ. Почти послѣ каждого его выстрѣла падалъ курдъ или лошадь.

— Главное—не спѣшить,—говорилъ онъ Демидову.—Смотрите: бью того, который впереди скачетъ съ пикой...

— Словно во время игры на билліардѣ: бью краснаго въ уголъ,—мелькнуло въ головѣ Демидова.

Курды насѣдали, и въ концѣ концовъ, смяли бы развѣдчиковъ, если бы на помощь имъ не явилась сотня терскихъ казаковъ, которая и обратила курдовъ въ бѣгство.

Снѣговской поднялся на ноги, стряхнулъ рукой снѣгъ съ колѣнъ и съ груди.

Демидовъ съ большимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

— Гдѣ вы научились такъ мѣтко стрѣлять?—спросилъ онъ его.

— Дома,—отвѣчалъ Снѣговской, поднимая на него простодушные голубые глаза.—Мой дядя—ротный командиръ... ну, вотъ я имѣлъ возможность. Впрочемъ,—продолжалъ онъ просто,—этому нетрудно научиться: надо умѣть болѣе или менѣе точно опредѣлять разстояніе на глазомѣръ, затѣмъ нужна устойчивость въ рукахъ. Взять же цѣль на мушку—пустяки. Главное, по моему мнѣнію, во время стрѣльбы надо быть хоть мемного хладнокровнымъ.

— Ну, ты то, пожалуй, ужъ слишкомъ хладнокровенъ для своихъ лѣтъ,—подумалъ Демидовъ и впослѣдствіи, когда на развѣдку сталъ ходить съ Кобчиномъ, взявъ въ товарищи и Снѣговского, чему послѣдній былъ очень радъ.

Кобчикъ въ первое время косился на него, а тотъ, какъ бы не замѣчая этого, не разъ принимался поучать его.

— Опасность, Лука Мартыновичъ, закаляетъ человѣка, вырабатываетъ въ немъ силу воли,—говорилъ онъ ему.

— Ну-ну... «опасность», — ворчалъ Кобчикъ,—молодѣе... по-настоящему—тебѣ надо бы еще ариметику учить... Гм... «опасность»...

III.

Въ трещинѣ скалы.

Въ ущельѣ было дико и глухо. Солнце не заглядывало въ него и въ лѣтній полдень, а теперь отъ сгустивагося тумана было сумрачно, какъ раннимъ вечеромъ. По обѣ стороны его отвѣсными стѣнами стояли каменные скалы; мѣстами свѣшивались громадныя утесы и, казалось, вотъ-вотъ рухнуть съ грохотомъ на дно ущелья, гдѣ лежали камни и обломки скалъ, обросшіе зеленымъ, запыреннѣмъ снѣгомъ, мхомъ.

Вверху туманъ ползъ разорванными клочками, спускался въ ущелье и, цѣпляясь за утесы, курился какъ дымъ потухающаго костра.

Ни одного звука не долетало извнѣ въ это гиблое мѣсто, лишь порой наверху начиналъ шумѣть вѣтеръ. Демидовъ, подвигаясь впередъ, иногда останавливался, прислушивался. Но гиблое мѣсто попрежнему оставалось безмолвнымъ.

Развѣдчики подошли къ высокой каменной скалѣ, стоявшей поперекъ ущелья. Глубокая и широкая трещина разсѣкла ее сверху до низу.

Демидовъ, нагнувшись, заглянулъ въ трещину, и жуткимъ безмолвіемъ могилы повѣяло на него изъ ея пасти. Онъ просунулъ въ нее голову и минуту другую напряженно всматривался въ темноту. Гдѣ-то въ глубинѣ ея узкой полоской пробивался слабый свѣтъ.

Демидовъ повернулся къ товарищамъ.

— Выходъ есть,—сказалъ онъ,—только достаточно ли широкъ и сумѣемъ ли мы пролѣзть?

Снѣговской подошелъ къ нему.

— Попробуемъ, Степанъ Степановичъ, проговорилъ онъ,—позвольте мнѣ лѣзть впередъ: я тоньше васъ.

— Да вѣдь и я не толстъ,—возразилъ Демидовъ, усмѣхаясь, и тотъ же часъ опустился на колѣни и поползъ въ трещину. Снѣговской подождать, когда ноги Демидова исчезли въ трещинѣ, затѣмъ поползъ слѣдомъ за нимъ.

Кобчикъ прежде чѣмъ пролѣзть, внимательно посмотрѣлъ по сторонамъ, чтобы убѣдиться, не подсматриваетъ ли кто-нибудь за ними.

Трещина вначалѣ была широка и высока—въ ней можно было свободно повернуться и даже всгаться, немного согнувшись, но дальше она становилась все уже, и мѣстами приходилось съ трудомъ протискиваться по ней бокомъ, при чемъ руки и колѣни нащупывали острые камни. Было въ ней темно и душно, стѣны ея, казалось, давили тѣло съ боковъ, сверху, снизу и въ душу закрадывалась тоска. Время тянулось очень медленно, и, казалось, конца не будетъ этому ужасному проходу.

Развѣдчики ползли молча, обливаясь потомъ. Слышенъ былъ шорохъ да порой глухой стукъ ложи винтовки о камни.

Демидовъ остановился на минуту перевести дыханіе, и въ головѣ его мелькнула мысль, что этотъ проходъ извѣстенъ туркамъ, что, можетъ быть, они сторожатъ его по другую сторону скалы.

— Не попадемъ ли мы подобно мышамъ въ ловушку? — подумалъ онъ. Смерть не пугала его, но холодъ пробѣжалъ у него по спинѣ. Онъ на мгновеніе живо представилъ себѣ, какъ будутъ смѣяться и издѣваться надъ нимъ турки, когда схватятъ его за голову и потащутъ изъ трещины.

Впереди посвѣтлѣло, полоса свѣта росла, ширилась, холодный воздухъ обвѣялъ лицо Демидова. Трещина оборвалась. Демидовъ осторожно выглянулъ наружу. Недалеко отъ выхода изъ трещины лежалъ громадный обломокъ гранитной скалы, дальше — начиналась плоская небольшая возвышенность, покрытая снѣгомъ. Туманъ стоялъ надъ ней. Демидовъ вылѣзъ изъ трещины и поползъ на четверенькахъ къ обломку скалы, потомъ всталъ, обошелъ его кругомъ. Шагахъ въ ста отъ него стояло молодое деревцо все въ серебристомъ инеѣ; немного въ сторону отъ деревца тянулся узкой полосой низкорослый кустарникъ, также опушенный инеемъ. Между деревцомъ и кустарникомъ были разбросаны три-четыре большихъ камня. На снѣгу не видно было слѣдовъ человѣческихъ ногъ, и только около обломка скалы заяцъ, пробѣжавшій рано утромъ, оставилъ свой слѣдъ.

Стояла тишина. Демидовъ присѣлъ за гранитомъ и съ чувствомъ облегченія глубоко вздохнулъ. Въ трещинѣ онъ пробылъ не болѣе тридцати минутъ, а ему казалось, что прошелъ цѣлый день, что уже наступилъ вечеръ.

Изъ трещины вылѣзъ Снѣговской, а за нимъ — Кобчикъ.

Лицо юноши было блѣдно, губы плотно сжаты. Увидя Демидова, онъ улыбнулся ему. Кобчикъ снялъ папаху, перекрестился, оглянулся на скалу и головой покачалъ. Скала поднялась вы-

сокой отвѣсной стѣной, и трещина, какъ и на этой сторонѣ, шла до ея вершины. Снѣговской и Кобчикъ подошли къ Демидову, присѣли на корточкахъ.

— Ну и щель, — полушепотомъ проговорилъ Кобчикъ, кивнувъ головой въ сторону скалы. — Ужъ очень то тяжело было. А ну, думаю, застрянемъ мы: ни взадъ, ни впередъ!.. И темнота тоже дожимала...

— Да, это вѣрно! — тоже шепотомъ подхватилъ Снѣговской. — Такая жуткая темнота... Я раньше не зналъ, что человѣкъ такъ сильно можетъ тосковать по свѣту, вотъ по этому туманному небу. Мнѣ даже казалось, что я уже больше не увижу неба. А вамъ, Степанъ Степановичъ, было страшно? — спросилъ онъ Демидова, пытливо смотря ему въ глаза.

— Да, — отвѣтилъ Демидовъ. — Меня пугала темнота, и потомъ я боялся, что турки вотъ тутъ поджидаютъ насъ...

— Ну, вотъ-вотъ! — словно обрадовавшись подхватилъ Снѣговской. — Я ожидалъ, что вы именно такъ скажете... Иной на вашемъ мѣстѣ сказалъ бы, что не было страшно. Но вы этого не сказали, потому что вы — правдивый человѣкъ... Позвольте, Степанъ Степановичъ, пожать вамъ руку...

Демидовъ поспѣшилъ подать Снѣговскому руку, которую тотъ пожалъ съ большимъ чувствомъ.

Щеки Снѣговского покрылись румянцемъ, и что-то дѣтски-милое было въ его глазахъ, въ его лицѣ.

IV.

Смерть товарища.

Демидовъ выглянулъ изъ-за гранита. Вѣтеръ началъ разгуливаться. Туманъ за клубился, поднялся выше, густая пелена его разорвалась, и клочья ея, подобно вспугнутой стаѣ большихъ бѣлыхъ птицъ, летѣли въ разныя стороны. Вдали показалась скалистый склонъ горы.

Какъ напряженно ни всматривался Демидовъ въ этотъ склонъ и въ небольшіе холмики, разбросанные по плоскости, и въ ближайшій кустарникъ, онъ нигдѣ не могъ замѣтить присутствія человѣка. Но онъ зналъ, что въ горахъ всюду притаились люди и ждутъ

удобнаго момента, чтобы начать убивать себя подобных. Онъ знаетъ, что, можетъ быть, черезъ минуту-другую загрохочутъ пушки, затрепещутъ ружья...

Онъ повернулся къ товарищамъ и присѣлъ, какъ они, на корточкахъ.

Кобчикъ старательно поправлялъ сумку съ патронами на поясѣ, а Снѣговской смотрѣлъ куда-то вдаль разсѣяннымъ задумчивымъ взоромъ.

— Вотъ такъ-то будетъ лучше, — проговорилъ Кобчикъ, туже затягивая поясъ.

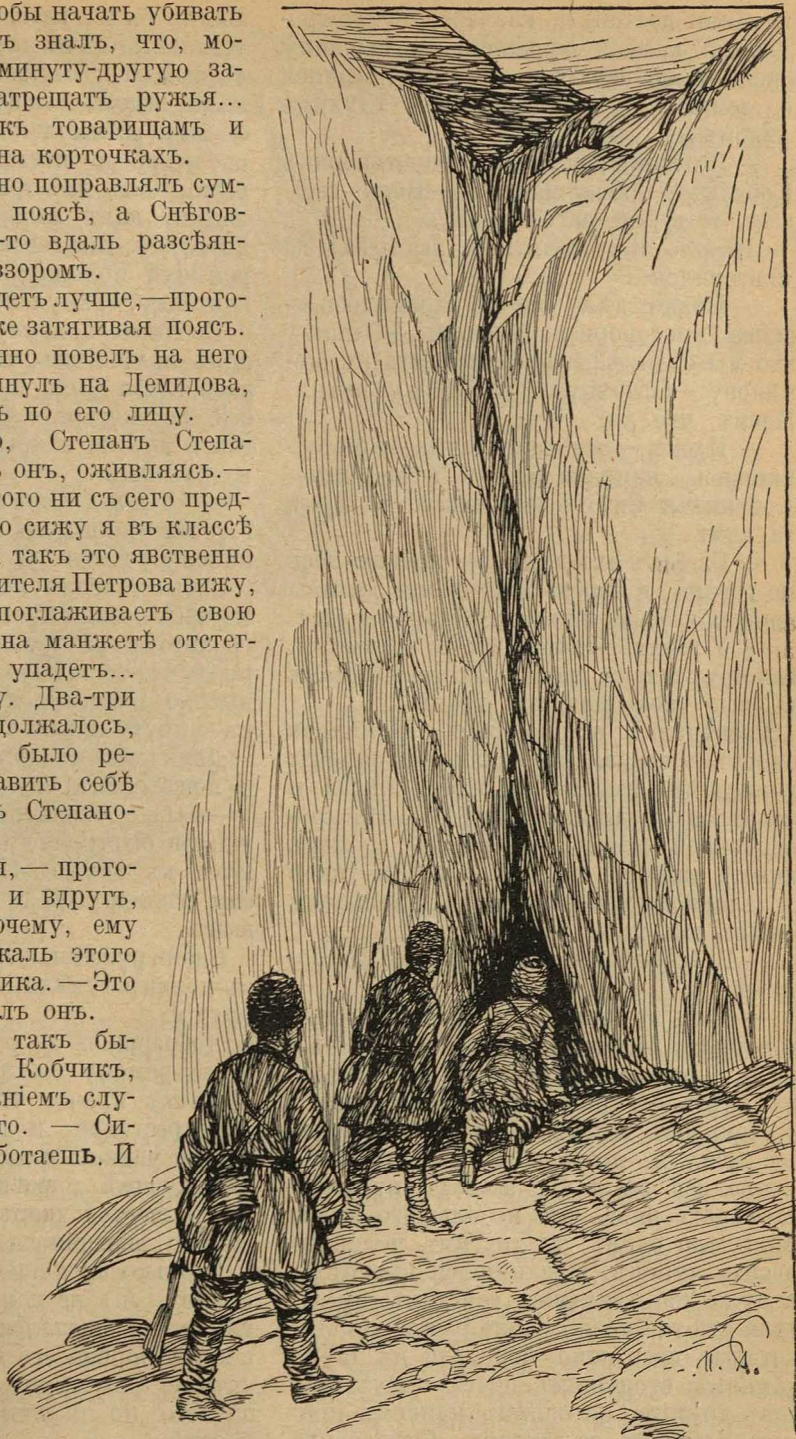
Снѣговской медленно повелъ на него глазами, потомъ глянулъ на Демидова, и улыбка распозлась по его лицу.

— Странное дѣло, Степанъ Степановичъ, — заговорилъ онъ, оживляясь. — Сейчасъ вотъ ни съ того ни съ сего представилось мнѣ, будто сижу я въ классѣ на урокъ физики. И такъ это явственно представилось! И учителя Петрова вижу, какъ онъ рукой поглаживаетъ свою бороду, а запонка на манжетѣ отстегнулась и вотъ-вотъ упадетъ... и голосъ его слышу. Два-три мновенья это продолжалось, но до чего все это было реально, вы и представить себѣ не можете, Степанъ Степановичъ!...

— Это случается, — проговорилъ Демидовъ, и вдругъ, самъ не зная почему, ему стало невыразимо жаль этого краснощекаго мальчика. — Это случается, — повторилъ онъ.

— А то еще и такъ бываетъ, — заговорилъ Кобчикъ, съ большимъ вниманіемъ слушавшій Снѣговского. — Сидишь это одинъ, работаешь. И вдругъ слышишь — кто-то зоветъ тебя, такъ явственно по имени тебя называетъ. Оглянешься, и нѣтъ никого. Разъ два такъ случалось со мной...

— Бу-у-у-у... — донеслось откуда-то изъ далека. Демидовъ, нагнувшись, заглянулъ въ трещину, и жуткимъ безмолвіемъ могилы повѣяло на него изъ ея пасти.

глубины долины и, казалось, будто громадный камень сорвался съ вершины очень высокой горы, тяжело ударился о землю и покатился съ глухим гуломъ.

— Это наши начинаютъ,—проговорилъ Кобчикъ, прислушаваясь.—Вотъ сейчасъ и турки заговорають...

Прошло минутъ пять, а выстрѣлъ не повторился.

— Видно, дѣло еще не наладилось,— снова проговорилъ Кобчикъ.—Однако, что мы сидимъ?—обратился онъ къ Демидову.—Отдохнули, да и въ путь... Идемъ, что ли?

— Идемъ,—отвѣтилъ Демидовъ и, поднявшись, направился къ кустарнику. Кобчикъ и Снѣговской пошли слѣдомъ за нимъ.

— Ба-бахъ-ахъ-ахъ... — прокатилось по горамъ, и черезъ минуту изъ долины донесся глухой, но тяжкій ударъ взрыва.

— У-у-ухъ!—словно кто-то огромный, какой-то титанъ, тяжело вздохнулъ тамъ во всю свою могучую грудь.

Развѣдчики остановились. Демидовъ смотрѣлъ на далекій скалистый склонъ, думая, что именно съ этого склона и раздался орудійный выстрѣлъ. Но кромѣ сѣрой массы каменныхъ громадъ ничего тамъ не видѣлъ. Туманъ узкой и длинной полосой, какъ, карнизомъ окаймлялъ ихъ.

— Бу-у-у-у...—опять загудѣло въ долинь.

— Вотъ это такъ,—одобрительно проговорилъ Кобчикъ.—Вотъ это я понимаю...—онъ не договорилъ и бросился на снѣгъ.—Турки,—прошепталъ онъ.

Демидовъ и Снѣговской уже лежали на снѣгу и, приподнявъ головы, всматривались въ даль. Шагахъ въ пятистахъ отъ нихъ, изъ небольшого холма высыпало одинъ за другимъ человекъ десять турокъ. Послышался выстрѣлъ, и пуля съ пѣвучимъ свистомъ пролетѣла гдѣ-то близко около развѣдчиковъ, которые поспѣшно поползли къ двумъ камнямъ, стоявшимъ почти одинъ противъ другого. За однимъ камнемъ прилегъ Демидовъ, за другимъ—Снѣговской и Кобчикъ.

Турки быстро подвигались къ нимъ. Развѣдчики открыли частую стрѣльбу.

Видно было, какъ двое турокъ упали, остальные легли на снѣгъ. Затрещали ихъ выстрѣлы... Пули зажужжали вверху какъ шмели, зашуршали по кустамъ, сорвали нѣсколько вѣтокъ съ дерева, съ котораго посыпался иней. Слышно было, какъ двѣ-три пули «цокнули» въ камни, какъ завизжали, рикошетируя по снѣгу. Снѣговской приподнялся, перемѣняя положеніе, и вдругъ уронивъ винтовку, ткнулся лицомъ въ снѣгъ.

Кобчикъ повернулъ его вверхъ лицомъ и увидѣлъ, что на мѣстѣ его лѣваго глаза было круглое черное отверстіе, изъ котораго лилась кровь. Другой глазъ плотно закрылся, губы чуть-чуть вздрагивали.

— Степанъ Степановичъ, Снѣговской готовъ!—крикнулъ Кобчикъ и снова принался стрѣлять.

Снова «бабахнуло» на горахъ, и тотъ же часъ позади кустарника съ ужаснымъ грохотомъ разорвался орудійный снарядъ, что-то завывало тамъ, заскрежетало, высоко взметнулся снѣгъ и потомъ еще съ минуту вился тонкой пылью.

Демидовъ поползъ къ Снѣговскому и пощиповалъ его въ губы.

— Надо уходить,—бросилъ онъ Кобчику и быстро побѣжалъ на четверенькахъ къ скалѣ. Кобчикъ выстрѣлилъ еще разъ-другой и поползъ за Демидовымъ.

Вдали ружейная трескотня участилась, въ долинь гудѣли, а на горахъ «ахали» орудія.

Добравшись до разсѣлины, Демидовъ по-звѣриному быстро юркнулъ въ нее. Кобчикъ, прежде чѣмъ полѣзть за нимъ, перекрестился, и губы его задрожали частой мелкой дрожью. Когда онъ былъ въ глубинѣ разсѣлины, снаружи раздался глухой ударъ взрыва и, казалось, сильно зашаталась скала.

Сколько времени онъ пробылъ въ разсѣлинѣ, онъ не помнилъ, а выбравшись изъ нея, зашатался какъ пьяный. Пылистая борода его побѣлѣла. Демидовъ чуть не ахнулъ отъ удивленія, глянулъ на него, но ни слова не сказалъ ему о бородѣ.

— Не дай Богъ,—проговорилъ Кобчикъ, тяжело вздыхая.—Лучше смерть, чѣмъ въ этой щели.

Кобчикъ взялъ винтовку и быстро, но безшумно прилегъ за чинарой.

— Да, да, это ужасно,—опять подтвердилъ Демидовъ.—Это ужасно... Идемъ...

И онъ опять зашагалъ. Къ вечеру онъ съ Кобчикомъ вернулся въ окопы и отдалъ командиру роты подробный отчетъ о своей развѣдкѣ.

Въ ту же ночь, задолго до разсвѣта, онъ опять былъ въ ущельѣ, пробрался черезъ развѣлину и ползъ къ камнямъ.

Трупъ Снѣговскаго лежалъ на прежнемъ мѣстѣ, но уже былъ ограбленъ: турки сняли съ него полушубокъ, папаху, сапоги, теплую рубаху и все это унесли съ собой, захвативъ и его винтовку.

Склонившись надъ трупомъ, Демидовъ увидѣлъ на лбу его небольшое темное отверстіе, продѣланное пулей: турки нашли нужнымъ «добить» уже мертвого мальчика.

Демидовъ, ползя по снѣгу, перетаскивалъ трупъ къ скалѣ и тамъ, лежа на снѣгу, долго долбилъ мерзлую землю желѣзной лопатой съ короткой рукояткой.

Потъ крупными каплями падалъ съ его лица, онъ все долбилъ и долбилъ, по временамъ останавливаясь и прислушиваясь. Но вокругъ было тихо. Горы спали. Небо было покрыто тучами. Къ разсвѣту оно прояснилось, рѣдкія утреннія звѣзды засверкали на немъ.

Неглубокая длинная яма была наконецъ вырыта. Демидовъ съ особой заботли-

— Да, да,—подтвердилъ скороговоркой Демидовъ, думая о чемъ-то другомъ.—Это правда. Но идемъ, скорѣе идемъ...

И онъ пошелъ быстрымъ шагомъ, уже не соблюдая прежней осторожности.

Кобчикъ угрюмо шагаль за нимъ, а въ ушахъ у него стоялъ грохотъ взрыва.

Высоко надъ ущельемъ волной шелъ глухой и тягучій гулъ орудіяныхъ выстрѣловъ. За однимъ изъ поворотовъ Демидовъ остановился на минуту перевести дыханіе.

Кобчикъ, все еще находясь подъ вліяніемъ пережитого, снова заговорилъ.

— Думаль, что турки слѣдомъ лѣзутъ, за ноги хватаютъ,—медленно говорилъ онъ, тяжело вздыхая и покачивая головой.

востью уложилъ въ нее трупъ, засыпалъ его землей, смѣшанной со снѣгомъ, сверху навалилъ камней, потомъ полѣзъ въ расщелину, какъ звѣрь въ берлогу.

Какіе-то странные, воюющіе звуки слышались изъ расщелины: похоже было на то, что будто выль въ ней тяжело раненый звѣрь. Это Демидовъ, пробираясь въ темнотѣ, громко рыдалъ.

Два дня спустя, наши войска съ боемъ прошли долину и заняли возвышенность, на которой турки обстрѣливали Демидова и его товарищей.

Кобчикъ и Демидовъ пришли на могилку Снѣговскаго и навалили на нее еще нѣсколько камней.

— Такъ-то прочіе будутъ,—говорилъ Кобчикъ,—звѣрь не докопается... Славный парнишка былъ,—промолвилъ онъ потомъ,—царство ему небесное...

Онъ помолчалъ и снова заговорилъ:

— А помнишь, Степанъ Степановичъ, какъ онъ рассказывалъ... будто учитель привидѣлся, гимназія... Помнишь?

— Помню,—тихо отвѣчалъ Демидовъ, не отрывая взора съ вершинъ далекихъ горъ, на снѣгахъ которыхъ уже начали переливаться нѣжными алыми огнями отблески вечерней зари.

Демидовъ и Кобчикъ съ утра были на развѣдкѣ, пробираясь къ турецкой позиціи, которая находилась въ томъ мѣстѣ долины, гдѣ два параллельно тянувшихся горныхъ отрога подходили одинъ къ другому настолько близко, что, казалось, замыкали ее.

Лѣвый отрогъ былъ высокій, скалистый и дикій, а правый—болѣе низкій, по склонамъ кое-гдѣ покрытый лѣсомъ, который издали чернѣлъ пятнами на бѣломъ фонѣ снѣговъ.

Развѣдчики только что выбрались изъ глубокой балки, заваленной буреломомъ, и стояли на краю небольшой полянки, за стволомъ старой и развѣистой чинары.

Кобчикъ прислонилъ винтовку къ стволу чинары, оправилъ поясъ съ патронными сумками, которымъ туго было затянуть короткій овчинный полушубокъ, поправилъ парусиновую сумку съ сухарями, висѣвшую у него черезъ плечо, снялъ съ себя башлыкъ, слегка встряхнулъ, сложилъ аккуратно, по-

томъ опять закинулъ его за плечи, а концы его заткнулъ за поясъ, потомъ снялъ сѣрую шапку и рукавомъ полушубка отеръ вспотѣвшій лобъ.

Демидовъ, держась за винтовку около штыка, поглядывалъ на Кобчика и молча усмѣхался. День стоялъ ясный, солнечный, съ небольшимъ морозцемъ. Вѣтеръ то шумѣлъ въ оголенныхъ вѣтвяхъ деревьевъ, пробѣгая по кустамъ боярышника, то сразу утихалъ.

Гдѣ-то далеко внизу, въ долину, изрѣдко «бухали» орудія.

— Ужъ не на балъ-ли ты собираешься?—шепотомъ спросилъ Демидовъ, все также насмѣшливо поглядывая на Кобчика.

— Ну, на балъ не на балъ, а аккуратность въ одеждѣ не мѣшаетъ,—вполголоса проговорилъ онъ.—Ты, Степанъ Степановичъ, самъ сказывалъ...

— Постой-ка,—остановилъ его Демидовъ, прислушиваясь къ отдаленному шороху, который послышался ему съ противоположной стороны полянки.—Идутъ или ѣдутъ... не разберешь...

— Вѣрно... Кто-то претса къ намъ,—прошепталъ Кобчикъ, взявъ винтовку, быстро, но безшумно прилежъ за кустомъ боярышника, стоявшимъ впереди чинары. Демидовъ присѣлъ за другимъ кустомъ и сквозь колочія вѣтви его смотрѣлъ на полянку.

На другомъ краю ея, за деревьями хрустнула сухая вѣтка, послышался сильный шорохъ, который съ каждой минутой становился явственнѣе, и скоро на краю полянки появились трое верховыхъ курдовъ. Одинъ изъ нихъ, выхавъ на середину полянки, сдержалъ своего великолѣпнаго коня. Товарищи подѣхали къ нему и остановились. Развѣдчикамъ они были видны хорошо, такъ какъ находились отъ нихъ на разстояніи двадцати пяти—тридцати шаговъ. Одинъ курдъ былъ уже пожилой, съ сѣдой бородой, въ синей чалмѣ, сѣрой чухѣ (родъ черкески съ широкими, разрѣзанными до плечъ рукавами), подпоясанной большимъ цвѣтнымъ платкомъ, за который были заткнуты револьверъ и длинный ятаганъ; изъ-за плечъ торчалъ конецъ ствола винтовки, съ боку висѣла кривая сабля, а на груди

перекрещивались въ видѣ широкихъ поясовъ два патронташа.

Двое другихъ курдовъ были значительно моложе его, а одѣты и вооружены были такъ же, какъ и онъ. Старикъ что-то заговорилъ рѣзкимъ гортаннымъ голосомъ. Одинъ изъ его товарищей указалъ рукой въ ту сторону, гдѣ сидѣли развѣдчики. Старикъ отрицательно покачалъ головой, круто поворотивъ назадъ своего коня, и поѣхалъ назадъ по проторенному лошадыи слѣду. Товарищи его поѣхали за нимъ гуськомъ. Послышался трескъ ломавшихся подъ копытами сучьевъ, потомъ шорохъ постепенно затихъ.

Развѣдчики осторожно поднялись и опять подошли къ чинарѣ.

— Вотъ нежданно-негаданно чертей легкая принесла, — зашепталъ Кобчикъ. — Перещелкать всѣхъ троихъ — было плевое дѣло, да развѣдка тогда пропала бы вся...

Онъ страхнулъ рукой прилипшій къ груди и колѣнамъ снѣгъ...

— А подмывало меня уложить того, который руками въ нашу сторону показывалъ, — заговорилъ онъ снова. — Башку просадилъ-бы ему...

— Ну, однако, довольно болтать, пойдемъ, — сказали Демидовъ.

Они осторожно обогнули полянку, пошли по снѣгу, оставленному курдами. Слѣдъ шель межъ деревьями, обходилъ кусты, направляясь на лѣсную опушку, которая, судя по тому, что деревья порѣдѣли и чаще попадались кусты боярышника, терна и калины, была недалеко.

Развѣдчики оставили слѣдъ въ сторону, пошли лѣсомъ, вдоль опушки, держась направленія въ сторону долины. Пройдя съ четверть версты, они повернули вправо, ползкомъ пробрались на край опушки и прилегли за большимъ и пушистымъ кустомъ боярышника.

Предъ ними вблизи была довольно ровная мѣстность, кое-гдѣ покрытая кустарникомъ, кое-гдѣ на ней торчали большіе камни. А дальше она постепенно повышалась, поднимаясь, къ косорогу, за которымъ внизу лежала долина.

Демидовъ и Кобчикъ молча и внимательно смотрѣли на кусты, на камни, но нигдѣ не было замѣтно присутствія человѣка.

Стояла тишина. Снѣгъ блестялъ на солнцѣ. Иногда сильный порывъ вѣтра поднималъ тонкую снѣжную пыль, которая искрилась, сверкая красивыми разноцвѣтными огнями. Небо ярко синѣло, но синева его была холодная, по-зимнему суровая.

Демидовъ не спускалъ глазъ съ высокого и довольно широкаго красноватаго камня, который былъ похожъ на грубо отесанный намогильный памятникъ. Ему показалось, что кто-то сидитъ за этимъ камнемъ — какъ будто приподнялся, было, но тотъ же часъ опустился. Около камня разбросались кусты терновника.

Кобчикъ, перемѣняя положеніе, неловко завозилъ.

— Тише, — прошепталъ Демидовъ. — Смотри вонъ туда, — показала онъ глазами на камень...

Прошло пять-шесть минутъ. Вдругъ изъ-за камня медленно показался турокъ въ башлыкѣ, черной шинели, съ ранцемъ за плечами. Винтовку онъ держалъ подъ мышкой, спрятавъ озябшія руки въ рукава шинели. Онъ постоялъ, посмотрѣлъ на лѣсъ и также медленно скрылся за камнемъ.

— Та-акъ, насмѣшливо прошепталъ Кобчикъ. Это, значить, будетъ часовой сторожевой дѣшпи. Такъ значить, и запишемъ. Только, я полагаю, Степанъ Степанычъ, надобно его убрать, а то намъ проходу не будетъ...

— Конечно, убрать, — шепотомъ овѣчалъ Демидовъ. — Только сдѣлать надо это безъ шума...

— Ну само сабою разумѣется! — возразилъ Кобчикъ. — Потихоньку, полегоньку... Къ чему шумъ?.. Тихимъ манеромъ сдѣлаемъ. Ты, Степанъ Степанычъ, лежи тутъ, а я поползу... Не безпокойся, въ аккуратѣ будетъ...

Онъ снялъ съ себя поясъ, сумку съ сухарями и положилъ ихъ на снѣгу.

— Такъ-то свободнѣе будетъ, — проговорилъ онъ. — Главное, знать бы — одинъ сидитъ онъ тамъ, или двое...

— Ладно, — сказалъ Демидовъ, — потомъ поговоримъ...

Кобчикъ поползъ и скрылся въ кустарникѣ. Демидовъ осторожно просунулъ межъ вѣтвей стволъ винтовки, попробовалъ взять камень на мушку.

Въ случаѣ надобности можно было, не поднимаясь, отлично обстрѣлять и камень, и мѣсто около него шаговъ на сто въ окружности. Держа винтовку наготовѣ, онъ не спускалъ глазъ съ камня и каждую минуту ожидалъ, что турокъ замѣтитъ Кобчика и откроетъ по немъ стрѣльбу.

Турокъ опять показался, какъ раньше, держа винтовку подъ мышкой и спрятавъ руки въ рукава шинели. Посмотрѣлъ онъ по сторонамъ и опять скрылся за камнемъ.

V.

„Сняли“ часового.

Время тянулось долго. Вѣтеръ шумѣлъ. Изъ долины отъ времени до времени доносились орудійные выстрѣлы.

— Бу-у-у... ползло гдѣ-то вниз, а иногда послѣ выстрѣла доносился глухой гулъ взрыва орудія снаряда.

Прошло минутъ двадцать, прошло полчаса, а Демидову они показались цѣлыми часами. Онъ попрежнему не спускалъ глазъ съ камня, но турокъ ужъ больше не показывался.

Вдругъ Демидовъ увидѣлъ, какъ изъ кустарника, стоявшаго недалеко отъ камня, поднялся Кобчикъ и стремительно кинулся къ турку. За камнемъ послышался крикъ и сразу оборвался.

Прошло еще нѣсколько минутъ, изъ за камня никто не показывался ни турокъ ни Кобчикъ.

— Что-же это такое?—въ недоумѣніи прошепталъ Демидовъ, и отъ сильного волненія дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Но вотъ вышелъ турокъ, только даже безъ ранца, и ружье держалъ онъ не подъ мышкой, а въ лѣвой рукѣ.

Онъ медленно обошелъ камень, остановился и два раза махнулъ рукой по направлению куста боярышника, за которымъ сидѣлъ Демидовъ.

Демидовъ понялъ сразу, что Кобчикъ убилъ турка и надѣлъ на себя его шинель, голову закутавъ въ башлыкъ.

— Степанычъ,—послышался сдержанный голосъ Кобчика.

Демидовъ взялъ поясъ и сумку Кобчика, поползъ въ кустарникъ и скоро былъ около камня.

Кобчикъ, прислонившись спиной къ камню, посматривалъ по сторонамъ.

Передъ нимъ неподвижно лежалъ лицомъ внизъ турокъ. Одна рука подогнута подъ него, другая — безпомощно лежала на снѣгу. Онъ былъ въ одномъ мундирѣ, голова его попрежнему была обмотана башлыкомъ.

На снѣгу было видно большое темное пятно крови, а вокругъ него — нѣсколько маленькихъ розовыхъ пятенъ. Около турка лежали его ранецъ изъ телячьей кожи, винтовка и поясъ съ двумя патронными сумками.

— Съ одного удара положилъ,—проговорилъ Кобчикъ, слегка кивнувъ головой на трупъ турка.—Сидѣлъ онъ, прислонился къ камню и голову свѣсилъ... должно задремалъ... И подняться я не далъ ему—весь штыкъ всадилъ...

— Въ грудь? спросилъ Демидовъ.

— Въ грудь,—сказалъ Кобчикъ.—Легонько вскричалъ и готовъ.

Онъ помолчалъ, осмотрѣлся вокругъ и присѣлъ къ Демидову.

— Тутъ по близости, Степанъ Степанычъ не видно другихъ постовъ, заговорилъ онъ.—Можетъ, дальше тамъ, показавъ онъ рукой въ сторону косогора,—есть... Ты посиди тутъ а я немного пройдуся вонъ по тому сѣлду, кивнулъ онъ на сѣлдъ отъ сапогъ, который шелъ отъ косогора къ камню. Ну иду, собрался, было, онъ уходить.

— Какъ-же это пойдешь?—остановилъ его Демидовъ.—Развѣ турки стоятъ на посту безъ ранца?

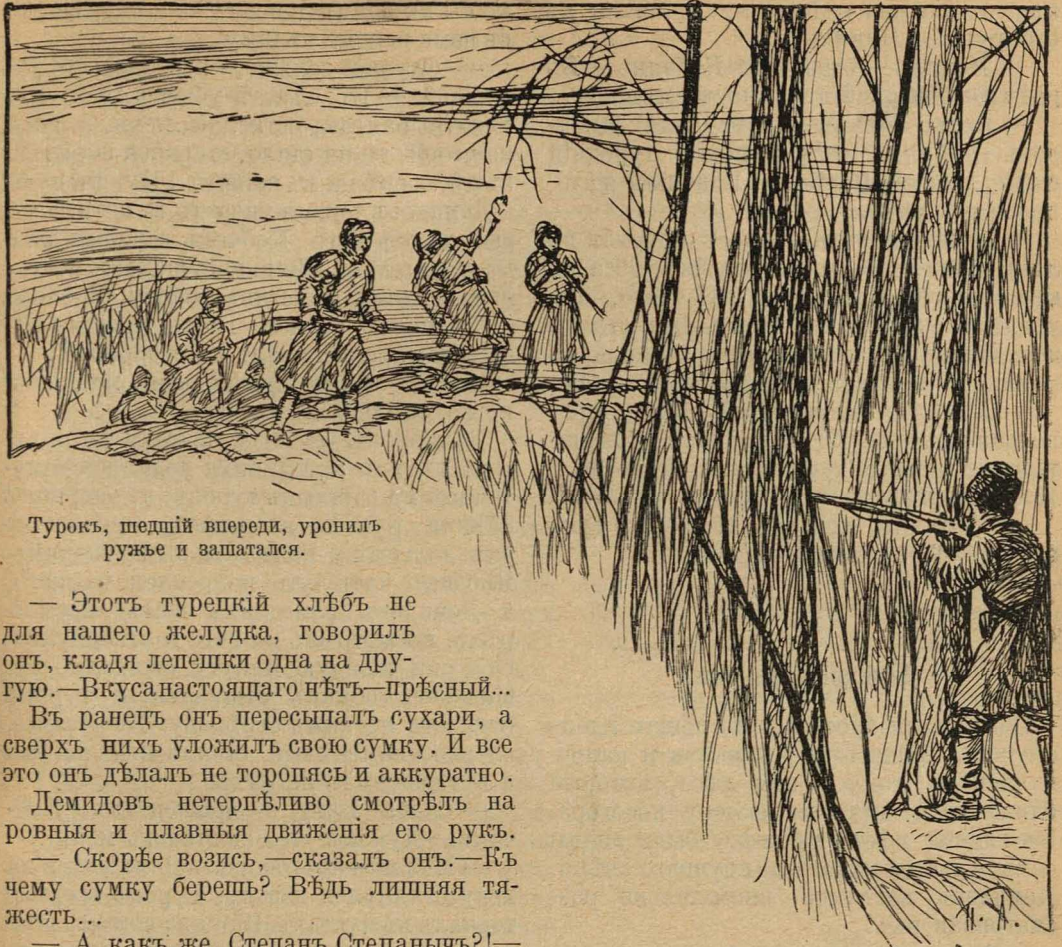
— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ!—спохватился Кобчикъ.—Вотъ простофиля-то. Колотить за это надо, ей Богу надо... Степанычъ, Господь дастъ, останемся живы здоровы, дашь мнѣ хорошенько по затылку, чтобы не былъ такимъ остолопомъ...

— Ладно, усмѣхнулся Демидовъ,—собирайся живѣе...

Кобчикъ прислонилъ винтовку къ камню, взялъ ранецъ и раскрылъ его. Въ ранцѣ лежали пять небольшихъ кукурузныхъ лепешекъ и свертокъ табаку...

— Эхъ, табочокъ славный,—проговорилъ Кобчикъ, засовывая свертокъ въ карманъ шинели. Была и трубка, я выбросилъ ее: не люблю... то ли дѣло цыгарочка!..

Лепешки онъ аккуратно положилъ на снѣгу.

Турокъ, шедшій впереди, уронилъ ружье и зашатался.

— Этотъ турецкій хлѣбъ не для нашего желудка, говорилъ онъ, кладя лепешки одна на другую. — Вкусанастоящаго нѣтъ — прѣсный...

Въ ранецъ онъ пересыпалъ сухари, а сверхъ нихъ уложилъ свою сумку. И все это онъ дѣлалъ не торопясь и аккуратно. Демидовъ нетерпѣливо смотрѣлъ на ровныя и плавныя движенія его рукъ.

— Скорѣ возись, — сказалъ онъ. — Къ чему сумку берешь? Вѣдь лишняя тяжесть...

— А какъ же, Степанъ Степанычъ?! — удивился Кобчикъ. — Сумка — вещь казенная, за нее отвѣчалъ придется...

Онъ закинулъ за плечи ранецъ, застегнулъ его ремни на груди.

— Вотъ и форменный турокъ! — сказалъ онъ, поднимаясь, взявъ винтовку и пошелъ по направленію косогора. Шелъ онъ не быстро и не медленно, и незамѣтно для посторонняго наблюдателя посматривалъ по сторонамъ.

Демидовъ смотрѣлъ вслѣдъ ему, держа винтовку наготовѣ.

Вдругъ неподвижно лежавшій турокъ захрипѣлъ.

— Хро... хро... хро... клокотало у него въ горлѣ, рука, лежавшая на снѣгу, шевельнулась, пальцы ея, толстые и короткіе, судорожно задергались.

Демидовъ поплѣднѣлъ, и глазъ не могъ оторвать отъ него. Ему казалось вотъ

вотъ турокъ медленно поднимется, встанетъ во весь ротъ и пристально посмотритъ на него.

Но этого не случилось. Хрипѣніе прекратилось, и перестали подергиваться пальцы.

Между тѣмъ Кобчикъ, пройдя шаговъ двѣсти, не торопясь, вернулся къ камню.

— Тамъ, — кивнулъ онъ головой въ сторону косогора, — около куста сидитъ еще одинъ дьяволъ. Шаговъ на триста былъ отъ меня... Я думалъ окликнуть... нѣтъ, молчитъ... посмотрѣлъ такъ внимательно... Можетъ, тамъ еще и другіе притаились... Ну, что скажешь, какъ быть?..

— А вотъ какъ, сказалъ Демидовъ. — Шинель и ранецъ не снимай... Я поползу въ лѣсъ, а ты подними его, кивнулъ онъ головой на трупъ турка, прислони къ кам-

ню, а винтовку поясомъ привяжи къ его рукѣ... Понялъ?

— Понялъ,—отозвался Кобчикъ.—Въ родѣ какъ часовой стоитъ на своемъ посту...

— Вотъ, вотъ,—подтвердилъ Демидовъ.—Да не забудь поясъ турецкій снять, а свой надѣть... Кончишь дѣло, ползи ко мнѣ...

И Демидовъ тотъ же часъ поползъ въ лѣсъ и скоро былъ на опушкѣ лѣса въ кустарникѣ. Выглянувъ изъ него, онъ увидѣлъ около камня турка. Онъ стоялъ неподвижно, прислонившись спиной къ камню и держась за штыкъ винтовки.

— Видѣлъ?—спросилъ Кобчикъ, приползая къ Демидову.—Ловко, а? Издали-то кто глянетъ, подумаетъ: живой стоитъ... Ну, а дальше-то что станемъ дѣлать?..

— Пока что, пойдемъ лѣсомъ, а тамъ видно будетъ,—сказалъ Демидовъ.

VI.

Демидовъ раненъ.

Они встали и осторожно пошли вдоль опушки, прячась за деревьями и направляясь къ тому концу лѣса, который ближе подходилъ къ склону косогора. Въ одномъ мѣстѣ на снѣгу были видны свѣжіе слѣды какого-то крупнаго звѣря. Демидовъ нагнулся, внимательно разсматривая ихъ.

— Волкъ недавно прошелъ,—тихо проговорилъ онъ.

Лѣсъ кончался. Изъ-за деревьевъ виденъ былъ отлогій склонъ косогора. Кое-гдѣ чернѣлъ на немъ, разбросался кустарникъ. Демидовъ и Кобчикъ, стоя за деревомъ, долго обшаривали глазами склонъ, и ни одной живой души не замѣтили тамъ.

— Намъ обязательно надо пробраться на гребень,—заговорилъ Демидовъ.—Ты будешь турокъ, а я—твой плѣнный русскій. Ты поведешь меня.. На-ка винтовку... Повесь ее на плечо, а свою держи наготовѣ, и дальше шести-восьми шаговъ не отпускай меня отъ себя.. Пойдемъ не особенно быстро.. Если увидать насъ постовые часовые, не обращай на нихъ вниманія...

— Это ловко придумано!—проговорилъ Кобчикъ, отпуская ремень на винтовкѣ Демидова и вѣшая ее на плечо.—Толь-

ко бы ни одинъ дьяволъ не повстрѣчался съ нами носомъ къ носу...

— Слушай дальше,—перебилъ его Демидовъ.—Въ случаѣ убійтъ меня или тяжело ранять, оставляй меня, а самъ, во что бы то ни стало, старайся скрыться въ лѣсъ, снѣжи къ нашимъ.. Ну, въ путь!

Демидовъ пошелъ впередъ, въ пятишести шагахъ отъ него. Кобчикъ держалъ винтовку наготовѣ. Демидовъ шелъ съ покорнымъ видомъ, опустивъ голову, Кобчикъ не спускалъ съ него глазъ и время отъ времени посматривалъ по сторонамъ.

Шаговъ триста прошли они, постепенно поднимаясь къ гребню.

Въ сторонѣ отъ нихъ, шагахъ въ полтора-два, изъ кустарника поднялся закутанный въ башлыкъ турокъ, и, опершись обѣими руками на штыкъ, провожалъ ихъ долгимъ и внимательнымъ взоромъ. Кобчикъ чуть-чуть покосился на него, а Демидовъ замедлилъ шагъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него и отвернулся. Оба они каждую минуту ожидали, что вотъ-вотъ обманъ откроется, и турокъ откроетъ по нимъ стрѣльбу. Но турокъ, словно окаменѣлый, стоялъ неподвижно и все смотрѣлъ на нихъ.

— Слава Богу,—прошепталъ Кобчикъ.—Думалъ, что окликнетъ меня...

— Молчи,—проговорилъ Демидовъ и на ходу оглянулся назадъ. Турокъ все еще торчалъ въ кустахъ. Шагъ за шагомъ поднимались они все выше и выше, держась въ сторонѣ отъ кустарниковъ, попадавшихъ имъ на пути.

Вотъ уже и гребень косогора. Они прошли по немъ шаговъ пять, чуть спустились на другой склонъ и присѣли. Передъ ними былъ такой же отлогій и такой же голый склонъ. Ровной пеленой лежали на немъ снѣга и только въ рѣдкихъ мѣстахъ видны были черныя пятна кустарника. Въ самомъ низу, у подошвы косогора, видны были небольшія черныя фигурки людей. Еще дальше, въ глубинѣ долины, этихъ фигурокъ виднѣлось больше: онѣ то появлялись, то пропадали изъ вида. По другой сторону долины, у подошвы скалистой горы смутными очертаніями вырисовывалась турецкая деревня.

Демидовъ и Кобчикъ съ жаднымъ вниманіемъ изучали открывшуюся передъ ихъ глазами картину мѣстности...

Демидовъ хотѣлъ что-то сказать, но Кобчикъ движеніемъ руки остановилъ его: ему послышался позади какой-то подозрительный шорохъ. Онъ приподнялся и оглянулся назадъ. Четверо турокъ быстро поднимались по склону, идя по ихъ слѣду.

— Къ намъ турки идутъ, — проговорилъ Кобчикъ. — Должно, въ кустахъ притаились, когда мимо проходили...

Онъ снялъ съ плеча винтовку, подалъ ее Демидову.

И только что онъ сдѣлалъ это, какъ турки остановились и всѣ четверо выстрѣлили въ него разомъ. Но, очевидно, поторопились, и пули ихъ высоко пролетѣли надъ Кобчикомъ.

Демидовъ слегка приподнялся, прицѣлился и выстрѣлилъ. Турокъ, шедшій впереди, уронилъ ружье, зашатался. Двое товарищей подхватили его. Этимъ моментомъ воспользовались Демидовъ и Кобчикъ: быстро побѣжали по гребню, потомъ начали спускаться по склону.

Турки бросили раненаго, бросились къ нимъ, стараясь пересѣчь имъ путь, и въ то же время не переставали стрѣлять на бѣгу. Позади загремѣлъ выстрѣлъ. Демидовъ оглянулся и увидѣлъ на гребнѣ турка. Остановившійся на минуту, Демидовъ выстрѣлилъ въ него. Турокъ упалъ. Но и самъ Демидовъ почувствовалъ, какъ его, словно огромной дубиной, съ размаху ударили по плечу и по боку. Онъ тяжело грохнулся на снѣгъ.

— Я убитъ! — крикнулъ онъ Кобчику. — Спасайся.

Туманъ заволокъ его глаза, и онъ потерялъ сознаніе.

Кобчикъ приостановился, выстрѣлилъ въ приближавшихся къ нему турокъ, свалилъ одного изъ нихъ и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ лѣсу.

До опушки оставалось недалеко. Онъ напрягъ силы, добѣжалъ до ближайшаго дерева и изъ-за ствола его сталъ стрѣлять въ турокъ.

Турки легли на снѣгъ и открыли по немъ стрѣльбу.

— Съ двоими-то я справлюсь, — проговорилъ онъ, трясущимися руками заправляя винтовку новой обоймой.

На гребнѣ послышался крикъ. Толпа турокъ показалась тамъ.

Кобчикъ пустилъ въ нее пулю и бросился бѣжать въ глубь лѣса, сбрасывая съ себя ранецъ.

Задыхаясь отъ усталости, онъ несея по лѣсу, какъ звѣрь, за которымъ гнались собаки. Позади него гремѣли выстрѣлы. Онъ, не останавливаясь, бѣжалъ, прячась за стволы деревьевъ, и уже не помнилъ, какъ очутился въ глубокой балкѣ. Онъ лежалъ около поваленной бурей чинары, брать горстями снѣгъ и съ жадностью ѣлъ его. Потъ крупными каплями падалъ съ его лица, сердце билось часто и такъ больно, что онъ свободно вздохнуть не могъ.

— Ну и упарили же анаемы, — подумалъ онъ и тутъ только вспомнилъ про Демидова. — Ухлопали таки человѣка, — проговорилъ онъ.

Кобчикъ прислушался. Было тихо. Порой доносился гулъ орудіейной стрѣльбы. Порой чудились ему отдаленные ружейные выстрѣлы, крикъ многихъ голосовъ.

— Однако, надо спѣшить, — проговорилъ онъ, всталъ и вспомнилъ, что у него есть въ карманѣ табакъ, и вдругъ ему захотѣлось курить много и долго. — Пройду немного и тамъ власть накурюся. Жаль, нѣтъ Степана Степаныча — покурили — бы вдвоемъ, покалякали... Жаль человѣка, жаль...

VII.

Плѣнникъ.

Демидовъ на минуту очнулся, слышалъ выстрѣлы, попробовалъ было подняться и опять впасть въ безчувствіе. Пришелъ онъ въ себя уже не на склонѣ косогора, а въ какомъ-то плетневомъ сараѣ, сквозь щели котораго свистѣлъ вѣтеръ. Демидовъ лежалъ на клочкѣ соломы. Полушубка и сапогъ на немъ не было. Плечо и бокъ сильно болѣли. Онъ припомнилъ перестрѣлку съ турками на склонѣ косогора и понялъ, что турки подобрали его, привезли въ деревню и бросили въ сарай. Ему было холодно, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а босые ноги его заковенѣли.

— Они раздѣли, ограбили меня, но странно — почему не добились меня? — подумалъ онъ.

Онъ не зналъ, сколько времени прошло въ тѣхъ поръ, какъ его ранили. Но, судя по тому, что сквозь щели сарая свѣтъ пробивался яркими полосами, онъ подумалъ, что утро давно уже наступило, и время приближалось къ полудню.

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Онъ пробылъ въ сараѣ всю ночь. Когда турки подошли къ нему на склонѣ косогора, то хотѣли было пристрѣлить его, но, переговоривъ между собой, сняли съ него сапоги, полушубокъ, обшарили карманы, изъ которыхъ вытащили кошелекъ съ двумя серебряными рублями, порт-табакъ изъ пашье-маше, перочинный ножикъ. Все это они подѣлили между собой, при чемъ едва не подрались изъ-за сапогъ.

Потомъ они вызвали санитаровъ съ носилками. Санитары понесли, было, его на перевязочный пунктъ, но встрѣтившійся имъ офицеръ приказалъ имъ нести его въ деревню.

Въ деревнѣ его свалили въ сараѣ на охапку полусгнившей соломы. Докторъ къ нему не приходилъ, ранъ его никто не перевязывалъ.

Одинъ разъ заглянулъ къ нему турокъ, у котораго былъ ключъ отъ дверей сарая, обшарилъ его карманы, но, ничего не найдя въ нихъ, выругался и ушелъ, захлопнувъ дверь.

Демидову было холодно, и ему казалось, что замерзаетъ его сердце.

Опершись на здоровую руку, онъ слегка приподнялся и увидѣлъ около себя какого-то человѣка съ черной бородой, въ изорванномъ архалукѣ, съ обмотанной тряпками головой. На рукахъ и ногахъ этого человѣка были цѣпи.

Демидовъ всмотрѣлся въ его лицо и узналъ въ немъ армянина.

Армянинъ сидѣлъ на землѣ, протянувъ ноги, и смотрѣлъ на Демидова безучастными глазами.

— Скоро кончалъ, — проговорилъ онъ равнодушно на ломаномъ русскомъ языкѣ и провелъ рукой себѣ по горлу. — Твоя кончалъ, моя кончалъ.. башка долой...

За стѣной послышался говоръ. Дверь отворилась, и въ сарай вошло трое турокъ.

Демидовъ опустил голову на солому и полужакрылъ глаза.

Турки подошли къ армянину и, ругаясь, пинками заставляли его подняться.

Армянинъ продолжалъ сидѣть, по-прежнему вытянувъ ноги, и не выказывая ни малѣйшаго желанія встать.

— Ханзиръ (свинья)! — крикнулъ одинъ изъ турокъ, ударяя армянина ногой въ бокъ. — Читъ вефикъ (убирайся, песъ)!

Армянинъ все сидѣлъ.

Тогда двое турокъ подхватили его подмышки и поволокли на дворъ.

— Вотъ, сейчасъ узнаешь, какъ воевать противъ султана! — крикнулъ ему вслѣдъ третій и подошелъ къ Демидову.

— Эй! — крикнулъ онъ, толкая его въ бокъ ногой.

Демидовъ закрылъ глаза и затаилъ дыханіе.

— Лешъ дуръ (падалъ), — проговорилъ турокъ и вышелъ изъ сарая, захлопнувъ дверь.

Черезъ нѣкоторое время на дворѣ раздался ружейный залпъ.

— Армянина разстрѣляли, — подумалъ Демидовъ, собравъ всѣ силы, приподнялся и тотъ же часъ упалъ безъ чувствъ, а, когда пришелъ въ себя, было темно. На дворѣ шла жаркая ружейная пальба, слышались испуганные крики. Скоро за стѣнами сарая загремѣло «ура».

— Наши деревню взяли, — подумалъ Демидовъ, хотѣлъ закричать, чтобы дать знать о себѣ, но вмѣсто крика, изъ его горла вылетѣло хрипѣніе...

Въ ту же ночь его нашли русскіе и взяли на перевязочный пунктъ. Онъ былъ едва живъ, и поправляться сталъ недѣли три спустя, находясь въ лазаретѣ въ Карсѣ.

Постепенно онъ припомнилъ подробности своей послѣдней развѣдки. Ему хотѣлось узнать хотя что-нибудь о Кобчикѣ. И однажды отъ вновь прибывшаго раненаго солдата онъ узналъ, что Кобчикъ живъ.

— Одинъ теперь ходитъ на развѣдку, рассказывалъ солдатикъ. — Кобчикъ товарищей не признаетъ. Былъ, говоритъ, товарищъ, да убили его. Это, братъ, онъ про тебя... думаетъ, что тебя давно на свѣтѣ нѣтъ, а ты, слава Богу, живъ..

— Живъ, слава Богу, — повторилъ Демидовъ...

ПОДВИГЪ РУССКАГО РЯДОВОГО.

Одинъ русскій солдатъ во время отступленія вызвался остаться подъ мостомъ, по которому должны были пройти австрійцы. Стоя по горло въ водѣ среди осколковъ льда, онъ одинъ ухитрился миниро-

вать мостъ и взорвалъ его, когда первые австрійскіе солдаты вступили на него. Когда дѣло было сдѣлано, смѣлчакъ благополучно добрался вплавь до берега и догналъ своихъ.

ЗАЯЦЬ

Эпизодъ изъ боевой справды на
франко-германскомъ фронтѣ.

Во мракѣ и тиши ночи, пробираясь подъ защитой лѣса, въ которомъ нѣмецкіе «чемоданы» сбили не мало вѣтвей, направлялась въ окопы смѣна.

Впереди, непосредственно за ефрейторомъ Гюн де-Лантисъ, шагали Каспуаль и Мэндрю. Шерстяные шарфы, обмотанные вокругъ шеи, и снѣгъ, покрывавшій ихъ одежду и сапоги дѣлали ихъ мѣшковатыми, грузными, безформенными на видъ. Тишина была полная: каждый старался не задѣтъ по возможности ни штыка ни баклаги сосѣда. Вѣдъ малѣйшій звукъ въ ночи—и огоньки начнутъ сверкать съ той стороны, гдѣ находятся вражескія траншеи, и затреещитъ пальба.

Безшумно вошли въ окопъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ былъ прикрытъ и представлялъ собой узкій туннель съ деревянными подпорами. Подъ досчатой крышей, прикрытой сверху землей, сидѣлъ на табуреткѣ сержантъ съ рыжими волосами и такой же рыжей бородой и, нацѣпивъ на носъ пенснэ, читалъ при свѣтѣ повѣшаннаго на гвоздь фонаря маленькую книжечку на греческомъ языкѣ: *Пиръ Платона*. Онъ былъ до войны профессоромъ при филологическомъ факультетѣ въ городѣ Канъ и ратникъ ополченія, какъ

большинство другихъ. Война вырвала его изъ обычной колеи жизни въ тотъ моментъ, когда онъ удили рыбу въ рѣкѣ Шеръ, гостя у родителей жены.

— Вотъ что,—сказалъ онъ новоприбывшимъ.—Я вамъ сейчасъ покажу кое-что. Вонъ тамъ, возлѣ пригорка, лежитъ заяцъ. Поймите меня хорошенько, не какой-нибудь фальшивый заяцъ, а самый настоящій, *Lepus Eurgaeus*, большой и жирный. Его подстрѣлили вечеромъ, когда онъ летѣлъ во всѣ лопатки между нѣмцами и нами. Стрѣляли и мы, и они. Съ тѣхъ поръ онъ такъ и лежитъ тамъ, на холодкѣ. Сходить за нимъ невозможно. Пули такъ и сыплются, лишь только высунешь носъ изъ окопа. Но все же считаю долгомъ предупредить любителей заячьяго рагу. Этотъ заяцъ стоитъ того, чтобы его добыть.

— Нѣтъ, безъ шутокъ? — спросилъ Мэндрю. До войны онъ занимался браконьерствомъ въ лѣсахъ маркиза де-Лантисъ, теперяшняго ефрейтора, занимался этимъ упорно, несмотря на всѣ угрозы и предостереженія Каспуалья, присяжнаго лѣсника владѣній маркиза, а нынѣ ихъ общаго товарища по оружію.

— Во-первыхъ,—отвѣтилъ сержантъ-профессоръ,—дисциплина требуетъ, чтобы вы принимали мои слова на вѣру безъ малѣйшей критики. И я говорю вамъ, если

вы любите зайца въ видѣ рагу, или въ видѣ паштета, или даже попросту поджареннымъ на скорую руку съ лукомъ—кушанье простое, но очень вкусное—то отправляйтесь за нимъ. Изъ-за меня не лишайте себя этого удовольствія. Я туда больше не хожу. Будетъ съ меня! Вотъ поглядите.

Онъ снялъ кепи и показалъ свой лысый черепъ, на которомъ видѣлась красная полоса запекшейся крови. Потомъ продолжалъ:

— Что касается Ферреоля, актера изъ Одеона, вы знаете его, то ему пуля угодила въ руку. Этотъ заяцъ приноситъ несчастье. Но клянусь Діонисомъ, онъ великолѣпенъ! Было бы прямо досадно, если бы эти варвары полагомились имъ. Ну, а за симъ, ребята, желаю вамъ пріятнаго караула. Я ухожу со своей смѣной.

Пять минутъ спустя, Каспуаль, Лантисъ и Мэндрю, стоя на банкетѣ въ открытой части окопа, гдѣ надъ ихъ головами разстилалось небо, обшаривали взглядомъ бѣлую равнину, стараясь разглядѣть въ сумракѣ ночи возлѣ указанного пригорка маленькій черный силуэтъ зайца, о которомъ говорилъ сержантъ.

Впрочемъ, пока что, они все равно ничего не могли дѣлать. Четыре часа надо было стоять тутъ на караулѣ, бороться съ холодомъ, сковывающимъ ноги, и сномъ, отъ котораго вѣки тяжелѣли и дѣлались словно свинцовыми.

Мэндрю и Каспуаль, привыкшіе къ ночнымъ бдѣніямъ—первый, браконьерствуя въ лѣсахъ, а второй, совершая свои обходы въ качествѣ лѣсника—страдали гораздо меньше чѣмъ Гюи де Лантисъ, восемнадцатилѣтній маркизъ, записавшійся въ армию добровольцемъ. Въ прежнее время, какъ бы поздно ни затынулись балъ или пирушка, онъ въ эту часть всегда лежалъ въ мягкой постели въ своей роскошной спальнѣ, гдѣ отъ печки распространялось пріятное тепло и все располагало къ нѣгѣ и уюту. И тѣмъ не менѣе, онъ сейчасъ не промѣнялъ бы свое мѣсто ни на какое другое: оно было лучше, чѣмъ кресло въ Оперѣ или даже въ Fairy-City во время исполненія танго или мачиша. Воздухъ, кото-

рымъ онъ дышалъ здѣсь, былъ хоть и рѣзокъ, но чистъ. И вмѣсто того, чтобы обмѣниваться пошлостями съ товарищами изъ «лучшихъ круговъ», онъ большей частью молчалъ; но въ самой молчаливости своихъ теперешнихъ товарищей—еще вчера непримиримыхъ враговъ, а сегодня друзей—онъ видѣлъ выносливость и стоицизмъ храбрецовъ, готовыхъ какъ и онъ, умереть, если нужно, за родину и побѣду...

Внезапно ему показалось, что онъ видитъ тамъ, вдали, какую-то движущуюся точку. Точка росла, отдѣлялась отъ непріятельскаго окопа. Сомнѣнія не было: какой-то нѣмецъ тоже караулилъ зайца и, успокоенный тишиной, нашелъ, видно, минуту подходящей, чтобы вылезти изъ окопа и поползти къ зайцу на четверенькахъ.

Почти одновременно грянули три выстрѣла. Нѣмецъ кубаремъ скатился назадъ въ свою нору; испугался или былъ раненъ. Лантисъ, Мэндрю и Каспуаль обмѣнялись взглядомъ и спокойно дали пролетѣть надъ собой дождю отвѣтныхъ пуль, стараясь лишь лучше укрыться за брустверомъ окопа. Это былъ концертъ ружейной трескотни, сопровождавшейся сухими ударами, словно щелкали кастаньетами. А затѣмъ опять безмолвіе.

Лишь бы заяцъ не воскресъ отъ этого шума и не задалъ бы стрелкача! Нѣтъ, онъ попрежнему лежитъ на своемъ мѣстѣ между двумя снѣжными буторками, длинный, недвижный, оконечный и—такой заманчивый. У Каспуаля и Мэндрю слюнки текли, глядя на него. Прогулка по морозу, утомительная служба—отъ всего этого разыгрывается аппетитъ, а хорошее заячье рагу... Въ нихъ просыпались ихъ противоположныя инстинкты, у одного—инстинктъ хищника, у другого—инстинктъ собственника.

— Чортъ возьми!—думалъ Мэндрю, браконьеръ,—неужто нѣмцы утащутъ его у насъ изъ подъ носу? Пусть докажутъ сперва, что это они его убили. Да и то еще!

А Каспуаль, бывший лѣсникъ, родомъ изъ Пикардіи, говорилъ себѣ:

— Во-первыхъ, онъ—на нашей землѣ этотъ заяцъ. Стало быть, это наша охота.

Онъ чуть не сказалъ: охота господина маркиза. О, какъ трудно ему было при-
выкнуть говорить *ты* молодому ефрей-
тору и обращаться съ нимъ за панибрата!
Безъ форменнаго приказа маркиза—или,
лучше сказать, безъ настоящей прось-
бы его—онъ никогда бы не смогъ.

— Эхъ, пса бы нашего сюда!—думалъ
онъ еще. — Хорошій песъ! Ноги, что
твоя сталь. Нѣмцы и ружье вскинуть
бы не успѣли, какъ онъ разъ-два-три
ужъ былъ бы тутъ какъ тутъ съ зайцемъ
въ зубахъ... Когда насъ смѣнять, я обя-
зательно пойду за нимъ, за зайцемъ этимъ.
Я не я, если я этого не сдѣлаю. У Кас-
пуаля дичь не перебиваютъ! Ужъ на что
Мэндрю-безшабашная голова, и тотъ бы
не осмѣлился. А чудно все-таки, что мы
теперь не смотримъ больше другъ на
друга такъ, точно хотимъ съѣсть другъ
друга живьемъ.... Да-съ, чортъ возьми!
Я не говорю конечно, что у браконьеровъ
нѣтъ отваги. Но я имъ покажу всѣмъ,
что значить лѣсникъ маркиза де-Лан-
тисъ. Во-первыхъ, и заяцъ въ самомъ дѣ-
лѣ великолѣпный! А потомъ изъ-за него
кровь пролилась. Теперь ужъ нельзя
допустить, чтобы онъ достался нѣмцамъ.

Гюи де-Лантисъ со своей стороны го-
ворилъ себѣ:

— Чортъ возьми, вотъ никогда не
подумалъ бы, что я готовъ рискнуть
своей шкурой ради какого-то зайца.
Но или я не достоинъ носить свое имя,
или я пойду за нимъ, клянусь моимъ
предкомъ Лантисомъ VII, который пры-
гнулъ на арену ко львамъ, чтобы достать
прекрасной Алоизии де-Версобръ пер-
чатку, которую она туда бросила.

И онъ улыбнулся при мысли, что ка-
кая красавица не поблагодаритъ его,
и что единственными зрителями будутъ
Мэндрю, похотѣй на огородное чучело
со своимъ угловатымъ тѣломъ, длин-
ными руками и кривыми ногами, да
Каспуаль, крѣпкій и кряжистый, какъ
добрая орѣховая дубинка.

Вдругъ Мэндрю выстрѣлили. Лантисъ
и Каспуаль не замедлили сдѣлать то же
самое: изъ окопа выскочилъ нѣмецъ и
побѣжалъ со всѣхъ ногъ прямо къ зайцу.
Но не пробѣжалъ онъ и шаговъ десяти,
много пятнадцати, какъ грохнулся на
земь. Его подаятыя ноги еще нѣсколько

секундъ судорожно били снѣгъ, точно
ноги опрокинутого заводного пясунка.
Потомъ движенія прекратились. Онъ
былъ мертвъ.

— Проклятый заяцъ!—проговорилъ
Каспуаль.—Ужъ подлинно, что онъ при-
носитъ несчастье.

Когда пришли ихъ смѣнять, они до
того продрогли, что были рады погрѣться
немного въ томъ защищенномъ уголку
траншеи, гдѣ сержантъ Баржасъ, дог-
матичный и лукавый, сообщилъ имъ о
длинноухомъ русакѣ.

Керосиновая печка распространяла
тамъ пріятное тепло, хотя и со специфи-
ческимъ запахомъ.

— А здѣсь славно!—сказалъ Гюи де
Лантисъ.—Совсѣмъ хорошо!

— Да, бываетъ хуже,—отозвался Мэн-
дрю, которому не разъ случалось стоять
въ засадѣ въ тростникахъ при охотѣ на
утокъ—рано утромъ, на разсвѣтѣ, по
брюхо въ водѣ—или часами сидѣть и
дрогнуть за исполинскими корнями ка-
кого-нибудь каменнаго дуба.

— А въ какомъ же видѣ мы будемъ
ѣсть его?—спросилъ Каспуаль, отвѣчая
на общую мысль.

— Кто за нимъ пойдетъ, тотъ пусть
и рѣшаетъ, такъ всего справедливѣе,—
было мнѣнїе Мэндрю.

— Или пустимъ на голоса,— демо-
кратично предложилъ де-Лантисъ.—Да
здравствуетъ всеобщее голосованіе!

— Согласенъ,—сказалъ Каспуаль.—
Такъ я иду.

— Ты что сказалъ?—спросилъ Мэндрю.

— Сказалъ, что иду.

— Иду, иду.... никуда ты не пойдешь.
Я пойду!

— Посмотрѣлъ бы я, какъ ты пойдешь,
—властнымъ голосомъ сказалъ Каспуаль.
Не даромъ же онъ былъ раньше лѣсни-
комъ съ бляхой и кепи.

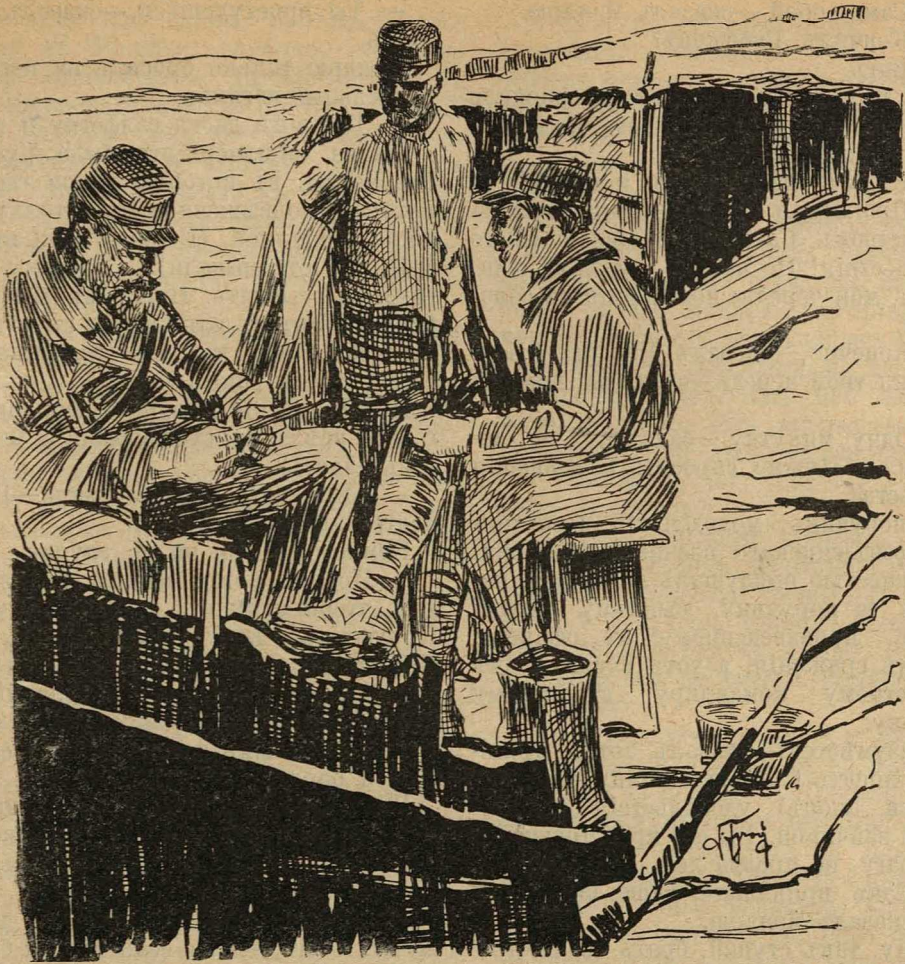
— А такъ и пойду. Мнѣ это дѣло зна-
комо.

— И мнѣ тоже знакомо.

— Помалкивай лучше. Ты только ох-
ранялъ дичь. Чего ради тебѣ рисковать
своей шкурой? Оставайся тутъ у печки,
въ теплѣ.

— Я не трусливѣе, чѣмъ ты.

— Можетъ быть! Но пойду все-таки я.
Я рѣшилъ, что пойду, и никакими си-

Каспуаль сравнилъ соломинки, у Мендрю оказалась самая короткая.

лами меня не заставятъ отказаться. Вѣдь я правъ? — обратился онъ къ Гюи де-Лантису, выбирая его судьей.

— Вы забываете, что я ефрейторъ, — отвѣтили тотъ съ комической важностью; со своимъ гладкимъ лицомъ и еле замѣтнымъ пушкомъ надъ губой онъ имѣлъ видъ мальчика. — Поэтому отправлюсь я. Чуръ, не возражать, а то я васъ засажу подъ арестъ на четыре дня.

— Это несправедливо! — сказалъ несправимый Мэндрю.

— Я тебѣ покажу «несправедливо», — проворчалъ Каспуаль.

— Хапуга! Глаза завидущія, руки загребущія! Мало ты таскалъ зайцевъ въ нашихъ лѣсахъ, и живехонькихъ, и жирныхъ!

— Я васъ примирю, — сказалъ Лантисъ.

Онъ протянулъ руку къ табуреткѣ и вытащилъ изъ ея соломеннаго сидѣнія три соломинки разной длины. А такъ какъ въ эту минуту вошелъ Губежонъ, по ремеслу пильщикъ, онъ обратился къ нему:

— Вотъ возьми, Губежонъ, спрячь эти соломинки за спину и выровняй ихъ въ рукѣ. Мы будемъ тянуть жребій.

— А кто выиграетъ, тотъ поставитъ бутылочку? — спросилъ Губежонъ, человекъ практичный, которому трезвость въ окопахъ казалась тяжелой, такъ какъ онъ ужъ очень привыкъ выпивать каждый день свой стаканчикъ бѣлаго вина.

— Само собой,—сказаль Мэндрю.

— Кончилъ, Губежонъ?

— Вотъ.

Всѣ трое вытянули вразъ и сравнили свои соломинки. У Мэндрю оказалась самая короткая.

— Вѣдь я говорилъ что я пойду!

— Проклятая судьба!—выругался съ бѣшенствомъ Каспуаль.—Желаю много удовольствія! Но потомъ, чуръ, не опшиться, мой чередъ: посмотрите на соломинки.

— Конечно,—сказаль Мэндрю.—Послѣ меня твой чередъ—если еще понадобится!

— Одну минутку,—сказаль Гюи делантись.—Нужно спросить разрѣшенія начальства.

Подпоручикъ, молоденькій воспитанникъ сент-сирскаго военнаго училища, съ важностью выслушалъ просьбу и передалъ ее поручику, бывшему фельдфебелю, произведенному въ офицеры на полѣ сраженія, а тотъ послалъ ихъ къ ротному командиру, страстному охотнику.

—Разумѣется!—сказаль тотъ.—Нельзя же лишать Кротовую улицу (такъ назывался окопъ) удовольствія полакомиться зайчиной. Вы его приготовите въ видѣ рагу, не правда ли?

— Какъ прикажете, ваше высокородіе,—сказаль Мэндрю.

— Ну, такъ ступай, братъ, да смотри только, чтобы они тебѣ не испортили физиономію. Поручикъ, распорядитесь, чтобы хорошіе стрѣлки справа и слѣва прикрывали его отступленіе, но только смотрите, чтобы они его самого не подстрѣлили!

— Не извольте беспокоиться, не подстрѣлять,—сказаль Мэндрю, между тѣмъ какъ Каспуаль, поблѣднѣвъ отъ зависти, неприязненно смотрѣлъ на него и ворчалъ.

— Вотъ тоже церемоніи разводятъ изъ-за зайца! Да отправляйся же, чортъ возьми, отправляйся же, жуликъ, кроличій воръ!

Мэндрю между тѣмъ готовился въ походъ. Внимательно осмотрѣвъ мѣстность, онъ снялъ поясъ, сумку съ патронами, шинель и куртку, и остался въ одномъ шерстяномъ жилетѣ и брюкахъ.

— Ты простудишься,—сказаль Губежонъ.

Мэндрю только бросилъ на него презрительный взглядъ.

— Кто мнѣ дастъ салфетку и палку?

Палка нашлась: это была рукоятка отъ метлы, въ которую вбили гвозди и которая, подвѣшенная къ потолку, служила вѣшалкой. (Въ окопѣ ни въ чемъ себѣ не отказывали). Салфетку было труднѣе отыскать. Наконецъ, Ферреоль, рапанный актеръ изъ Одеона съ рукой на перевязи, сказаль, что салфетка найдется въ его ранцѣ.

Приготовленіе Мэндрю очень заинтриговало всѣхъ присутствующихъ. Что онъ замышляетъ?

— Ага!—догадался Лантись,—Парламентерскій трюкъ!

Немного подло, но не глупо!

— Подло, когда нѣмцы пользуются имъ, чтобы стрѣлять въ насъ въ упоръ. Но разъ дѣло идетъ только о томъ, чтобы сыграть съ ними шутку, то почему не позабавиться,—замѣтилъ толстый сержантъ Мутрѣ, съ узкими глазками и хоботообразнымъ носомъ, тонувшемъ въ густой бородѣ.

Всѣ согласились съ нимъ и съ интересомъ смотрѣли, какъ Мэндрю выскочилъ изъ окопа, махая своимъ бѣлымъ флагомъ.

— Только не стрѣляйте, — предупредилъ онъ,—даже если нѣмцы будутъ стрѣлять!

И нѣмцы въ самомъ дѣлѣ дали залпъ, но не попали. Потомъ, заинтригованные видомъ этого человѣка въ одномъ жилетѣ, размахивавшаго своимъ бѣлымъ флагомъ, они прекратили огонь.

— Ловко! — прошепталъ Губежонъ.—Еще немножко пробѣжать, и онъ добудетъ зайца!

— Не добудетъ! — возразилъ Каспуаль.—Все хорошо, пока онъ бѣжитъ! Но увидишь, что будетъ, когда онъ схватитъ зайца.

Между тѣмъ Мэндрю вихремъ домчался до пригорка, воткнулъ свой бѣлый флагъ въ снѣгъ, нагнулся, поднялъ зайца и поворотилъ съ нимъ назадъ. Яростные, нестройные крики раздались изъ нѣмецкой траншеи. Засвистали пули, и одинъ нѣмецъ, огромнаго роста

выскочивъ изъ окопа, побѣжалъ вдолгону за Мэндрю, глубоко уходя въ снѣгъ сапожищами. Браконьеръ былъ далеко впереди него, но противно ли ему было убѣгать, или ему захотѣлось поддразнить врага, во всякомъ случаѣ, онъ близко подпустилъ его къ себѣ, потомъ ловко увернувшись, опять значительно опережалъ его, и нѣсколько разъ повторялъ этотъ маневръ, утомляя нѣмца, который вопилъ:

— Мошенникъ, жуликъ! Отдай мнѣ моего зайца.

До того сильны въ людяхъ, даже когда они убиваютъ другъ друга, увлеченіе игрой и потребность смѣяться, что изъ обоихъ окоповъ поочередно раздавался хохотъ. Нѣмцы радовались, когда съ виду казалось, что ихъ товарищъ сейчасъ поймаетъ Мэндрю; тогда слышались крики: Schnell! Capout! (скорѣе, сейчасъ конецъ). А французы держались за бока, когда длинныя жадныя руки преслѣдователя хватали одну пустоту.

Но надо было кончать. Мэндрю повернулся лицомъ къ преслѣдователю и — разъ! Получивъ сильный ударъ головой въ грудь, при чемъ Мэндрю не забылъ дать еще и подножку, нѣмецъ растянулся, дрыгая руками и ногами. Оглушительные «браво» съ «Кротовой улицы» привѣтствовали этотъ блестящій подвигъ. Но изъ нѣмецкаго окна опять загрѣсали выстрѣлы. Гигантъ—нѣмецъ съ трудомъ поднялся и заковылялъ къ своимъ, испуская душу раздирающіе стоны, какъ собака, которой перебила лапу.

Мэндрю остановился въ нерѣшительности; казалось, онъ измѣрялъ глазами разстояніе, отдѣлявшее его отъ нѣмецкаго окопа, и отъ французской траншеи. Потомъ вдругъ подбѣжалъ къ врагу и, заставивъ его опереться на себя, сталъ помогать ему идти.

Вотъ это ловко! Знай нашихъ! И хотя всѣ и каждый во французскомъ окопѣ подумали, что нѣмцы—грабители, поджигатели, убійцы заложниковъ и дѣтей, не заслуживаютъ такого вниманія, все же французское великодушіе восторгалось этимъ.

Одинъ лишь Каспуаль проворчалъ:

— Это идіотство! Они возьмутъ его въ плѣнъ!

— И зайца вмѣстѣ съ нимъ, — сказали огорченный Губежонъ.

Трое нѣмцевъ, вооруженныхъ ружьями, выбѣжали навстрѣчу своему товарищу и Мэндрю. Браконьеръ не сталъ ихъ дожидаться. Онъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ назадъ. Видно было, какъ болтался заяцъ, котораго онъ держалъ за уши.

— Свины!—вскричалъ Лантисъ. Онъ навелъ ружье, но стрѣлять не смѣлъ, боясь ранить Мэндрю, который въ это мгновеніе споткнулся о корень и упалъ! Двое нѣмцевъ бросились на него.

Каспуаль выскочилъ изъ окопа. За нимъ Лантисъ. Изъ вражескаго окопа показались еще люди въ сапогахъ.

— Держись, мы уже тутъ! — крикнулъ Каспуаль.

Мэндрю, который хрипѣлъ, полузадушенный своими противниками, внезапно высвободился ловкимъ движеніемъ тѣла и могучимъ ударомъ кулака расквасилъ носъ одному нѣмцу. Но заяцъ, котораго онъ не хотѣлъ выпустить, мѣшалъ ему.

— Держись!—крикнулъ и Лантисъ.

И французы бросились на нѣмцевъ со штыками на перевѣсъ. Произошла свалка, прогремѣлъ одинъ выстрѣлъ, штыки кололи. Ни Каспуаль, ни Лантисъ не знали хорошенько, что тутъ произошло. Это было точно кошмаръ. Они знали только, что вырвали Мэндрю изъ рукъ нѣмцевъ. Вдругъ Мэндрю зашатался.

— Что съ тобой?—спросилъ Каспуаль.

— Не знаю,—отвѣчалъ браконьеръ.— Должно быть меня ранили. Но тому, кто меня ранилъ, и ты тоже удружишь.

— И я не сплеховаль,—сказалъ Лантисъ.

Дѣйствительно, два длинныхъ сѣрыхъ тѣла лежали недвижно на снѣгу.

— А мнѣ, кажется, конецъ, — слабымъ голосомъ продолжалъ Мэндрю...— Вотъ заяцъ, — обратился онъ къ Лантису. — Все-таки онъ достался не имъ.

Лантисъ машинально взялъ зайца. Онъ уже забылъ о немъ. Да и кто вообще думалъ о зайцѣ въ этой убійственной рукопашной?

— Обопрись на меня,—сказалъ Каспуаль.—Подумать только, если бы ты не сжалился надъ этимъ хныкающимъ нѣмцемъ ..

— Надо жалѣть тѣхъ, кто страдаетъ,—проговорилъ Мэндрю хриплымъ, измѣнившимся голосомъ,—даже если это нѣмцы, т. е. хуже звѣрей.

Онъ споткнулся, отхаркнулся кровью. Товарищи поддерживали его. Съ непріятельской стороны пальба возобновилась, и Кротовая улица отвѣчала.

— Ужъ мнѣ не придется ѣсть мою часть заячьего рагу,—опять сказалъ Мэндрю.

И внезапно онъ грузно опустился на свѣгъ.

— Надо его понести,—сказалъ Каспуаль.

Вмѣстѣ съ Лантисомъ онъ поднялъ его. Потъ катился у нихъ со лба, они совсѣмъ запыхались, когда добрались, наконецъ, до окопа, гдѣ ихъ немедленно подхватили десятки протянутыхъ рукъ.

— Одинъ мертвый,—сказалъ Губежонъ, обнажая голову.

— И одинъ раненый,—добавилъ Ферреоль.

— А вѣдь вѣрно!—сказалъ Каспуаль, у котораго шла кровь изъ шеи, куда попала пуля. Въ пылу сраженія онъ даже не замѣтилъ, что раненъ.

Мэндрю прислонили къ земляному выступу. Рану не пришлось даже искать, она сразу обнаружилась: предательскій выстрѣлъ въ спину, между лопатокъ; пуля прошла навывлетъ.

— И все это изъ-за какого-то зайца,—проговорилъ Губежонъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ ротный, который печально смотрѣлъ на эту сцену,—это изъ-за кое-чего большаго, изъ-за чести. Чтобы показать непріятелю, что французскій солдатъ ничего не боится,—вотъ ради чего умеръ Мэндрю.

И добавилъ:

— Отнесите его подъ навѣсъ и прикройте его холстиной. Медаль возьмите. Легче!

Шестіе выстроилось. Одинъ ефрейторъ-священникъ подошелъ и началъ читать молитву. У всѣхъ были слезы на глазахъ.

Каспуаль размышлялъ:

— И подумать только, что я самъ могъ бы застрѣлить его, когда онъ браконьерствовалъ у господина маркиза! Храбрый онъ былъ все-таки, бѣдняга!

— Перевяжи рану!—сказалъ ему одинъ товарищъ.

Каспуаль свирѣпо отвѣтилъ:

— Вотъ еще. Это что за рана! Мы еще не такія раны увидимъ, прежде чѣмъ окончательно посчитаемся съ нѣмцами.

Однако онъ все же согласился, чтобы Лантисъ промылъ его рану, смазалъ ее іодомъ и перевязалъ.

И они сидѣли по обѣ стороны убитаго и размышляли.

Гюи де-Лантисъ вспоминалъ угрюмый видъ Мэндрю, когда онъ, бывало, встрѣчалъ его гдѣ-нибудь по дорогѣ или въ деревнѣ.

Какая разница была тогда между ними, между этимъ лохматымъ, плохо одѣтымъ браконьеромъ и имъ, юношей въ изящномъ костюмѣ, сіяющимъ здоровьемъ, богатымъ, счастливымъ, развѣзжающимъ верхомъ на своей англійской кобылѣ Топси или въ англійскомъ кабріолетѣ, запряженномъ паромъ пони!

«Кто бы мнѣ сказалъ тогда», думалъ онъ, «что война насъ сблизитъ, его и меня, что мы будемъ дѣлить хлѣбъ, и супъ и ложе? Кто бы мнѣ сказалъ, что война возбудитъ въ насъ болѣе высокія человѣческія чувства? Кто бы мнѣ сказалъ, что въ этомъ человѣкѣ, котораго я считалъ злонамѣреннымъ жуликомъ, обнаружится неустрашимая храбрость, душа героя?»

Много мыслей передумалъ онъ, который никогда бы не пришелъ ему въ голову раньше, до войны, до этого страннаго испытанія, которое преображало людей, и въ самыхъ униженныхъ и самыхъ презираемыхъ раскрывало золото подъ невзрачной оболочкой.

«А я самъ, развѣ я не сталъ лучше? Развѣ эта жизнь, полная трудовъ и опасностей, не кажется мнѣ теперь лучше той, которую я велъ раньше?»

И ему вспомнился дивный порывъ, который въ день мобилизаціи поднялъ весь французскій народъ противъ его вѣкового врага, и, глядя на неподвижное тѣло, вытянутое подъ грубымъ холстомъ, онъ сказалъ себѣ:

— Это—прекрасная смерть, самая прекрасная изъ всѣхъ!

Онъ видѣлъ, что Каспуаль отираетъ слезу. Каспуаль тоже размышлялъ. Онъ жалѣлъ Мэндрю и тѣмъ сильнѣе ненавидѣлъ нѣмцевъ.

Для него они были браконьеры, вторгшіеся въ великое владѣніе Франціи, въ страну храбрыхъ мужчинъ и красивыхъ дѣвушекъ, въ страну лѣсовъ, полныхъ дичи, и полей, на которыхъ его песь останавливалъ цѣлыя стаи куропатокъ. Онъ ненавидѣлъ этихъ мародеровъ, безъ стыда и совѣсти, этихъ грабителей, этихъ сбѣжавшихъ каторжниковъ — какими они были въ его глазахъ...

«Они — храбрые солдаты», говорилъ онъ себѣ: «Да, они храбры, когда офицеры

Нѣмецъ гнался за браконьеромъ, который то подпускалъ его къ себѣ, то ловко увернувшись, опять опережалъ его.

держатъ ихъ въ кучѣ. Они храбры, это вѣрно; они убѣждены, что должны умереть за величіе Германіи. Но мнѣ-то какое дѣло до этого, разъ они — настоящіе разбойники, готовые на всякое преступленіе?»

II Каспуаль чувствовалъ, что онъ теперь любитъ Мэндрю, къ которому онъ питалъ такую неприязнь.

— Вѣднѣй Мэндрю! — вздыхалъ онъ: — подуматъ только, что вотъ онъ лежитъ холодный и неподвижный и ни-

когда больше не увидитъ, какъ день занимается въ утреннемъ туманѣ, и не будетъ больше ходить по росѣ, и не будетъ подражать крику перепелки, и никогда не будетъ больше ставить силковъ ни на птицъ, ни на звѣрей!.. Сколько людей умираетъ каждый день, сколько людей умретъ еще!.. Но это нужно, да, это нужно, чтобы Франція побѣдила, чтобы мы опять стали великой націей!

Такимъ образомъ смерть Мэндрю пробудила въ бывшемъ лѣсникѣ мысли, которыя онъ раньше не смогъ бы формулировать такъ, пробудила въ немъ болѣе серьезное и индивидуальное сознаніе своего долга передъ родиной.

О зайцѣ вспомнили только черезъ нѣсколько часовъ, когда кашевары принесли горячій супъ.

— Гдѣ же заяцъ?—спросилъ Губежонъ. Никто не зналъ. Лантисъ не могъ вспомнить, куда дѣвался его. Онъ только помнилъ, что Мэндрию вручилъ ему зайца передъ смертью. Стали искать и нашли его за грудой амуниціи.

— А хорошій все-таки заяцъ,—проговорилъ Губежонъ, любуясь имъ.

— Слишкомъ хорошій,—угрюмо отозвался Каспуаль,—и слишкомъ дорого обошелся. Я не стану его ѣсть.

— Я тоже,—сказалъ Лантисъ.

Всѣ вокругъ нихъ кивкомъ головы дали понять, что они согласны. Губежонъ опечалился, но не протестовалъ.

— Тогда надо его предложить офицерамъ,—сказалъ Ферреоль.—Они такъ плохо питаются, что хорошій обѣдъ имъ не повредитъ.

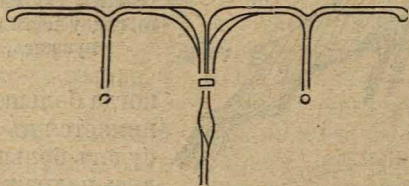
Но офицеры, подчиняясь тѣмъ же побужденіямъ, предложили зайца полковому командиру, а тотъ передалъ его генералу. Генералъ велѣлъ себѣ рассказать исторію этого зайца, нахмурился и при-

казалъ, чтобы отнынѣ пули берегли для однихъ пруссаковъ. Что же касается зайца, то похваливъ его величину и вѣсъ, этотъ спартанецъ, который завтракалъ картошкой, печеной въ золѣ, а обѣдалъ яичницей, послалъ его съ оказіей въ госпиталь ближайшаго города, каковой поступокъ былъ единодушно одобренъ всѣми.

Но врачи въ госпиталѣ не разрѣшили, чтобы раненные, которые почти всѣ сидѣли на діэтѣ изъ легкаго бульона и овощей, испробовали зайца. Его подали вслѣдствіе этого—о ироніи судьбы!—двумъ легко раненымъ нѣмецкимъ офицерамъ, которые такъ объѣлись имъ, что одинъ чуть не умеръ отъ послѣдствій своего обжорства.

На слѣдующій день Лантисъ и Каспуаль съ остальными молодцами Кротовой улицы взяли непріятельскій окопъ, заколовъ штыками около тридцати нѣмцевъ.

Такъ былъ отмщенъ Мэндрию.

НѢМЦЫ ВЪ «АДСКОМЪ ПЕКЛѢ».

Рис. Дэворрса Скотта.

ЭПОПЕЯ МОРСКОЙ БРИГАДЫ.

I.

Моряки въ Парижѣ.

Во второй половинѣ августа, когда изъ Бельгіи начали приходить дурныя вѣсти, парижане къ своему удивленію увидѣли однажды, что ихъ главные улицы охраняются флотскими матросами.

Эти матросы прибыли въ Парижъ, чтобы участвовать въ предполагавшейся защитѣ города, а пока что, имъ временно поручили охранять тамъ порядокъ.

Снисходительно и добродушно посвящали ихъ городовые въ тайны полицейской службы, учили ихъ, какъ надо прохаживаться взадъ и впередъ, стоятъ на посту.

Нѣкоторые изъ этихъ моряковъ, разсержисты, бывшіе флотскіе машинисты и кочегары, явившіеся изъ промышленныхъ центровъ, не скрывали своего удовольствія по поводу того, что вновь находятся на мостовой большого города. Другіе же, молодые моряки послѣдняго призыва, бывшіе рыбаки или матросы съ каботажныхъ судовъ, съ яснымъ взглядомъ и безбородыми лицами, явно скучали о томъ, что не видятъ въ концѣ каждой улицы безбрежнаго моря.

Они ходили вперевалку и, главнымъ образомъ, не знали, что дѣлать со своими праздными болтающимися руками. Но вскорѣ синіе матросскіе воротники и блузы исчезли подъ длинными солдатскими шинелями, черезъ плечо повисли тяжелыя сумки съ патронами и тесаки уже болѣе сухо ударялся о голенища сапоговъ. Охраняя столицу, наши флотскіе матросы мало-по-малу превращались въ солдатъ.

Тѣмъ, кто пережилъ памятный 70-й годъ, ихъ присутствіе живо напоминало осаду Парижа нѣмцами въ томъ страш-

номъ году со всѣми подробностями этой осады, во время которой флотскіе матросы сыграли не малую роль. Вспоминались форть ле-Бурже, гдѣ подъ командой фрегатскаго капитана Ламоть-Тенэ они такъ славно опрокинули прусскую королевскую гвардію; и Авронское плато, гдѣ канониры адмирала Сэссе совершили чудеса храбрости и ловкости; и знаменитая «Жозефина», исполинская въ тѣ дни морская пушка калибромъ въ 19 см., которую втащили на самый верхъ Монмартрскаго холма, откуда она привела къ молчанію не одну германскую батарею; и многое, многое другое вспоминалось.... И думалось: неужели намъ придется снова пережить тѣ мрачныя дни?...

Но нѣтъ! На этотъ разъ Франція не ждала, пока станетъ слишкомъ поздно. Хотя и усыпленная чарующей пѣсней друзей «мира во что бы то ни стало», она сразу проснулась отъ своего опаснаго сна, лишь только появилось объявленіе о мобилизаціи всѣхъ силъ для защиты родины, и въ одинъ мигъ была на ногахъ, вся до одного человѣка, начиная съ тѣхъ, которые наканунѣ громче всѣхъ кричали: «Долой армію!».

Проснулась такая, какой ее еще никто не зналъ, и сама она, пожалуй, меньше всѣхъ—спокойная, рѣшительная, готовая мужественно и стойко встрѣтить всѣ опасности, обрушившіяся на нее.

Изчезла политическая рознь, исчезла даже классовая рознь: царилъ полное братство подъ оружіемъ, братство, возникшее при отправкѣ первыхъ поѣздовъ съ мобилизованными и повелѣвавшее всѣмъ быть единой душой и единой волей.

Тѣмъ не менѣе намъ все-же пришлось сначала отступить подъ напоромъ слиш-

комъ превосходныхъ силъ, которыя врагъ давно собралъ и держалъ наготовѣ, чтобы бросить ихъ на страну, единственная вина которой состояла въ томъ, что она не вѣрила въ войну.

Но наши доблестныя войска отходили только для того, чтобы собраться съ силами и оказать сопротивленіе въ надлежащемъ мѣстѣ. Въ то время, какъ лавина нѣмцевъ, кричавшихъ о томъ, какъ они разобьютъ насъ на голову, катилась по пятамъ за нами, наши шли къ Марнской побѣдѣ. Ибо всегда и вездѣ послѣднее слово остается за тѣмъ, кто обладаетъ высшей нравственной силой. Въ качествѣ же нравственныхъ силъ, которыя были въ запасѣ у насъ, никто не сомнѣвался.

А пока что Парижъ все-таки лихорадочно готовился встрѣтить непріятеля...

За первымъ отрядомъ флотскихъ моряковъ непрерывно прибывали все новые и новые такіе же отряды изъ разныхъ военныхъ портовъ, преимущественно изъ Бреста и Лоріана. Въ концѣ августа они уже составляли два полка по три батальона каждый, общей сложностью въ 6000 человекъ, не считая флотскихъ канонировъ, которыхъ командировали въ нѣкоторые окрестные форты, гдѣ потребовалось совершить настоящія чудеса, чтобы привести ихъ въ назначенный краткій срокъ въ полную боевую готовность. И не считая также канонерской флотиліи, организованной на Сенѣ, и различныхъ автомобильныхъ отрядовъ, которые всѣ состояли изъ нашихъ флотскихъ матросовъ и которые, словно по волшебству, выходили одинъ за другимъ, готовые и снаряженные, изъ Большого дворца на Елисейскихъ поляхъ, ставшаго главной квартирой флотскихъ моряковъ. Ибо Парижъ, всегда питавшій къ своимъ морякамъ извѣстную слабость, не считалъ никакое помѣщеніе слишкомъ роскошнымъ для нихъ.

Такъ какъ самое лучшее средство, чтобы защитить городъ, состоитъ въ томъ, чтобы удалить отъ него врага, то наша армія была послана изъ укрѣпленнаго лагеря навстрѣчу арміи генерала Клука, которую она и разбила на берегахъ Урка. Вотъ одна деталь, мало извѣстная, но рахактерная для предусмотрительности

нѣмцевъ: въ ихъ головномъ отрядѣ находились всѣ «директора» большихъ парижскихъ гостиницъ, консьержи, переводчики, официанты, приказчики и прочіе переодѣтые шпионы, которыми наша столица кишѣла до начала войны. Они должны были служить проводниками для этихъ цивилизованныхъ варваровъ въ ихъ грабительскихъ операціяхъ, и даже заранѣе приготовили списки,

Моряки у своей главной квартиры, Большого дворца въ Елисейскихъ поляхъ въ Парижѣ.

въ которыхъ указывалось, чего не надо было забыть увезти, и какой выкупъ слѣдовало потребовать съ богатыхъ жителей Парижа.

Не знаю, существовалъ ли также списокъ женщинъ и дѣтей, которыхъ надлежало перерѣзать, но во всякомъ случаѣ не было, какъ видно, забыто ничего, что могло сдѣлать по возможности болѣе плодотворнымъ великій грабежъ французской столицы, руководить которымъ долженъ былъ, какъ предполагалось, самъ кайзеръ.

Къ несчастію для него, когда онъ уже собирался поднести чашу къ губамъ, между нею и губами встала—французская армія. Оба морскихъ полка, входившіе въ составъ этой арміи, покинули Большой Дворецъ утромъ 2-го сентября. Такъ какъ они были еще недостаточно обучены, чтобы быть выставленными въ переднюю линію, то они составили резервъ въ сѣверо-восточной части линіи обороны. 3-го сентября они вырыли себѣ окопы вокругъ форта Гонессъ, гдѣ и провели всѣ слѣдующіе дни, ожидая врага съ минуты на минуту.

Извѣстно, почему онъ такъ и не явился. И 9-го вечеромъ морскую бригаду опять размѣстили на квартирахъ въ одномъ изъ пригородовъ Парижа, гдѣ она и dokonчила свое обученіе и окончательно сорганизовалась.

Дѣло въ томъ, что эти шесть тысячъ моряковъ, впервые за всю свою жизнь собранные вмѣстѣ, были почти незнакомы съ военнымъ дѣломъ. Они не привыкли маршировать, многіе изъ нихъ никогда не держали ружья въ рукахъ, и флотъ къ тому же былъ не въ состояніи снабдить ихъ всѣми необходимыми предметами снаряженія, такъ какъ у него самого ихъ не было.

А обозъ!... Это были перевозочныя фуры всевозможныхъ торговыхъ домовъ, покрытыя поэтому самыми разнообразными рекламами (позже ихъ всѣ выкрасили въ однообразный сѣрый цвѣтъ) и запряженныя животными, набранными съ бору, да съ сосенки.

Легко себѣ представить, что тутъ творилось, какъ лошади лягались и дрались между собой, особенно же принимая во вниманіе то, что на козлахъ сидѣли возницы, умѣвшіе лучше править лодкой, чѣмъ парой лошадей. Когда вечеромъ обозъ становился на ночлегъ, то начинался, бывало, такой концертъ лошадиного ржанья, что никто уснуть не могъ...

Но, какъ бы то ни было, всѣ и каждый приложили столько усердія, что черезъ двѣ недѣли бригада была снабжена всѣмъ необходимымъ. Даже шестнадцать пулеметовъ удалось дать ей. Обученіе бригады тоже велось спѣшнымъ темпомъ, и она настолько слилась уже

въ одно цѣлое, что ее смѣло можно было послать противъ кого угодно, какъ она это и доказала вскорѣ на дѣлѣ.

II.

На фронтѣ.

7-го октября изъ Сенъ-Дени и Вильто-незъ отправилось семь поѣздовъ, увозившихъ нашу морскую бригаду, которую послали, наконецъ, на фронтъ. А три дня спустя эти люди, привыкшіе ходить босикомъ на палубахъ своихъ судовъ, уже дѣлали переходы въ 30 и 40 километровъ, послѣ того какъ для начала они дали отпоръ самымъ лучшимъ германскимъ войскамъ. Такой прекрасный результатъ надо приписать какъ патристическому усердію, которое обнаружилъ эти внезапно обращенные въ солдатъ матросы, дѣлая все отъ нихъ зависящее, чтобы по возможности скорѣе оказаться на высотѣ своего новаго положенія, такъ и сверхчеловѣческимъ усиліямъ всѣхъ ихъ офицеровъ, начиная съ командующаго бригадой контръ-адмирала Ронарка и кончая послѣднимъ мичманомъ. Говорятъ, каковъ начальникъ, таковы и солдаты, и это—безспорная истина. Вотъ портретъ контръ-адмирала Ронарка, который мнѣ набросалъ одинъ изъ его молодыхъ лейтенантовъ и въ которомъ мнѣ жаль измѣнить хоть слово: «Роста средняго, но хорошо сложенный, энергичная голова на крѣпкомъ мускулистомъ тѣлѣ, дѣятельный и рѣшительный, бретонецъ въ полномъ значеніи слова, включая и легендарное упрямство. Требуешь отъ другихъ не меньше, чѣмъ самъ готовъ исполнять, но болѣе чуткій къ утомленію другихъ, чѣмъ къ собственной усталости. Заставляетъ вспоминать вѣчно справедливое изреченіе, что въ военномъ важнѣе всего его характеръ».

Но непосредственными учителями и воспитателями бригады были главнымъ образомъ ротные командиры—бывшіе флотскіе лейтенанты—которые, къ счастью, почти всѣ прошли Лоріанскую батальонную школу. Ихъ неутомимая преданность дѣлу останется выше всѣхъ похвалъ такъ же, какъ и прекрасный примѣръ, который они, не скупясь, подавали своимъ ротамъ.

Теперь всѣмъ извѣстно уже, что англичане и мы сдѣлали все возможное и даже невозможное, чтобы притти на помощь Антверпену. Морская бригада должна была присоединиться къ силамъ, которыя мы сконцентрировали для этой цѣли въ окрестностяхъ Дюнkerка. Но никакія бетонныя укрѣпленія, ни въ Антверпенѣ, ни въ Льежѣ, ни въ Намюрѣ или Мобежѣ, не могли противостоять чудовищнымъ германскимъ 42-сантиметровымъ орудіямъ и австрійскимъ 30,5-сантиметровымъ пушкамъ, значительно болѣе дальнобойнымъ, чѣмъ наши крѣпостныя батареи, которыя поэтому не могли даже отвѣчать. Это было полное банкротство бетона, приведшее въ нѣсколько дней къ паденію крѣпостей, считавшихся неприступными.

Когда морская бригада прибыла въ Дюнkerкъ, полной грудью вдыхая такъ хорошо знакомый ей морской воздухъ, она получила приказъ немедленно отправиться дальше прямо къ Антверпену. Это извѣстіе было привѣтствовано долго несмолкавшими криками: «Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Бельгія!»

Получить боевое крещеніе бокъ-о-бокъ съ нашими спасителями, бельгійцами, имѣя крестнымъ отцомъ самого короля Альберта и подъ перезвонъ самыхъ знаменитыхъ колоколовъ въ мірѣ, при чемъ вся церемонія должна была сопровождаться разбрасываніемъ леденцовъ¹⁾ не меньшаго размѣра, чѣмъ тѣ, которыми угощали бельгійцевъ нѣмцы—это могло, дѣйствительно, удовлетворить даже самыхъ требовательныхъ.

И вотъ, оба морскихъ полка мчатся въ поѣздѣ черезъ Бельгію, привѣтствуемые всюду населеніемъ, и спрашивая на каждой станціи, гдѣ же врагъ, встрѣчи съ которымъ они не могутъ дожидаться.

«Мы должны были первоначально остановиться въ Дюнkerкѣ, — пишетъ квартирмейстеръ²⁾ фурьеръ Ф.—но не пробыли мы тамъ и десяти минутъ, какъ насъ отправили дальше. И такъ какъ нашъ курсъ былъ направленъ на востокъ,

то я рѣшилъ, что мы ѣдемъ въ Бельгію. Дорога прошла великолѣпно. На маленькой станціи Нуаелль дамы одѣлили насъ кучей подарковъ. Напримѣръ, я получилъ пару шерстяныхъ кальсонъ, свѣчку, спичекъ, хлѣба, яблоко, пять папиросъ и два су.

Здѣсь, въ Бельгіи, насъ принимаютъ съ раскрытыми объятіями, но въ то же время смотрятъ на насъ до нѣкоторой

На буксирномъ пароходѣ, превращенномъ въ канонерку.

степени какъ на любопытныхъ звѣрей, именно потому что мы — флотскіе. Все идетъ прекрасно и будетъ итти прекрасно и впредь, можете быть увѣрены въ этомъ. Смерть нѣмцамъ!»

Въ Гентѣ былъ отданъ приказъ выйти изъ вагоновъ, такъ какъ дальше путь былъ перерѣзанъ. Антверпенъ сдался, и большія германскія силы подвигались по линіи Брюссель-Алостъ, чтобы ударить во флангъ бельгійской арміи, которая въ полномъ порядкѣ совершала свое отступленіе на Брюгге, оставляя Гентъ слѣва. Но чтобы спасти ея артиллерию и обозъ, т.-е. средства, необходимыя ей

¹⁾ Въ Бельгіи существуетъ обычай послѣ крестинъ бросать въ толпу леденцы.

²⁾ Во флотѣ квартирмейстеръ—чинъ унтеръ-офицерскаго званія.

для продолженія борьбы въ другомъ мѣстѣ, надо было задержать непріятеля, по крайней мѣрѣ, на сорокъ восемь часовъ. И нашихъ моряковъ, которые явились такъ кстати, присоединили къ войскамъ бельгійскаго генерала Клотена, которымъ приказано было образовать заслонъ и продержаться все нужное время. Моряки не роптали, а требовали только, чтобы имъ довѣрили самую передовую позицію, клиномъ выходящую на обѣ дороги, по которымъ пойдутъ германцы.

Наступилъ уже вечеръ, когда первые матросы сошли съ поѣзда въ Гентъ. Это былъ тотъ волшебный часъ, когда фасады старинныхъ домовъ отражаются фіолетовыми въ протекающихъ повсюду водахъ, а высокие ступенчатые коньки ихъ алѣютъ въ послѣднихъ лучахъ зари. Кругомъ со всѣхъ сторонъ разстилалась равнина зеленого бархата, прорѣзанная спокойными рѣками и пестрыми послѣдними осенними цвѣтами.

Дальше видны были безчисленныя деревушки и фермы, окруженныя купами деревьевъ,—все то, чѣмъ трудъ и мастерство сумѣли украсить природу, столь же плодородную, какъ и однообразную. Но французскимъ морякамъ некогда было любоваться ни городомъ, ни окрестными видами. Все, что они видѣли отъ города—это порывъ, съ какимъ населеніе города бросалось имъ навстрѣчу — имъ, отъ которыхъ оно ожидало спасенія.

Когда моряки сообщили, что за ними еще слѣдуетъ британская дивизія, въ сердцахъ гражданъ Гента снова рождалась надежда, и въ своей радости они не знали, какъ лучше привѣтствовать своихъ неожиданныхъ защитниковъ. Прибывающихъ въ теченіе всей ночи съ дальнѣйшими поѣздами размѣщали, гдѣ и какъ могли, чтобы они спокойно провели послѣдніе часы передъ великимъ днемъ своего боевого крещенія.

На слѣдующее утро — 9-го сентября — бригада собралась на Ледебергекомъ полѣ въ юго-восточной части города. Спѣшно позавтракала, а въ это время пришло извѣстіе, что непріятельскій авангардъ перешелъ рѣку Дандръ и можетъ появиться съ минуты на минуту. Немедленно оба полка отправили: первый на

лѣвый берегъ Шельды, ниже города, чтобы заслонить дорогу на Термондъ, а второй — на правый берегъ Шельды, гдѣ она заняла фронтъ Гонтроде — Квадрехтъ, прикрывавшій, выше Мелля, дорогу на Алоствъ. Тамъ они находили уже готовые окопы, и имъ осталось только ждать начала боя.

Начала дѣло артиллерія вдаль, и тотъ же самый квартирмейстеръ-фурьеръ Ф. наспѣхъ писалъ нѣсколько словъ своимъ домой: «Вчера вечеромъ я вамъ отправилъ письмо изъ Гента, жители котораго намъ устроили восторженную встрѣчу. Пользуюсь минутой раздыха въ окопахъ, чтобы послать вамъ на этой открыткѣ (послѣдней, оставшейся у меня изъ Франціи) мою нѣжную любовь. Какая радость! Мы уже пьянемъ отъ звуковъ пушечной пальбы».

И всѣ они были таковы. Всѣми овладѣвало то опьянѣніе, которое близость опасности рождаетъ въ истинныхъ храбрецахъ...

Первой пришлось имѣть дѣло съ германцами 1-ой ротѣ 2 батальона 2-го полка. Развернутая между Гонтроде и Квадрехтомъ, она держалась до тѣхъ поръ, пока огромныя потери не вынудили ее отступить къ линіи желѣзной дороги Гентъ-Оденарде. Тамъ она прочно утвердилась, опираясь на насыпь полотна дороги, и, подкрѣпленная 3-имъ батальономъ, отражала всѣ атаки непріятеля, который, удивленный такимъ упорнымъ сопротивленіемъ, сдѣлалъ къ вечеру видъ, что отходить, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько сотъ убитыхъ.

Но отошелъ онъ только для того, конечно, чтобы вернуться немного позже и въ гораздо большемъ числѣ. Только на этотъ разъ, пользуясь темнотой ночи, нѣмцы пустились на военную хитрость, притворившись друзьями:

— Не стрѣляйте, мы англичане, — говорили они.

Наши были еще незнакомы съ дьявольской хитростью нѣмцевъ и колебались.

— Пришлите намъ кого-нибудь, — отвѣтилъ командиръ Морось.

И когда никто не явился, открыли огонь. И давно было пора. Нѣмцамъ уже удалось захватить въ плѣнъ одного

квартирмейстера, котораго они били прикладами за то, что онъ отказывался крикнуть своимъ, чтобы они не стрѣляли. Этотъ самый квартирмейстеръ сталъ затѣмъ героемъ настоящей Одиссеи, которую хочется рассказать хоть въ нѣсколькихъ словахъ.

Приведенный предъ очи высшаго баварскаго офицера (наши моряки имѣли дѣло съ баварскимъ корпусомъ), который началъ разспрашивать его о нашихъ

города, гдѣ отважныя монахини съ большимъ рискомъ для себя достали для него штатское платье, переодѣвшись въ которое ему удалось бѣжать сначала въ Антверпенъ, а потомъ въ Голландію. Оттуда онъ перебрался во Францію и поспѣшилъ вернуться на фронтъ.

Читатель пойметъ, почему мы не называемъ ни его имени, ни имени монахинь, которыя помогли ему бѣжать. И еще больше поостереглись бы мы назвать—

Въ предмѣстьяхъ Парижа въ сентябрѣ 1914 года.

силахъ, грозя разстрѣломъ, если онъ не будетъ отвѣчать, морякъ спокойно смотрѣлъ офицеру прямо въ лицо и спросилъ:

— А если бы вы попали въ плѣнъ, и вамъ поставили бы такой вопросъ, развѣ вы стали бы отвѣчать?

Офицеръ былъ обезоруженъ этимъ замѣчательнымъ присутствіемъ духа.

— Ты молодецъ, — сказалъ онъ, хлопая его по плечу, и отправилъ его въ госпиталь одного большого бельгійскаго

если бы мы знали ее—фамилію баварскаго офицера, съ которымъ онъ разговаривалъ, изъ опасенія повредить этому офицеру въ глазахъ его начальства, которое навѣрное не простило бы ему, что онъ не прикончилъ раненаго, отказавшагося выдать своихъ.

Ружейная перестрѣлка продолжалась всю ночь, сопровождаемая грохотомъ бельгійской артиллеріи, которая, стоя у Мейрельбеке, отвѣчала непріятельскимъ батареямъ. Вдали то тамъ, то сямъ

горѣли фермы, вспыхивали, какъ факель, стоги сѣна, или же нѣмцы въ иныхъ мѣстахъ сжигали трупы своихъ убитыхъ.

И неустанно, снова и снова шли баварцы приступомъ на наши траншеи, рота за ротой, плотными массами. Подпустивъ ихъ метровъ на десять, моряки выскакивали и бросались на нихъ въ штыки, а затѣмъ возвращались въ свои окопы до слѣдующей атаки. Это была героическая борьба грудь съ грудью, страшныя рукопашныя схватки, при которыхъ никого не щадили и плѣнныхъ не брали, и ужасъ которыхъ съ такимъ потрясающимъ трагизмомъ лучше всякихъ словъ сумѣлъ передать на одномъ изъ прилагаемыхъ рисунковъ художникъ Шарль Фукерэ.

На разсвѣтѣ атаки прекратились, и наши получили приказъ опять занять Гонтроде, что и было сдѣлано почти безъ боя, до того непріятель утомился. По пути туда наши нашли между другими убитыми трупъ баварскаго офицера, наполовину съѣденный свиньями. Это былъ тотъ самый офицеръ, котораго докторъ Кастанъ (тоже флотскій) наканунѣ вечеромъ перевязывалъ, рискуя жизнью, на полѣ битвы, чѣмъ нѣмцы немедленно воспользовались, чтобы открыть по немъ огонь.

Тѣмъ временемъ одна англійская дивизія прибыла въ Гентъ и послала подкрѣпленія на линію, которую нашъ первый полкъ занималъ по ту сторону Шельды. Тамъ боялись обходнаго движенія нѣмцевъ, которое подвергло бы опасности бельгійскую армію, спѣшнымъ маршемъ отходившую на Экло. Но наши противники имѣли въ своемъ распоряженіи такія средства для развѣдки, какихъ у насъ не было. Сначала одинъ таубе, а потомъ блиндированный автомобиль произвели основательныя развѣдки, дополненныя сообщеніями шпіоновъ, прикидывавшихся бельгійцами. Видя, что ихъ маневръ предупредили, они перебросили свои силы туда, гдѣ мы были слабѣе. Атакованные болѣе ожесточенно, чѣмъ когда-либо, моряки 2-го полка вынуждены были во второй разъ очистить Гонтроде и отступить, какъ наканунѣ, къ линіи желѣзной дороги. Едва они дошли туда, какъ

спустился туманъ, который чуть не оказался роковымъ для нихъ, такъ какъ онъ далъ нѣмцамъ возможность незамѣченными подойти къ нимъ чуть не вплотную.

Къ счастью, наши услышали свистокъ одного изъ ихъ унтеръ-офицеровъ, и когда германцы, съ рыжимъ гигантомъ во главѣ, взобрались на желѣзнодорожную насыпь, ихъ встрѣтили залпомъ въ упоръ, который уложилъ добрую половину ихъ. Это нагнало на нѣмцевъ такой ужасъ, что они прозвали нашихъ моряковъ «синими чертями». Остальная часть ночи прошла немного спокойнѣе. Нѣмцамъ оставалось только ждать, пока ихъ будетъ сто противъ одного, и ждать этого было недолго теперь, когда они могли распоряжаться всѣми своими силами, которыя раньше были задержаны у Антверпена.

Но мы достигли своей цѣли. Бельгійская армія была спасена, благодаря нашимъ храбрымъ матросамъ, которые, только что превращенные въ солдатъ, остановили для начала движеніе 50.000 нѣмецкой арміи и задержали ее столько времени, сколько требовалось. Войска, собранные у Гента, составляли въ это время совершенно изолированный островокъ, между тѣмъ какъ непріятельскій потокъ все дальше разливался по обоимъ берегамъ Шельды, грозя все окружить; что касается спеціально морской бригады, то она уже два дня и двѣ ночи сражалась безъ передышки, не имѣя времени не только соснуть, но даже поѣсть.

Въ виду всего этого 11-го октября утромъ было рѣшено, что въ ту же ночь подъ покровомъ темноты начнется общее отступленіе, и что начать его наши моряки, которыхъ придутъ смѣнить англичане.

Въ 6^{1/2} ч. вечера наши матросы прошли черезъ Гентъ, гдѣ ихъ съ тревогой и страхомъ спрашивали жители, которыхъ они не смѣли говорить правду. Но насколько лучше было бы говорить! И не только тамъ, а вездѣ! Вполнѣ увѣренныя, что нѣмцы будутъ уважать священнѣйшіе законы войны, мы оставили на ихъ произволъ несчастное населеніе,

которое они познакомили со всѣми давно забытыми варварствами прежнихъ вѣковъ. Тутъ было все: и поджоги, и насилія, и систематическія разрушенія и грабежи, и массовая рѣзня, и разстрѣлы, и самыя ужасныя жестокости — словомъ всѣ адскія проявленія пресловутой германской «культуры».... Но тогда еще никто не зналъ, на что они способны, и съ веселой беззаботностью, присущей морякамъ, покинули наши матросы эту Венецію на Шельдѣ.

У городскихъ воротъ оказался неожиданный сюрпризъ: въ моряковъ нацѣлились какіе-то люди, которые двумя тѣсными рядами, локоть къ локтю, лежали на землѣ. Это былъ англійскій арьергардъ, принявшій ихъ за германцевъ. Но ошибка къ счастью разъяснилась вовремя.

Шли по обширной равнинѣ. Какая ночь! Ночь призрачная, ночь - сказка, среди пейзажа à la Роденбахъ.

Съ черныхъ, какъ сажа вода, поднимался фантастическій туманъ, бѣлыя причудливыя ленты котораго цѣплялись за деревья. При этомъ странномъ освѣщеніи все принимало жуткій видъ, особенно въ глазахъ людей переутомленныхъ, шагающихъ въ полусонномъ состояніи, съ тяжелыми ношами и пустымъ желудкомъ. Они шли на Тильтъ, но черезъ Эльтре, чтобы предоставить болшую дорогу повозкамъ, а это составляло не болѣе не мѣнѣе, какъ этапъ въ 35 километровъ — первый этапъ нашихъ матросовъ, который они съ честью прошли въ одну ночь безъ единого отсталого.

Въ Эльтре, куда оба полка пришли между 6 и 7 часами утра, сдѣлали кратковременную остановку. «Нѣсколько ча-

совъ отдыха въ плохихъ сараяхъ», записываетъ лейтенантъ Контеперъ въ своемъ дневникѣ. «Собирались завтракать, когда вдругъ пришелъ приказъ строиться и идти дальше. Отправились дальше въ полдень, съ сожалѣніемъ покинувъ при-

Бой на Кейэмской дорогѣ.

готовленную яичницу. Позавтракаемъ въ дорогѣ коробкой консервовъ.»

Отъ Эльтре до Тильта 20 километровъ по шоссеиной дорогѣ, окаймленной большими тѣнистыми деревьями. По обѣимъ сторонамъ ея фермы и тучныя нивы образуютъ ландшафты въ родѣ тѣхъ, которыя служатъ фономъ

для картинъ Ванъ-деръ-Мейлена, гдѣ изображены войны Людовика XIV во Фландріи. Пришли въ Тильтъ въ 4 часа вечера, въ одно время съ 7-ой дивизіей англичанъ. Послѣдняя восторженно привѣтствовала нашу отважную морскую бригаду, которая послѣ сорокавосемичасового сраженія, предшествуемаго двухдневнымъ переходомъ, прошла въ двадцать часовъ 55 километровъ.

Легко себѣ представить, какое столпотвореніе происходило въ этомъ маленькомъ городкѣ, въ которомъ собралось сорокъ или пятьдесятъ тысячъ человѣкъ всѣхъ родовъ оружія и всѣхъ національностей, да черезъ который непрерывно еще тянулись безконечныя вереницы артиллерійскихъ бригадъ, кавалерійскихъ эскадроновъ, бѣженцевъ, обозовъ, автомобилей...

На слѣдующее утро, 13 октября, англичане и французы разстались. Первые спустились къ Ипру черезъ Рулеръ, гдѣ имъ предстояло биться жарко и ожесточенно. Наши же поспѣшили къ Туру, куда пришли вечеромъ подъ проливнымъ дождемъ. Тамъ на ихъ долю выпала великая честь стать подъ непосредственное начальство его величества, короля Бельгіи.

Попытаются ли спасти Остэнде и оказать для этого сопротивление врагу? Такое намѣреніе было. Послѣ вполне заслуженнаго отдыха морскую бригаду отправили на западъ отъ Пербома, чтобы образовать тамъ заслонъ. Къ ней на подмогу прислали и часть бельгійской артиллеріи, которая уже не скоро покинула ее. Словомъ, готовились къ сраженію.

Но въ полночь вдругъ приняли рѣшеніе отойти за рѣку Изеръ, линія которой представляла лучшую точку опоры. Передвиженіе началось съ 4 часовъ утра по дорогамъ, которые, чѣмъ дальше, тѣмъ больше были запружены.

Маршрутъ былъ слѣдующій: Верекенъ, Эссенъ и Диксмюде, куда моряки прибыли немного раньше полудня.

Нѣмцы шли за нашими на разстояніи почти сутокъ пути, ночевавъ 13-го въ Тильзитѣ, а 14-го въ Туру. Они шли огромными колоннами, съ твердымъ намѣреніемъ завоевать Калѣ, море,

Парижъ, Англію... и, пожалуй, еще что-нибудь!

Вѣдь честолюбіе ихъ кайзера не знаетъ границъ. Но если на ихъ сторонѣ превосходство численности и технического оборудованія, то на нашей сторонѣ—незыблемая рѣшимость, которую вложило въ душу даже самыхъ невинственныхъ людей это ничѣмъ неоправданное нападеніе на мирныя страны и перспектива быть грубо лишенными, въ случаѣ пораженія, всего своего.

Приказъ гласилъ: держаться во что бы то ни стало! Морской бригадѣ въ частности, которой предстояло быть главной героиней также и этой новой фазы боя, приказано было защищать, какой угодно цѣной, на этотъ разъ въ теченіе четырехъ дней вокзалъ въ Диксмюде, черезъ который долженъ былъ прослѣдовать весь обозъ изъ Антверпена. Тамъ разовьется вторая часть ея эпопеи. А чтобы ужъ совсѣмъ покончить съ первой частью, напишемъ здѣсь названіе мѣстечка, которое эта первая часть ихъ эпопеи будетъ носить въ исторіи. Это названіе — Мелле. Хорошенькій городокъ съ производствомъ кружевъ. Вокругъ него и произошли тѣ бои, о которыхъ здѣсь вкратцѣ рассказывалось. Впрочемъ, потомки будутъ имѣть возможность постоянно читать это ставшее теперь знаменитымъ имя на красивомъ новомъ знамени нашихъ моряковъ, гдѣ оно будетъ стоять, написанное ослѣпительными золотыми буквами, рядомъ съ именами Диксмюде и Ньепорте въ ожиданіи болѣе громкихъ именъ.

III.

Защита Диксмюде.

Диксмюде есть—или, вѣрнѣе, былъ, потому что теперь отъ него ничего не осталось, кромѣ груды развалинъ — мирный городокъ съ 4000 населенія. Нѣкогда бывшій оживленной гаванью (когда тамъ находился лиманъ рѣки Изеръ, нынѣ передвинувшійся къ Ньепорту), а затѣмъ военной крѣпостью, онъ зналъ лучшіе дни, прежде чѣмъ увидѣлъ себя обреченнымъ на безмолвіе и покой исключительно маслянаго рынка. Памятниками тѣхъ прежнихъ

славныхъ временъ въ немъ были: Большая площадь, церковь св. Николая, славившаяся своими хорами, въ дивной рѣзбѣ которыхъ цвѣли всѣ прелести Ренесанса, и монастырь бегиннокъ, который стоялъ, весь бѣлый и розовый—возлѣ заржавленнаго моста, который отражался въ спящихъ водахъ между двумя каменными набережными. О его морскомъ прошломъ напоминалъ только старый домъ, украшенный якорями изъ ковананаго желѣза и носившій на себѣ вывѣску «Raregoi» (попугай).

За исключеніемъ предмѣстья, которое соединяется съ городкомъ посредствомъ шоссеинаго моста, весь Диксмюде расположенъ на правомъ берегу рѣки Изера, и возвышается—т.-е. возвышалъ—свою готическую колокольню посреди низкой болотистой равнины, которая дѣлится сотнями маленькихъ канавъ на крошечные квадратики полей. На этой равнинѣ изъ года въ годъ паслись стада. Брошенные своими хозяевами, которымъ пришлось поспѣшно спастись при непріятельскомъ вторженіи, несчастныя животныя бродили потомъ какъ потерянные между нѣмцами и нами и поднимали не одну ночную тревогу, прежде чѣмъ были всѣ перебиты и съѣдены.

Что касается рѣки Изеръ, то она катитъ свои илистыя воды между двумя высокими плотинами, какими защищены и всѣ дороги и селенія этого края, такъ какъ иначе они были бы затоплены при первомъ же ливнѣ. Деревьевъ мало, — только по краямъ дорогъ, но много мельницъ.

Любопытная вещь: ихъ крылья и послѣ ухода хозяевъ то и дѣло снова начинали вертѣться, и это всякій разъ, когда наши производили какое-нибудь стратегическое передвиженіе. Непріятель ухитрился держать шпіоновъ всюду и вездѣ!..

Въ нѣсколькихъ стахъ метровъ къ югу отъ Диксмюде находится кладбище, въ которомъ нашимъ пришлось окопаться. Тамъ происходили сцены, достойныя фигурировать въ новой «Пляскѣ Смерти». Одинъ *чемоданъ*, выброшенный между прочимъ изъ земли гробъ молодой дѣвушки, и наши моряки уви-

дѣли, содрагаясь отъ ужаса, какъ изъ гроба выпалъ ея трупъ уже въ состояніи полного разложенія...

Такова рамка, въ которой предстояло разыграться первой части безконечной Фландрской битвы, продолжающейся еще и донинѣ. Ставка ея—Калѣ, который германцы надѣялись безъ труда взять послѣ Антверпена и куда императоръ Вильгельмъ собирался совершить побѣдоносный вѣздъ, какъ онъ собирался вѣзжать въ Парижъ, Нанси, въ Варшаву.... и всюду съ одинаковымъ успѣхомъ.

Съ одной стороны—250.000 нѣмцевъ, которые нагрянули, какъ холера подъ командой принца Вюртембергскаго.

Пикетъ на улицахъ Диксмюде.

Съ другой же стороны—бельгійцы, которые, какъ мы уже видѣли, отошли подъ прикрытіемъ нашихъ доблестныхъ моряковъ, сначала отъ Антверпена къ Брюгге, а потомъ отъ Брюгге къ Изеру.

Армія короля Альберта занимала теперь все нижнее теченіе Изера отъ Диксмюде до моря. Выше по теченію стояла французская кавалерія, которую позже смѣнила территориальная дивизія, а дальше, къ Ипру, находились англичане. Но Диксмюде осталось ключевъ позиціи, такъ какъ тамъ находилась узловая станція, гдѣ скрещиваются желѣзнодорожныя линіи Ипръ—Ньёпортъ и Фюрнесъ—Гентъ.

Вотъ почему его защита была поручена морской бригадѣ съ приказомъ «держаться во что бы то ни стало». Это выраженіе часто будетъ встрѣчаться въ

ея лѣтописяхъ въ теченіе по меньшей мѣрѣ четырехъ дней, пока не подоспѣетъ подкрѣпленіе. Никакихъ готовыхъ окоповъ здѣсь не было. Артиллерія—полевая бельгійскія орудія—оказалась неспособной отвѣчать на сокрушительный огонь тяжелыхъ батарей, которыя привезли германцы, и къ тому же, уви! она вѣчно была безъ снарядовъ.

Впрочемъ, у нея все равно вѣдь не было ни авіаторовъ ни привязныхъ шаровъ, чтобы корректировать стрѣльбу, и вдобавокъ ко всему—полное отсутствіе развѣдочной службы.

Бельгійская бригада генерала Мейзера, уменьшенная до 5.000 человекъ правда, дѣятельно помогала морской бригадѣ при отпорѣ. Но все же у адмирала Ронарка для фронта въ 7 километровъ имѣлось только шесть батальоновъ, когда нужно было бы двойное количество. Однако это не помѣшало морской бригадѣ продержаться здѣсь три недѣли, сверхъ положенныхъ четырехъ дней, а когда затѣмъ, потерявъ половину своего состава, морская бригада была вынуждена покинуть Дискмюде, превратившійся уже въ развалины, она только перешла рѣку и опять засѣла. И генераль Жюффр называлъ ее своей «императорской гвардіей», заявляя, что не промѣняетъ ее на 20.000 любыхъ другихъ солдатъ.

Четвергъ, 15 октября. (Дневникъ лейтенанта Кантенеръ.) «Пришли въ Дискмюде около половины десятого утра среди невыразимой давки. Расположились для завтрака на вспаханномъ размокшемъ отъ дождя полѣ къ западу отъ города, перейдя Изеръ. Въ полдень шагаемъ въ обратную сторону, чтобы устроить къ востоку отъ города защитные окопы. Весь сѣверный секторъ отводится 3-му батальону 1-го полка, и на долю моей 11-ой роты приходится участокъ, который находится между дорогой въ Кайзмъ и Гандзаэмскимъ каналомъ (который впадаетъ въ Изеръ у самаго Дискмюде). Хорошо, что мы не теряли времени, такъ какъ едва мы успѣли къ вечеру прикрыть наши траншеи, какъ уже получили первый градъ пуль и шрапнелей.

Пятница, 16. «Усовершенствовались наши окопы. Несчастные крестьяне, поля и риги которыхъ мы заняли, спѣшно укладываютъ свои пожитки и бѣгутъ. Мы уже опустошили для своихъ трапезъ ихъ скотные дворы. Въ послѣдній разъ мы платимъ сегодня за реквизированную скотину. Отнынѣ мы уже будемъ находить лишь брошенную. Вечеромъ ожесточенная атака нѣмцевъ. Въ четыре часа утра докторъ Штастанъ натывается на шпіона, пробирающагося по дну рва, который тянется вдоль нашихъ линій.... Я очень жалѣю что не велѣлъ разстрѣлять его на мѣстѣ, а передалъ бельгійской жандармеріи, которая еще, пожалуй, отпустить его».

Итакъ морская бригада прибыла въ Дискмюде и утвердилась тамъ. Адмиралъ немедленно распредѣлилъ защиту мѣстности между своими двумя полками: первому поручилъ зону къ сѣверу отъ діаметра Кэскерке-Дискмюде-Гандзаэмскій каналъ; а второму — зону къ югу отъ той же линіи. Какъ видно изъ предыдущаго, бригада первымъ дѣломъ посѣщила вырыть въ пятистахъ метрахъ отъ города полукругъ траншей, оба конца которыхъ упирались въ Изеръ. На лѣвомъ берегу канала, тоже укрѣпленномъ, пріютились резервы, артиллерія, обозъ, боевые припасы и ставка командующаго. Этотъ укрѣпленный берегъ обезпечивалъ отступленіе. Пулеметы лейтенанта Мейнара, которые все время тащила сама ихъ неустоимая прислуга, были сгруппированы въ центрѣ линіи защиты, готовые помчаться всюду, гдѣ въ нихъ окажется нужда. Но, въ общемъ, положеніе дѣлъ было таково, что заслонить нѣмцамъ дорогу собирались почти исключительно грудью людей—но людей, привыкшихъ не бояться никакихъ бушующихъ стихій и смѣло вступать съ ними борьбу.

18-го октября какой-то бельгійскій генераль, тонкій, худощавый, съ гордой осанкой, дѣлалъ быстрый смотръ гарнизону Дискмюде, выстроившемуся на шоссе вдоль канала. Это король Альбертъ, король Изера, какъ Карль VII нѣкогда былъ королемъ Буржа. Онъ пришелъ убѣдиться, готовы ли защит-

ники Диксмюде отразить новыя атаки, атаки, которыхъ надо неминуемо ждать. Однако непріятель нашелъ дѣло слишкомъ труднымъ и предпочелъ нащупывать линію съ другой стороны, между Леке и Бирстѣ. Оставивъ свои окопы подъ охраной бельгійской бригады, моряки поспѣшили туда на звукъ пальбы.

Во главѣ шелъ 2-ой полкъ со своимъ командиромъ капитаномъ Варней, храбрость котораго вошла въ поговорку. Авангардъ составлялъ батальонъ Жаніо, впереди котораго неслись развѣдчики-алжирцы, красные плащи которыхъ и маленькія арабскія лошади представляли странное зрѣлище подъ голыми деревьями фландрской дороги.

Но Беерстѣ былъ прочно занятъ нѣмцами, и едва рота Моссионъ-де-Кандэ подошла къ Беерсту на разстояніе выстрѣла, какъ ряды ея уже сильно порѣдѣли. Справа отъ нея развертывались роты Пертюса и Геберта. Геберту удалось занять первую ферму деревни и онъ послалъ своихъ лейтенантовъ, Фоссей и мичмана де-Блуа, завладѣть зубчатыми домами, изъ которыхъ засѣвшій тамъ врагъ открылъ убійственный ружейный огонь. Наши съ трудомъ подвигались впередъ, ползя по грязи, и уронъ былъ такъ великъ, что пришлось замѣнить этотъ батальонъ другимъ, что было очень рискованной операціей подъ такимъ огнемъ. Но все же она благополучно удалась, а батальонъ Рабо вышелъ въ это время изъ Владслоо. И въ 5 часовъ вечера деревня Беерстѣ была взята. Успѣхъ, купленный дорогой цѣной—двѣсти убитыхъ. Среди раненыхъ—Пертюсъ, который плакалъ, что ему приходится покинуть свою роту; Гебертъ, великій апостолъ физическаго развитія и основатель школы атлетовъ въ Реймсѣ; мичманъ де-Блуа, который писалъ подъ псевдонимомъ d'Avesnes прелестныя книги, и много другихъ...

Въ шесть часовъ отдается, однако, приказъ снова отойти къ Диксмюде, черезъ который прошли подъ проливнымъ дождемъ, и къ полудню пришли на свои квартиры въ Сэнъ-Жакъ-Капелле. Это—настоящіе Ноевы Ковчеги, гдѣ моряки скучиваются вперемѣшку съ артиллеристами и кавалеристами. Первая ихъ забота—приготовить себѣ горячій кофе.

Но нѣмцы установили свою тяжелую артиллерію, орудія въ 105, 150, 210 и даже 280 миллиметровъ, и начали усиленно бомбардировать и самый Диксмюде и окружающія траншеи. Одинъ изъ первыхъ чемодановъ попалъ въ

Баррикада на набережной Изера.

городскую ратушу и взрывомъ его семнадцать человѣкъ было убито и двадцать шесть ранено.

Атаки непрерывно возобновлялись и днемъ и ночью, окопы непрерывно переходили изъ рукъ въ руки, но въ концѣ концовъ все же остались за нашими. Происходили бѣшеные бои, при которыхъ наши матросы бросались на врага, словно на абордажъ, роя въ его массѣ глубокія борозды, которыя къ сожалѣнію почти тотчасъ же опять заполнялись. Вѣдь германцевъ было настолько больше, чѣмъ нашихъ! Главную роль игралъ тутъ штыкъ, и каждый изъ нашихъ матросовъ старался приколотъ побольше враговъ.

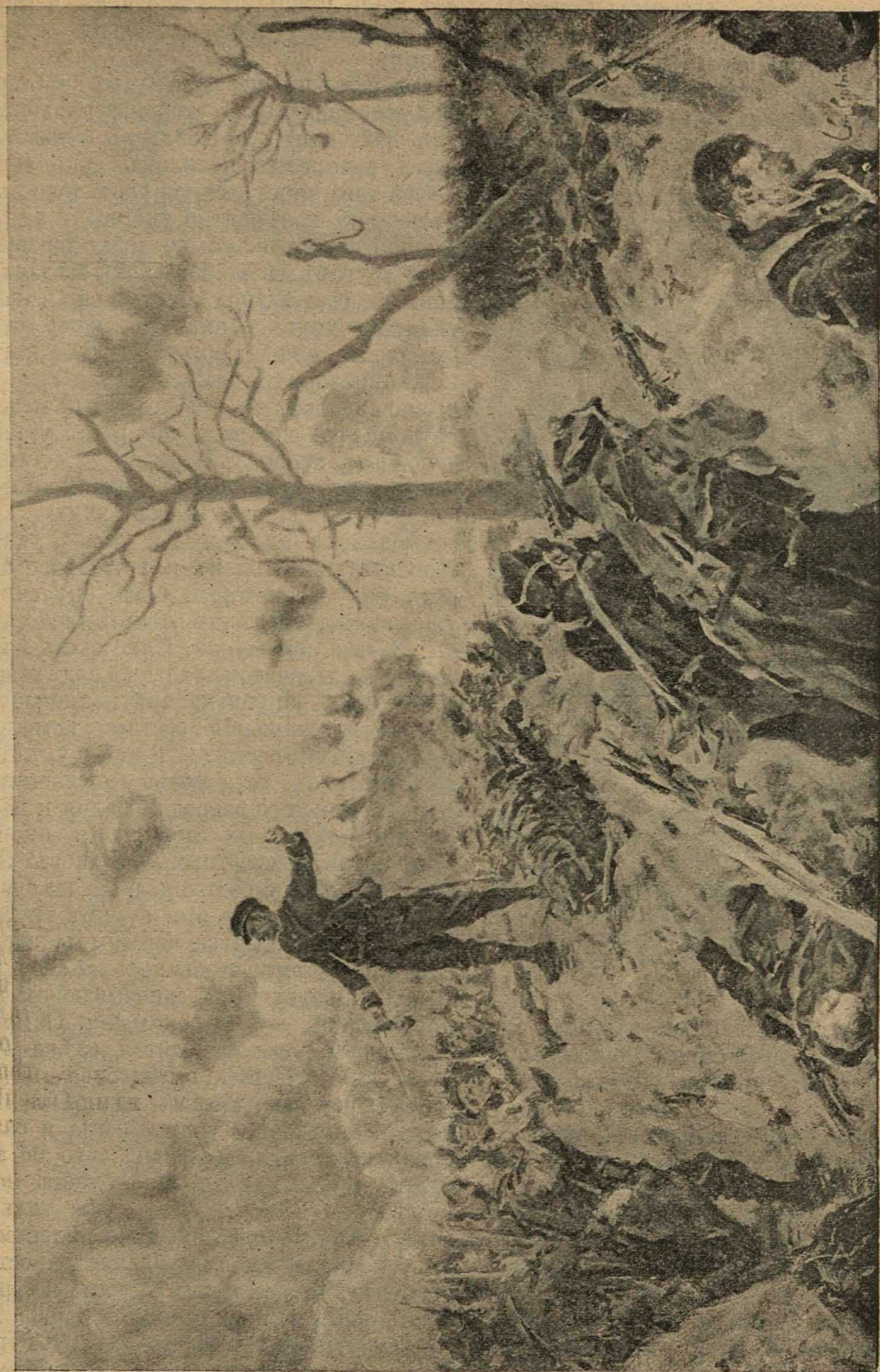
Напоръ нѣмцевъ становился все болѣе ожесточеннымъ. 22-го имъ удалось прорвать линію бельгійцевъ и утвердиться на лѣвомъ берегу Изера, въ излучинѣ, которую Изеръ образуетъ къ сѣверу отъ Тервэте. Опасаясь, что непріятель обойдетъ его, адмираль послалъ два батальона задержать дальнѣйшее продвиженіе впередъ нѣмцевъ и устроить заслонъ съ этой стороны. Этотъ приказъ былъ выполненъ быстро и дѣло удалось, хотя и цѣной тяжелыхъ жертвъ. Убито приблизительно по сто человѣкъ въ каждой ротѣ и много офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, Эрве, падая, кричалъ своимъ людямъ: «Ребята, отомстите за меня». Другого отнесли смертельно-раненымъ въ лазаретъ, гдѣ онъ умеръ «какъ герой и святой».

Но что будетъ, когда непріятель установитъ батареи, которыя начнутъ обстрѣливать защитниковъ Дикемюде съ тыла? Тутъ бельгійскій штабъ и прибѣгнулъ къ крайнему средству, состоящему въ томъ, чтобы затопить мѣстности, расположенныя ниже уровня моря. Въ Ньепортѣ открыли шлюзы, и вода «потянулась» по лугамъ и полямъ, словно медленно разворачивающійся холстъ. Взбѣшенные этимъ, германцы съ еще большей яростью накинулись на Дикемюде и уже не давали ни минуты покоя морской бригадѣ, задача которой дѣлалась все труднѣе по мѣрѣ того, какъ истощались ея силы.

«Послѣднее воскресенье, ночью, когда насъ только что смѣнили», пишетъ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, «намъ немедленно пришлось опять вернуться въ окопъ, чтобы отбить страшную атаку. Мы взяли въ плѣнъ одного ротмистра, одного поручика и 200 нижнихъ чиновъ, которыхъ слѣдовало бы разстрѣлять, такъ какъ на нихъ нашли пули думъ-думъ. Нѣмцы, какъ видно изъ этого, продолжали прибѣгать ко всякимъ нечестнымъ способамъ и средствамъ, которые особенно позорны, когда ими пользуется майоръ гвардіи, какъ графъ фонъ-Пурталесъ, который кричалъ на превосходномъ французскомъ языкѣ: «Не стрѣляйте, мы бельгійцы!» Но окрикъ «Wer da?» одного изъ его солдатъ выдалъ его, и онъ былъ убитъ, какъ собака, однимъ

изъ нашихъ офицеровъ, который по праву побѣдителя снялъ съ него: прекрасную саблю дамасской стали съ гербомъ, призматическій бинокль, полный комплектъ картъ Бельгіи, масштаба 1:60.000, и усовершенствованный электрическій фонарь — все это липкое отъ его крови, но на войнѣ нельзя быть слишкомъ разборчивымъ».

Въ ночь съ 25-го на 26-ое произошла тревога. Непріятельская колонна въ составѣ полубатальона умудрилась какимъ-то образомъ проникнуть въ городъ. Какъ именно, это еще до сихъ поръ не выяснено. Или ей удалось проскользнуть между двухъ траншей, защитники которыхъ были слишкомъ переутомлены, или же — что вѣроятнѣе — она попала туда черезъ подземелье, сообщающееся съ погребами нѣкоторыхъ подозрительныхъ домовъ. Во всякомъ случаѣ нѣмцы дошли, отбѣсняя все передъ собой, до шоссе-наго моста черезъ Изеръ, гдѣ убили часового. Мичманъ де-Ламберти, который, какъ новый Горацій Коклесь, хотѣлъ одинъ заступитъ имъ дорогу, упалъ, пронзенный двумя штыками — которые какимъ-то чудомъ не убили, а только ранили его. Заслышавъ шумъ, лѣвобережныя траншеи и пулеметы открываютъ огонь и укладываютъ добрыхъ три четверти германцевъ. Но человѣкъ сто переходятъ все-же черезъ мостъ и идутъ напрямикъ дальше, стрѣляя во всѣхъ, кто попадаетъ имъ на пути. Такъ убитъ въ упоръ главный врачъ и раненъ аббатъ, священникъ 2-го полка. Немного далѣе они застигаютъ врасплохъ и берутъ въ плѣнъ батальоннаго командира Жанніо, который былъ на отдыхѣ въ ту ночь и выбѣжалъ, чтобы поднять резервы. Затѣмъ нѣмцы залегли за одной изгородью, вмѣстѣ съ бельгійцами и французскими моряками, которыхъ они захватили въ плѣнъ по дорогѣ. На разсвѣтѣ ихъ открыли тамъ и окружили. Къ несчастью они успѣли передъ тѣмъ, какъ едаться, убитъ часть своихъ плѣнныхъ, и въ томъ числѣ командира Жанніо. Адмираль велѣлъ тутъ же на мѣстѣ разстрѣлять нѣсколько этихъ негодяевъ, установить большую или меньшую степень

Атаки безпрерывно возобновляются и днем и ночью, окопы безпрерывно переходятъ изъ рукъ въ руки, но въ концѣ концовъ все-таки остаются за нами.

виновности остальных было предоставлено жандармерии. Офицеры бригады, тѣ немногіе, которые пережили диксмюдскій адъ, до сего времени спрашиваютъ себя, не была ли эта безразсудная попытка германцевъ подготовительной репетиціей къ ихъ атакѣ 10-го ноября.

Городъ давно уже представляетъ собою лишь груды кирпича и почернѣв-

Допросъ плѣннаго.

шаго отъ огня песчаника, изъ-подъ которыхъ пробиваются клубы черного дыма, словно изъ не совсѣмъ угасшаго вулкана...

Лишь кое-гдѣ еще стоятъ уцѣлѣвшія стѣны безъ крышъ съ уныло повисшими оконными рамами безъ стеколъ. Улицы перерѣзаны огромными воронками, вырытыми *чемоданами*; на днѣ одной изъ нихъ лежитъ телѣга со своей упряжкой.

Лейтенанта Мейнара, раненаго двумя правельными пулями, перенесли въ одинъ домъ, менѣе пострадавшій чѣмъ другіе, но въ то время, какъ докторъ

перевязывалъ его, все, что уцѣлѣло отъ дома, рушилось въ подвалъ, и лишь съ трудомъ удалось извлечь оттуда обоихъ.

Однажды нѣмцы чуть-чуть не опрокинули нашихъ со стороны кладбища, гдѣ лейтенантъ де-Палльеръ буквально былъ разорванъ пополамъ снарядомъ, послѣ того какъ онъ успѣшно отразилъ нѣсколько невѣроятно упорныхъ атакъ. Въ другой разъ надо было стойко держаться въ другомъ мѣстѣ. Германцы не давали нашимъ буквально передышки и вертѣлись вокругъ Диксмюде, какъ стая шакаловъ, ожидающихъ минуты, когда можно разорвать добычу. Они непрерывно подвозили новыя силы, между тѣмъ какъ морская бригада уменьшалась, какъ воскъ, какъ утесъ, осыпавшійся подъ напоромъ непрерывно набѣгающихъ волнъ. Тѣмъ хуже для оставшихся! Разъ людей мало, надо «удваиваться», только и всего—особаго рода фокусъ, который намъ объяснить уже извѣстный намъ квартирмейстеръ Ф.: *3 часа пополудни*. Пишу вамъ подъ защитой клеенчатой палатки и подъ защитой судьбы—плохой каламбуръ, конечно, но соответствующій обстоятельствамъ. Положеніе не блестящее, и если я уцѣлѣю на этотъ [разъ, то я право «неуязвимъ». Мы сражаемся со вчерашняго дня и насъ осталось тутъ, въ этой части окопа, всего семь несчастныхъ «Жановъ Зубастыхъ». Мы по брюхо въ водѣ, но очень веселы несмотря на это, куримъ трубки и дымимъ каждый за четверыхъ, зорко сдѣя при этомъ, чтобы насъ не обошли. Я, чтобы развлечься, записываю то, что происходитъ. — *4 ч. пополудни*. Остальная часть роты находится слѣва отъ насъ въ качествѣ стрѣлковой цѣпи. Я посылаю туда просить подкрѣпленія, но мой посланецъ убитъ. Тогда я самъ ползу туда. Мнѣ обѣщаютъ, что не забудутъ насъ, какъ только будетъ возможно. — *4 ч. 25 м.* Насъ уже только двое, а нѣмцы приближаются ползкомъ. Чтобы произвести иллюзію численности, мы беремъ по два ружья каждый и стрѣляемъ какъ можно быстрѣе, держа по одному ружью у каждого плеча и перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Непріятель останавливается и поворачиваетъ вспять.

Слава Богу, приходитъ подкрѣпленіе; и пора ужъ... Что дальше было, я не знаю въ точности, такъ какъ спалъ безъ просыпу одиннадцать часовъ. На перекличкѣ не хватаетъ тридцати пяти человѣкъ, но мы захватили 5 пулеметовъ и 300 человѣкъ плѣнныхъ».

И все-таки чувствуется, что близко къ концу. Офицеры понимаютъ это, и нѣкоторые записываютъ въ своихъ дневникахъ встрѣчи съ товарищами, такъ какъ каждая встрѣча можетъ быть послѣдней. Нашъ священникъ, аббатъ Пушаръ, проходитъ мимо насъ, возвращаясь съ передовыхъ позицій, неутомимый, несмотря на переутомленіе. Жму также руку де-Малэрбу и д'Альбіа—мы единственные, оставшіеся въ живыхъ капитаны изъ первоначальнаго полка! Потомъ болтаю четверть часика съ славнымъ Монголфье, такимъ же бодрымъ, какъ всегда, больше мы съ нимъ уже не увидимся...

Однако ничто не могло поколебать мужества этихъ людей, души которыхъ закалило море. Напримѣръ, тотъ самый офицеръ, который предавался выше приведеннымъ меланхолическимъ размышленіямъ, продолжаетъ такъ:

«Познакомился съ де-Грегуаромъ, лейтенантомъ бельгійской артиллеріи, специальность котораго—обстрѣливать пулеметныя гнѣзда германцевъ. Онъ забралъ себѣ въ голову, что надо непременно разрушить сарай, занятый неприятелемъ, и устраивается во дворѣ фермы, гдѣ мы готовимъ себѣ завтракъ. Мы предвидимъ результатъ: сарай останется цѣль, а какъ только Грегуаръ уберется, израсходовавъ все свои снаряды, намъ придется расхлебывать заваренную имъ кашу.

«И ждать этого не долго. Вотъ первый отвѣтный снарядъ германцевъ падаетъ на хлѣвъ и ранитъ одного нашего. Второй снарядъ выбиваетъ стекла въ домѣ. Горошимъ «повара».

«Вѣдь жаль бросить прекрасный картофель, который такъ славно поджарился. Бумъ, бумъ! Одинъ снарядъ въ чердакъ дома, другой передъ самой дверью! Остаться невозможно.

«Отправляю людей назадъ въ окопы, а самъ иду за своей порціей завтрака.

Но одновременно со мной въ кухню влетаетъ снарядъ и ранитъ повара въ спину. Мой вѣстовой и я переносимъ его въ подвалъ въ ожиданіи перерыва въ стрѣльбѣ, когда можно будетъ эвакуировать его. И мы опять забираемся въ свои земляныя норы, не бросая, конечно, свой жареный картофель, между тѣмъ какъ на ферму падаютъ подрядъ четыре или пять снарядовъ. И все это по милости Грегуара!

На пути къ лазарету.

«Но мы уже дошли до послѣдняго акта драмы. Ночь съ 9-го на 10-ое ноября прошла сравнительно спокойно, но на разсвѣтѣ бомбардировка возобновилась съ небывалой еще силой. Снаряды слѣдовали другъ за другомъ черезъ каждую секунду, градомъ падая на городъ и въ траншеи, разрушая плотины и кося резервы. Это прелюдія къ окончательному штурму города, и продолжается она все утро.

«11 часовъ. Деревья на каналѣ падаютъ въ воду одно за другимъ. Еще двѣ наши траншеи разрушены, и не-

мыслимо пройти туда, чтобы вынести раненых и убитых. И конца нѣтъ!» отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ лейтенантъ Кантенеръ, рота котораго занимала участокъ между Гандзаэмскимъ каналомъ и дорогой на Кейэмъ. И въ это самое время на сосѣдній секторъ справа, занятый не нашими матросами, а бельгійцами, внезапно обрушивается цѣлая лавина нѣмцевъ, или, вѣрнѣе, потокъ, который все растетъ и растетъ.

«Я предвидѣлъ это», продолжаетъ нашъ цѣнный свидѣтель. «Ле-Прово спѣшитъ со своимъ взводомъ занять берегъ Гандзаэмскаго канала, откуда онъ думаетъ напасть на нихъ съ фланга. Но только *они* это предвидѣли и принимаютъ свои мѣры. Съ математической точностью слѣдуютъ другъ за другомъ три орудійныхъ залпа, убивая половину людей во взводѣ и разсѣивая его остатки. Наконецъ, и наша стрѣльба останавливаетъ нѣмцевъ, которые отходятъ назадъ, убивая захваченныхъ ими въ плѣнъ бельгійцевъ.

«Но на другой сторонѣ канала они продолжаютъ итти на приступъ все большими и большими массами. Приходится одновременно отражать ихъ во всѣхъ мѣстахъ, и это становится уже далеко не забавой. Тщетно стараюсь я войти въ сношеніе съ ротами, развернутыми налѣво отъ насъ. Всѣ, кого я ни посылаю туда, падаютъ, не успѣвъ перейти Кейэмскую дорогу. Что происходитъ за нами? Не трудно себѣ представить!

«Со всѣхъ сторонъ рвы, дома, развалины мало-по-малу наполнились нѣмцами... 4 ч. вечера. Уже болѣе двадцати разъ смотрю я на часы. Не получая ни отъ кого приказовъ, я рѣшилъ, что если намъ удастся чудомъ продержаться здѣсь до ночи, я постараюсь отвести назадъ къ Изеру остатки моей и лѣвыхъ отъ насъ ротъ. У меня осталось не больше пятнадцати человѣкъ. Почему непріятель не атакуетъ насъ? Непонятно! Была минута, когда вокругъ насъ взрывалось столько снарядовъ, что невольно казалось, будто этотъ градъ осколковъ защищаетъ отъ пуль. Мы вскрываемъ жестянку съ мясными консервами, а

для десерта ѣдимъ шоколадъ. Вѣдь пора ужъ позавтракать!»

Тѣмъ временемъ нѣмцы обошли остатки 12-ой роты, въ которой осталось всего нѣсколько человѣкъ, способныхъ стрѣлять, и забрали ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ капитаномъ Сэррѣ, батальоннымъ адъютантомъ. Они тащили ихъ за собой къ рѣкѣ, гдѣ искали перехода, и по своей привычкѣ ставили ихъ передъ собой, чтобы оградиться отъ огня окоповъ, находящихся на лѣвомъ берегу Изера. «Скажите имъ, чтобы они слались», говорить одинъ нѣмецкій офицеръ капитану Сэррѣ.

«Вы шутите», съ величайшимъ хладнокровіемъ отвѣчаетъ тотъ, «у насъ тамъ по меньшей мѣрѣ 10.000 человѣкъ!»

Въ эту минуту пуля ранила его въ плечо, чѣмъ онъ и воспользовался, чтобы упасть на землю — нарочно. Онъ замѣтилъ, что моряки, стоявшіе въ резервѣ на той сторонѣ канала, спѣшили къ нимъ на выручку по висячему пѣшеходному мостику, котораго нѣмцы не видѣли. По его знаку его люди внезапно скатываются внизъ по откосу, и всѣ вмѣстѣ переплываютъ рѣку Изеръ—Сэррѣ тоже, несмотря на раненую руку. И имъ удалось спастись!

Но вернемся теперь къ тѣмъ, которыхъ мы только что покинули, ротамъ сѣвернаго сектора. Онѣ находились въ самомъ критическомъ положеніи, но дневникъ того же лейтенанта Кантенера покажетъ намъ, какъ онѣ съ честью вышли изъ него. «Вотъ, наконецъ, и ночь. Покидаемъ окопы, пробираемся до Кейэмской дороги и благополучно переходимъ черезъ нее. По пути захватываемъ остатки 10-й и 9-й ротъ. Девиссу удается опять привести въ дѣйствіе одинъ бельгійскій пулеметъ. Нѣсколько мѣткихъ залповъ останавливаютъ слишкомъ предприимчивыхъ нѣмцевъ на сѣверѣ, а демонстративное движеніе полувзвода къ городу устрашаетъ тѣхъ, что находятся къ югу.

«Они, вѣроятно, думаютъ, что мы въ ловушкѣ и не уйдемъ отъ нихъ, и хотятъ, должно быть, сконцентрировать сначала достаточно силъ, прежде чѣмъ взять наши окопы. Мы образуемъ не-

большое защитное карре и подбираемъ, насколько это возможно, нашихъ раненыхъ. Идемъ молча. Небо покрыто тучами, луны нѣтъ. Горящая ферма вдали приблизительно указываетъ намъ направление. Въ продолженіе пяти смертельныхъ часовъ пробираемся мы черезъ топи и черезъ илистые ручейки, гдѣ каждую минуту рискуемъ увязнуть. Но намъ везетъ.

«Мы подвергаемся лишь нѣсколькимъ ружейнымъ выстрѣламъ, на которые мы остерегаемся отвѣчать, чтобы не выдать себя. Если насъ атакуютъ, мы прибѣгнемъ только къ штыкамъ... Доходимъ, наконецъ, до Изера. Какая удача! Висячій пѣшеходный мостикъ еще на мѣстѣ, въ двухстахъ метрахъ отъ шоссе-наго моста, гдѣ кипитъ бой. Насъ узнаютъ, мы переходимъ».

481 человѣка привелъ такимъ образомъ, противъ всякаго ожиданія, лейтенантъ Кантенеръ, 481 человѣка почти въ полномъ снаряженіи и вооруженіи, совершивъ съ ними отступленіе настолько же трудное, насколько и славное. И какая литература можетъ сравниться съ его простымъ и потрясающимъ разсказомъ?

Въ самѣмъ Диксмуде геройскіе поступки неисчислимы. Но все же не удается сохранить за собой городъ. Адмиралъ рѣшаетъ покинуть его, чтобы имѣть возможность задержатъ непріятеля на самой рѣкѣ Изеръ. Взрываютъ мосты (шоссейный и желѣзнодорожный), и въ 5 часовъ развалины того, что некогда было Диксмуде, переходятъ въ руки германцевъ. Жалкая добыча въ сравненіи съ ихъ огромными потерями! И наши потери убитыми и ранеными тоже значительны, хотя и не такъ велики.

Въ тотъ же вечеръ подошли подкрѣпленія—слишкомъ поздно, къ сожалѣнію. Оставалось только укрѣпиться за брустверомъ рѣки, изъ которой мы сдѣлали непреодолимую преграду. Въ продолженіе шести дней и шести но-

Рукопашная схватка.

чей нѣмцы все снова пытались перейти ее, какой угодно цѣной, но безъ иного результата, кромѣ значительнаго увеличенія своихъ и безъ того огромныхъ потерь. Они походили на тѣхъ дикарей, свирѣпыхъ и вороватыхъ, которыхъ старые моряки въ родѣ меня знаютъ по Малайскому архипелагу. Съ такимъ же безсильнымъ бѣшенствомъ

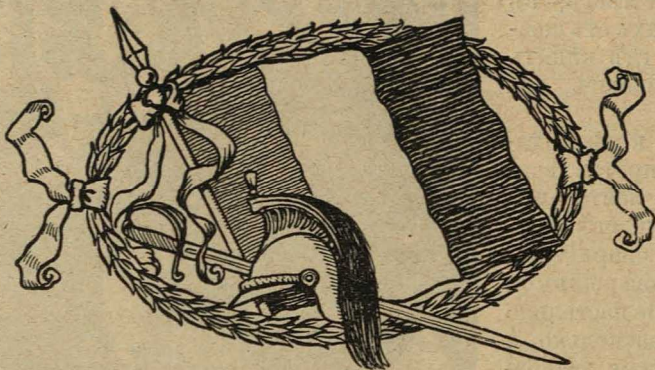
упрямо пытались эти дикари влѣзть на корабль, стоящій у ихъ острововъ, одушевленные надеждой, что имъ удастся перерѣзать экипажъ и завладѣть его богатствами...

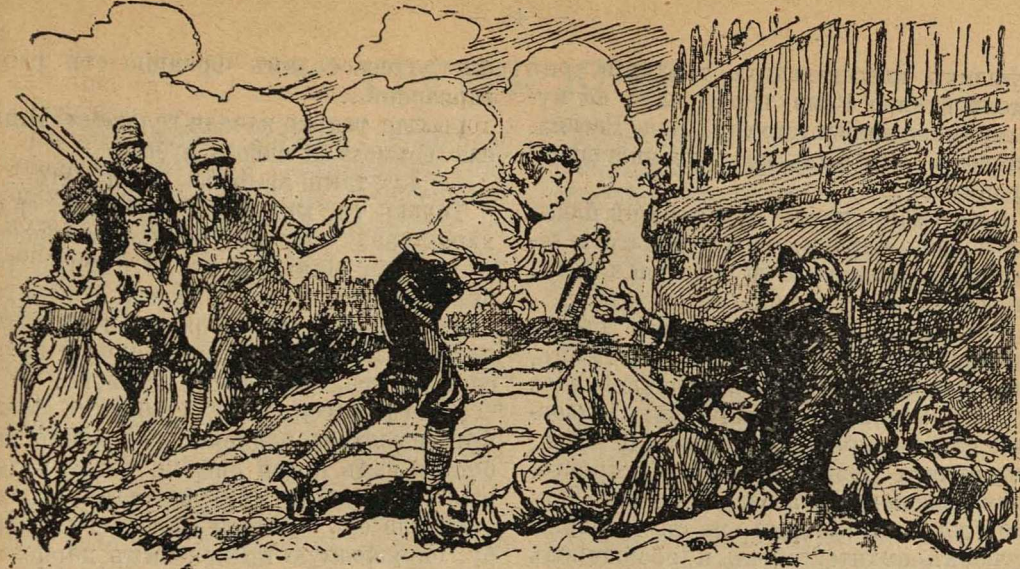
Но морская бригада была истощена. Послать ее въ тылъ отдохнуть и заново сформироваться стало безусловной необходимостью, и 16 ноября территоріальная дивизія явилась смѣнить матросовъ адмирала Ронарка съ ихъ двадцатishестидневной «вахты» на Изерѣ.

Отдыхали они, однако, недолго. Какъ скоро убыль въ ихъ рядахъ была пополнена, ихъ опять увидѣли на фронтѣ, и, конечно, на мѣстахъ, гдѣ было всего жарче. Рассказывать о ихъ послѣднихъ

бояхъ сейчасъ невозможно. Надо подождать окончанія тѣхъ операцій, въ которыхъ они участвуютъ. Скажемъ только, что они еще въ Бельгii, недалеко отъ моря. Случай доставилъ имъ между прочимъ встрѣчу съ германскими флотскими матросами, которыхъ они имѣли удовольствіе изрядно побить.

Итакъ, въ другой разъ я вполету въ вѣнокъ послѣдніе лавры нашихъ моряковъ. Если я уже не могу, увy!—лично дѣлить съ бывшими товарищами тяготы ихъ новой службы родинѣ, то все же точно находишься еще до нѣкоторой степени съ ними, когда благоговѣйно записываешь ихъ славныя дѣянія.

Героическая Франція.

На порогъ французскаго дома.

ОДИНЪ утонченный парижанинъ, отецъ котораго слылъ совершеннѣйшимъ типомъ скептика, вписалъ свое имя въ книгу героев добровольной, простой, трогательной и красивой смерти.

Сынъ бывшаго редактора *Фигаро*, того самаго Маньяра, который хвалился, что ни во что не вѣрить и никого не уважаетъ, Альберикъ Маньяръ отдалъ свою жизнь за родину, за свой очагъ, ради примѣра. Онъ далъ себя убить на порогѣ своего дома, и это былъ торжественный протестъ противъ преступленій грубой силы, жертва, принесенная во имя вѣчныхъ правъ неприкосновенности французской территоріи.

И сдѣлалъ онъ это отнюдь не подвліяніемъ минутнаго побужденія. Нѣтъ, онъ дѣйствовалъ обдуманно, сознательно, все предусмотрѣлъ, распорядился всѣмъ. Онъ умеръ такъ, какъ *хотѣлъ* умереть...

Извѣстный композиторъ, главное произведеніе котораго, «*Берениса*», недавно съ большимъ успѣхомъ шло въ Париж-

ской Оперѣ, владѣлецъ значительнаго состоянія, женатый, отецъ двухъ прелестныхъ дочерей, Альберикъ Маньяръ не могъ жаловаться на жизнь. Кромѣ того возрастъ освобождалъ его отъ военной службы и для него не было ничего легче, какъ уйти вмѣстѣ съ своей семьей подальше отъ случайностей войны.

Война!.. Съ какимъ волненіемъ, съ какой лихорадочной болью слѣдилъ онъ за ея перепитіями. Онъ былъ такой пламенный патріотъ! Это чувство давно развилось и укрѣнилось въ немъ, проявляясь даже въ его искусствѣ. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые думаютъ, что у искусства нѣтъ отчизны! Онъ первый освободился отъ рабскаго поклоненія передъ Вагнеромъ. Онъ мечталъ объ истинно - національной французской музыкѣ, т.-е. прежде всего о музыкѣ ясной, гармоничной, уравновѣшенной, въ которой чистота аккорда и благородство и величіе мысли играли бы большую роль, чѣмъ неистовство оркестра. Онъ старался придерживаться

лучшихъ классическихъ традицій, онъ вдохновлялся Рамо, переложилъ на музыку мелодичные стихи Жана Расина. Словомъ, онъ былъ по духу чистѣйшій французъ...

Война застала его въ помѣстьѣ близъ деревушки Баронъ, хорошенькаго селенія, расположеннаго на большой дорогѣ, что ведетъ въ Нантейль-ле-Одуэнъ.

Онъ любилъ эту мѣстность съ ея зеленью и текучими водами, мѣстность, гдѣ природа, казалось, вдохновилась гениемъ великихъ французскихъ садовниковъ, распредѣляя свѣтъ и тѣни, начерчивая изящныя линіи мирнаго, ласкающаго взоръ пейзажа. Онъ любилъ свой домъ, въ который онъ съ помощью лучшихъ архитекторовъ и обойщиковъ и руководствуясь собственнымъ художественнымъ вкусомъ, внесъ все, что могло содѣйствовать созданію истинно французской атмосферы...

Вскорѣ во всемъ краѣ узнали, что нѣмцы приближаются. Армія фонъ-Клука шла на Парижъ по долигѣ Уазы, убивая, разрушая и грабя все на своемъ пути. Всѣ, кто могъ, поспѣшно бѣжали. Альберикъ Маньяръ наотрѣзъ отказался бѣжать. Но жену и дочерей онъ убѣдилъ отправиться въ Неверъ, къ родственникамъ. Самъ же остался въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ молодымъ зятемъ.

На вопросы сосѣдей, что онъ намѣренъ дѣлать, онъ откровенно отвѣчалъ, ничуть не скрывая своихъ намѣреній:

— Я не допущу, чтобы нѣмцы вошли въ мой домъ. Въ устройство моего жилища я вложилъ мою душу, оно—часть моего я, отраженіе моей интимной жизни, оно заключаетъ въ себѣ мои воспоминанія, все, что я нѣжно любилъ. Пока я живъ, нѣмцы не войдутъ туда.

— Но что же вы сдѣлаете, чтобы помѣшать имъ войти?

— А что бы вы стали дѣлать, если бы грабители ломились въ вашу дверь? Схватили бы ружье, револьверъ и стали стрѣлять въ нихъ!

— Но они васъ убьютъ!

— По всей вѣроятности. Ихъ больше. Но во всякомъ случаѣ я буду знать, что исполнилъ свой долгъ. Пусть каждый французъ поступаетъ, какъ я, и мы

быстро освободимъ Францію отъ этихъ варваровъ...

Сосѣди только качали головами. Иные еще бормотали сквозь зубы:

— Да, такъ *говорятъ*, но *дѣлать*...

Только тѣ, кто знали мужество, силу характера, энергію и рѣшительность Альберика Маньяра, могли вѣрить, что онъ поступитъ такъ, какъ говоритъ.

Утромъ 4-го сентября по всей мѣстности разнесся тревожный слухъ: пруссаки идутъ, пруссаки недалеко!

Было 10 часовъ утра. Альберикъ Маньяръ сидѣлъ за роялемъ и спокойно работалъ надъ новой оперой, когда услышалъ снаружи шумъ. Рѣшетчатая ограда отдѣляла отъ большой дороги его усадьбу, окруженную прекраснымъ паркомъ, который кончался террасой надъ рѣкой.

Открывъ окно, Маньяръ увидѣлъ, что шайка улановъ съ бранью и угрозами трясетъ эту рѣшетку. Не говоря ни слова, онъ взялъ ружье и выстрѣлилъ въ нихъ. Двое упали мертвые, а остальные убѣжали, но только для того, чтобы позвать подмогу. Немного погодя, Маньяръ, опять усѣвшійся спокойно за рояль, вновь услышалъ, что трясутъ рѣшетку. Понимая, что это конецъ, онъ вышелъ на этотъ разъ на крыльцо и тотчасъ же упалъ, сраженный залпомъ, не успѣвъ даже вторично пустить въ дѣло свое оружіе.

Выломавъ рѣшетку, нѣмцы бросились въ домъ и паркъ, схватили зятя Маньяра и привязали его къ дереву для разстрѣла. Но молодой человѣкъ не растерялся и потребовалъ, чтобы ему дали поговорить съ офицеромъ, котораго ему и удалось убѣдить, что онъ только садовникъ помѣстья. Его развязали, чтобы позже разобрать дѣло, а пока его палачи были заняты разграбленіемъ дома, онъ воспользовался этимъ и бѣжалъ.

Цѣлый день грабили германцы домъ Маньяра, въ которомъ находились прекрасныя коллекціи произведеній искусства, дорогіе ковры и т. д. Все, что представляло цѣнность, грабители нагроулили на свои фургоны и увезли. Вечеромъ домъ пылалъ, похоронивъ подъ своими обломками обгорѣлый трупъ героя гражданскаго долга.

СЕСТРА ЮЛІЯ.

Въ эту войну, которая объединила всѣ матеріальныя и нравственныя силы страны, наши епископы, священники, монахини и монахи доказали, что они находятся на высотѣ своего призванія. Полковые священники покрыли себя славой на поляхъ сраженія, какъ о томъ свидѣлствуютъ приказы по войскамъ. Епископы, какъ напримѣръ, монсиньоръ Пешнаръ въ Суассонѣ, монсиньоръ Марбо въ Мо и другіе, оставались иной разъ почти совершенно одни въ своихъ городахъ, занятыхъ непріателемъ, и смѣло принимали на себя всю власть, всю инициативу и всю отвѣтственность.

Точно такъ же нѣтъ ни одного деревенскаго священника, который не исполнилъ бы своего пастырскаго долга по отношенію къ населенію, порученному его духовной опека. Извѣстно, какъ нѣмцы варварски травили ихъ, мучили, разстрѣливали при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Вы главные вдохновители сопротивления, — говорили они, и немало деревенскихъ кюре заплатили жизнью за свой патріотизмъ. Тоже самое дѣлали и монахини, которыя чуть не подъ самымъ огнемъ, подбирали раненыхъ на поляхъ битвы или исполняли въ лазаретахъ и госпиталяхъ свое святое дѣло милосердія; онѣ заставляли міръ восторгаться ихъ мужествомъ и благословлять ихъ самоотверженность.

Нѣкоторыя изъ этихъ скромныхъ женщинъ были даже названы въ приказахъ по войскамъ, какъ напримѣръ, сестра Юлія (въ міру мадамъ Ригарель), которую, по представленію префекта департамента Мерты-и-Мо, президентъ республики сверхъ того еще наградила орденомъ Почетнаго Легіона. Сама она убѣждена, что не сдѣлала ничего особеннаго, а только исполнила свой долгъ.

Однако развалины Жербевиллье, слѣды преступленій, совершенныхъ тамъ нѣмцами, и свидѣтельство раненыхъ, которыхъ сестра Юлія и ея сотоварки спасли отъ смерти, говорятъ о чистѣйшемъ героизмѣ.

Жербевиллье былъ хорошенькій городокъ, гдѣ люди жили мирно, спокойно и счастливо среди садовъ и виноградниковъ Лотарингіи. 23-го августа въ городѣ узнали о приближеніи непріателя, и въ тотъ же день отрядъ французскихъ стрѣлковъ занялъ его, чтобы дать отпоръ врагу. Утромъ 24-го обмѣнялись первыми выстрѣлами. Но борьба была условно неравная. Ясно видно было, что стрѣлки не въ силахъ остановить наступленіе врага. Мэръ города сдѣлалъ попытку спасти городъ и обратился къ офицеру, который командовалъ отрядомъ стрѣлковъ, со слѣдующими словами:

— Боюсь, что бесполезнымъ сопротивленіемъ вы только навлечете ужасныя репрессіи на моихъ согражданъ, а дѣлу все равно не поможете.

— Я получилъ приказъ продержаться здѣсь насколько возможно дольше, — просто отвѣтилъ офицеръ. — И я буду держаться.

Но къ восьми часамъ вечера положеніе стрѣлковъ оказалось отчаяннымъ. Они были почти окружены, нѣмцы заняли большую часть города. Теперь офицеръ охотно ушелъ бы съ остатками своего отряда, но ему не хотѣлось бросать раненыхъ на произволъ судьбы.

— Я позабочусь о нихъ, — сказала сестра Юлія и велѣла перенести ихъ въ обитель «сестеръ св. Карла», какъ называется конгрегация, къ которой она принадлежитъ. Этотъ домикъ былъ одинъ изъ самыхъ простыхъ и бѣдныхъ во всей округѣ.

А стрѣлкамъ помогли бѣжать отъ нѣмцевъ черезъ кладбищенскую ограду.

Къ ночи нѣмцы заняли весь Жербевиллье, но, боясь какого-нибудь неожиданнаго нападенія, они расположились снаружи, оставивъ нѣсколько часовыхъ у въѣзда въ городокъ.

И вотъ случилось, что одинъ изъ этихъ часовыхъ былъ убитъ четырьмя стрѣлками, которые не послѣдовали за своими товарищами, а спрятались въ одномъ изъ домовъ.

Когда утромъ 25-го августа нѣмецкій генералъ узналъ объ убійствѣ

часового, онъ пришелъ въ страшный гнѣвъ.

— Я отдаю городъ въ ваше полное распоряженіе, — сказалъ онъ солдатамъ. — Дѣлайте съ нимъ что хотите.

И что они сдѣлали съ нимъ!..

Сначала они бросились во все дома искать, нѣтъ ли тамъ спрятавшихся стрѣлковъ. Одинъ лейтенантъ свирѣпаго вида проникъ во главѣ кучки вооружен-

— Это раненые, — властно заявила лейтенанту сестра Юлія. — Я вамъ не позволю трогать моихъ раненыхъ.

ныхъ солдатъ въ обитель сестеръ св. Карла. Въ одной рукѣ онъ держалъ револьверъ, въ другой кинжалъ. При видѣ французскихъ мундировъ онъ испустилъ крикъ дикой радости. Но сестра Юлія уже бросилась къ нему.

— Это раненые! Я вамъ не позволю трогать моихъ раненыхъ.

Ея властный тонъ до нѣкоторой степени импонировалъ этому грубому чело-
вѣку.

— Ладно, мы посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ они раненые.

И не пряча ни револьвера, ни кинжала, онъ обошелъ все койки, велѣлъ откинуть одеяла, осмотрѣлъ перевязку каждого раненаго...

А за стѣнами обители тѣмъ временемъ уже трещали выстрѣлы, взвилось зарево пожаровъ. Жербевильтѣ горѣлъ. Населеніе разстрѣливали кучками и убивали въ одиночку. Крики ужаса, стоны, отчаянные вопли оглашали воздухъ вмѣстѣ съ трескомъ пламени.

Сестра Юлія и ея четыре товарки охотнѣ всего побѣжали бы на помощь къ своимъ, но нѣмцы буквально держали ихъ въ плѣну, такъ какъ своихъ врачей у нихъ не было: ихъ врачи сбѣжали, а между тѣмъ все время приносили новыхъ и новыхъ раненыхъ. Въ этотъ день въ маленькомъ домикѣ сестеръ скучилось 258 чело-
вѣкъ раненыхъ, такъ такъ въ окрестностяхъ сраженіе продолжалось, и французская пушка «75» по-своему отомстила за разстрѣлы въ Жербевильтѣ. Порой сестра Юлія была въ большомъ затрудненіи передъ ранами, которыя требовали опытнаго хирурга.

Напримѣръ, къ ней привели нѣмца, у котораго висѣли два раздробленныхъ пальца, и ей пришлось отрѣзать ихъ простыми ножницами...

Когда сестрѣ Юліи удалось, наконецъ, вырваться, большая часть города была уже въ развалинахъ. Она поспѣшила къ нѣмецкому полковнику, который распоряжался этой варварской расправой, и путемъ мольбы добилась отъ него обѣщанія пощадить то, что еще осталось отъ города.

Затѣмъ она проскользнула, не взирая на опасность, въ горѣвшую церковь, которую уже нельзя было спасти, взяла изъ дарохранительницы дароносицу со священными облатками и отнесла ихъ бережно къ себѣ. Такъ какъ священникъ былъ уведенъ нѣмцами, то ей захотѣлось символически выразить, что религиозная жизнь еще не угасла въ Жербевильтѣ, среди развалинъ и труповъ. Поставивъ дароносицу на столъ въ столовой и преклонивъ колѣни, какъ она сдѣлала бы это передъ алтаремъ и священникомъ, она сама дала себѣ при-

частіе и помолилась за всѣхъ погибшихъ въ этотъ страшный день.

Нѣмцы вошли въ Жербевилль 24-го августа. 28-го, въ 5 ч. вечера они были вытѣснены отсюда французами послѣ упорнаго боя, происходившаго даже среди развалинъ злосчастнаго города. Впрочемъ, вплоть до вечера 13-го сентября, когда отступление нѣмцевъ стало общимъ по всей линіи, Жербевилль еще оставался включеннымъ въ сферу дѣйствій обѣихъ армій.

Въ продолженіе этихъ шестнадцати дней боя никто не заботился о продовольствіи сестеръ св. Карла. Сестра Юлія и ея товарки по ночамъ бродили среди развалинъ, отыскивали дорогу къ погребамъ и приносили отсюда немного муки и съѣстныхъ припасовъ для своихъ раненыхъ—французовъ и нѣмцевъ.

Когда по окончаніи этихъ страшныхъ дней префектъ департамента, г-нъ Мирманъ, явился поблагодарить монахинь и поздравить ихъ съ избавленіемъ отъ врага, онъ нашелъ ихъ на своемъ посту все такими же мужественными, ухаживающими за ранеными и питающими цѣлую ораву калѣкъ, осиротѣвшихъ дѣтей и бездомныхъ крестьянъ.

Онѣ жаловались лишь на то, что раненымъ приходилось лежать подъ кровлей, пробитой тремя снарядами и грозящей ежеминутно рухнуть на нихъ.

И охваченные восторгомъ передъ этими простыми героинями, особенно же передъ той, которая была вдохновительницей, совѣтчицей и лучшей опорой своихъ сотоварокъ, префектъ и сопровождавшіе его крикнули: «Да здравствуетъ сестра Юлія! Да здравствуетъ Франція!»

Послѣ этого сестру Юлію посѣтилъ еще президентъ республики, пожаловавшій ей орденъ Почетнаго Легіона, но она не носитъ его, потому что, —говоритъ она,—ей слишкомъ больно, что она не можетъ дать по такому кресту и всѣмъ своимъ раненымъ.

Однажды, въ концѣ декабря эскадронъ егерей проѣзжалъ черезъ Жербевилль. Передъ домомъ сестеръ св. Карла они остановились, выстроились. Командовавшій отрядомъ офицеръ спросилъ, можно ли видѣть сестру Юлію? Когда она вышла, офицеръ обратился къ ней:

— Сестра! мы хотимъ попросить васъ объ одномъ одолженіи... Позвольте намъ продефилировать передъ вами... Обязательно, обязательно... это доставить намъ такое удовольствіе! Пожалуйста, встаньте вотъ здѣсь... Вы увидите!

И повернувшись къ эскадрону, онъ командовалъ:

— Смирно! На караулъ!

Потомъ онъ обратился къ солдатамъ съ такою рѣчью:

«Вы помните, друзья, какъ мы остановили здѣсь нѣмцевъ 25-го августа!.. Мы видѣли со стороны города поднимающееся къ небу зарево пожаровъ... Вы видите, что стало съ городомъ... И вотъ, въ этомъ мѣстечкѣ, среди пламени, подъ снарядами и пулями, даже послѣ ухода отряда нашихъ стрѣлковъ, которые долго держались тутъ противъ въ десять разъ сильнѣйшаго врага—въ этомъ покинутомъ городѣ одна женщина осталась на своемъ посту милосердія, ухаживая за ранеными, заботясь обо всѣхъ. Эта женщина—сестра Юлія... Вотъ она, смотрите. Президентъ республики недавно прикрѣпилъ къ ея груди крестъ храбрецовъ... Отдадимъ ей честь и продефилируемъ передъ ней церемоніальнымъ маршемъ—она позволяетъ. Молодые люди, проходя мимо нея, смотрите на нее хорошенько... Скоро вы опять будете стоять подъ выстрѣлами... Тогда вы вспомните о ней и останетесь на своемъ посту, какъ и она—для Бога и за отечество... Налѣво кругомъ... маршъ!»

Офицеръ салютовалъ саблей. И стрѣлки церемоніальнымъ маршемъ прошли мимо сестры Юліи, немного взволнованные и устремивъ на нее свѣтлые взгляды. Это были тѣ самые люневилльскіе егеря, которыхъ нѣмцы нѣкогда прозвали «синими дьяволами»...

Л о ж ь.

Какимъ праздникомъ былъ для 400 жителей деревушки Аврешы въ департаментѣ Уазы тотъ день, когда имъ сообщили о приходѣ французскаго отряда! Всѣ побѣждали навстрѣчу солдатамъ. И впереди всѣхъ шель, почти не опираясь даже на свою внучку Клотильду, дѣдъ Букри, старикъ, который имѣлъ медаль за 70-й годъ.

Но болью сжалось сердце сельчанъ, когда они увидѣли остатки линейной роты, жестоко опустошенной рядомъ упорныхъ боевъ. Блѣдные и измученные солдаты нуждались въ отдыхѣ и подкрѣпленіи. Въ Аврешы ихъ вѣдь и послали отдохнуть передъ возвращеніемъ на фронтъ! И жители деревушки наперерывъ стали предлагать свое гостепріимство; каждый хотѣлъ взять къ себѣ въ домъ нѣсколько солдатъ, чтобы кормить ихъ и окружить уходомъ. Дѣдъ Букри тоже предложилъ свой домъ и услуги своей семьи. Лейтенантъ, командующій отрядомъ, не зналъ, кого слушать. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Мои люди утомлены и изнурены. Если я ихъ распущу по домамъ, мы рискуемъ, въ случаѣ неожиданнаго нападенія, быть застигнутыми врасплохъ. Насъ перерѣжутъ всѣхъ по одиночкѣ, раньше чѣмъ мы успѣемъ собраться. Нѣтъ ли у васъ тутъ какого-нибудь большого зданія, гдѣ мы могли бы помѣститься всѣ вмѣстѣ?

— На околицѣ,—заявилъ дѣдъ Букри,—есть ферма съ огромнымъ дворомъ, окруженнымъ большими сараями и ригами.

— Настоящія казармы, господинъ лейтенантъ.

— Это дѣло! Казарменный отдыхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней—это какъ разъ то, что намъ нужно, а потомъ мы опять можемъ вернуться на фронтъ, чтобы умереть за Францію.

— Да здравствуетъ Франція!—воскликнулъ старикъ и такъ пылко замахалъ палкой, что упалъ бы, не поддержи его внучка Клотильда.

Клотильда была любимица, другъ и повѣренный дѣда Букри. Онъ души не

чаялъ въ этой шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ—не только потому, что она была его кровная внучка, но и потому, что она раздѣляла его патриотическій энтузіазмъ.

Каждый день, опираясь на Клотильду, ходилъ теперь дѣдъ Букри навѣщать своихъ друзей-солдатъ и носилъ имъ фрукты изъ своего сада и овощи изъ своего огорода. Солдаты всегда встрѣчали старика и дѣвочку радостными возгласами:

— Здравствуйте, дѣдушка Букри... Здравствуйте, мадемуазель Клотильда... Что, дѣдушка, какъ себя чувствуете сегодня?... Все ноги... Да, въ 70-мъ году онѣ, небось, служили вамъ лучше, правда?

Дѣдъ Букри рассказывалъ эпизоды изъ той войны, Клотильда чистила овощи вмѣстѣ съ деревенскими женщинами.

— Въ окрестностяхъ видѣли улановъ. Надо бы поскорѣе вернуться въ армию...

— Уланы! При этомъ ненавистномъ словѣ Клотильда содрогалась, несмотря на все свое мужество.

— Ладно, пусть ихъ приходятъ,—бурчалъ дѣдъ Букри.—У меня для нихъ есть ружье и крупная дробь!

— Нѣтъ, этого не надо дѣлать,—замѣтилъ лейтенантъ.—Васъ только убьютъ тогда вмѣстѣ съ вашей семьей. Если они придутъ, пошлите ихъ лучше сюда къ намъ, на ферму, за овсомъ для лошадей. Объ остальномъ мы ужъ позаботимся...

Однажды дѣдъ Букри не могъ пойти на ферму по обыкновенію: ужъ очень его одолѣлъ злой ревматизмъ. Онъ жалѣлъ объ этомъ тѣмъ болѣе, что на слѣдующій день солдаты предполагали покинуть деревню.

— Такъ я пойду одна, дѣдушка,—сказала Клотильда.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не позволю тебѣ итти одной...

— Что ты дѣдушка? Вѣдь мнѣ уже шестнадцать лѣтъ!

— Еще не шестнадцать.

— Но на видъ почти шестнадцать.

— Да не въ томъ дѣло. Вѣдь, говорить, уланы...

Клотильда разразилась звонким смѣхомъ и, не слушая его больше, убѣжала со своей корзинкой, въ которой лежали фрукты и овощи для солдатъ.

Но она ушла недалеко. Къ своему удивленію она замѣтила, что улица пуста, что вездѣ поспѣшно закрываютъ двери и ставни, и остановилась, обезпеченная. Но бѣжать назадъ уже было поздно. Въ концѣ улицы показался отрядъ уланы—человѣкъ пятнадцать всадниковъ, вооруженныхъ пиками и револьверами, съ видомъ жестокимъ и недовѣрчивымъ.

— Что сдѣлалъ бы дѣдушка, будь онъ со мной? — подумала Клотильда.

И ей показалось, что она ясно слышитъ, какъ дѣдъ Букри бурчитъ себѣ подъ носъ:

— Идемъ дальше, будто ничего нѣтъ, чтобы показать этимъ подлымъ нѣмцамъ, что мы ихъ не боимся.

И Клотильда пошла дальше.

Она такая маленькая и тоненькая; можетъ быть, они не замѣтятъ ее, пробирающуюся вдоль стѣнъ наглухо запертыхъ домовъ.

Но нѣтъ. Вотъ лошади замедлили ходъ. Уланы соскочили съ коней. Въ одинъ мигъ окружили дѣвочку, которая увидѣла грозно обращенныя на нее острия пикъ и дула револьверовъ.

Одинъ, видимо, начальникъ грубо обратился къ ней:

— Ты намъ скажешь правду, слышишь—а то берегись!

— Хорошо.

— Есть тутъ французскіе солдаты?

А другой прибавилъ, еще болѣе свирѣпымъ тономъ

— Если ты не скажешь правду... тебѣ крышка!

Клотильда вспомнила дѣдушку и проговорила, хотя и съ легкой дрожью:

— Я не боюсь!

— Такъ отвѣчай.

— Мы не видѣли здѣсь никакихъ французскихъ солдатъ.

— Ни одного? Ты навѣрное знаешь?

— Ни одного.

— Если ты насъ обманула, мы всегда сумѣемъ тебя найти!

Они уже отошли, когда командиръ отряда опять обратился къ ней:

— Гдѣ тутъ найти конюшни, чтобы лошади могли отдохнуть?

— На фермѣ, что на околицѣ. Войдите во дворъ, тамъ увидите...

Они вскочили въ сѣдла и поскакали къ фермѣ.

За спиной Клотильды осторожно пріоткрылся ставень:

— Бѣги! Бѣги же! Если они вернутся, они тебя убьютъ.

Дѣвочка пожала плечами.

— Они не вернутся. Лейтенантъ сказалъ, что если нѣмцы войдутъ во дворъ, то они ужъ позаботятся объ остальномъ...

Вдали раздались выстрѣлы.

Они трепали нѣсколько минутъ. Потомъ все стихло.

Жители осмѣлѣли и вышли на пороги своихъ домовъ.

— Какъ вы думаете, дѣдушка будетъ доволенъ мной?.. — спрашивала Клотильда.

— Поди, разскажи ему, что случилось.

— Я не могу. Мнѣ надо сначала отнести корзинку...

Во дворѣ фермы плѣнные уланы увидѣли, какъ мимо нихъ прошла спокойная и улыбающаяся, та самая дѣвочка, которая солгала имъ, рискуя жизнью.

— Надѣюсь, вы не сдѣлаете имъ зла,— просто сказала она солдатамъ.

П а л а ч ѣ .

Эмиль Дебре умеръ за родину, и передъ смертью отомстил за несправедливости и обиды, которыя его соотечественники терпѣли отъ грубаго и жестокаго врага.

Ему было всего четырнадцать лѣтъ. У него не было времени, чтобы научиться многому изъ книгъ. Въ каменноугольномъ районѣ, гдѣ онъ родился, дѣтей рано отдають въ суровую школу

трудоу и полной случайностей жизни, которая протекает между безрадостной лачугой и рудникомъ, гдѣ караулить ядовитый газъ. Въ деревушкѣ Луршъ со скромными домиками, кирпичъ которыхъ почернѣлъ отъ угольной пыли, Эмиль Дебре жилъ, какъ всѣ мальчики его возраста, работающіе въ шахтахъ, когда нѣмецкое вторженіе остановило всѣ работы и перевернуло вверхъ дномъ всю налаженную жизнь.

Въ окрестностяхъ произошелъ бой. Нѣкоторые жители приняли къ себѣ раненыхъ.

«Неужели они убьютъ меня за то, что я приняла въ домъ раненаго сержанта съ пробитымъ дулей лбомъ и ногой раздробленной осколкомъ снаряда?»

Этотъ вопросъ задавала себѣ одна добрая женщина въ Луршѣ, когда со страхомъ открывала дверь своего скромнаго жилища шайкѣ шумныхъ нѣмецкихъ солдатъ. Они уже успѣли выпить въ другихъ домахъ можжевельной водки, и огненная жидкость, обжегшая имъ горло, затуманила имъ головы.

Они хотѣли еще выпить. У жены рудоконя всегда есть въ запасѣ такая водка, чтобы подкрѣпить тѣхъ, кому предстоитъ спуститься во мракъ и сырость подземныхъ галлерей, или тѣхъ, которые возвращаются оттуда.

Но привыкшіе къ пиву, нѣмцы не переносятъ крѣпкой можжевельной водки. Изъ темнаго угла, куда онъ спрятался, чтобы его не замѣтили и чтобы не подвергать опасности свою сердобольную хозайку, раненый сержантъ видѣлъ, какъ пьянѣла пирующая шайка. Съ каждой минутой ихъ движенія становились все болѣе неувѣренными и въ то же время болѣе буйными.

Одинъ лейтенантъ, который уже не могъ стоять, не пошатываясь, то становился слишкомъ любезнымъ съ хозяйкой, то дѣлался грубымъ. Въ концѣ концовъ, когда бутылка съ водкой опустѣла, а другой не оказалось, онъ вышелъ изъ себя. Произошла свалка, слышалась брань, проклятiя; лейтенантъ бросился на обезумѣвшую отъ страха женщину. Вдругъ съ темномъ углу блеснулъ огонекъ—и пьяница грузно рухнулъ на полъ.

Нѣмцы остолбенѣли. Потомъ ринулись въ уголь. Но другого выстрѣла не послѣдовало: револьверъ уже выскользнулъ изъ ослабѣвшей руки сержанта.

— Убейте его на мѣстѣ!... Нѣтъ, вышвырните его на улицу. Надо застрѣлить его, какъ собаку... какъ бѣшеную собаку, вмѣстѣ съ другими...

Съ помощью пинковъ и прикладовъ въ самомъ дѣлѣ «вышвырнули» изъ комнаты сержанта, который не издалъ ни звука, ни стона, такъ какъ слишкомъ страдалъ, для того чтобы ощущать новую боль. Въ эту минуту по улицѣ какъ разъ проходилъ нѣмецкій капитанъ во главѣ нѣсколькихъ солдатъ, которые вели человѣкъ пятнадцать арестованныхъ рудокоповъ. Отрядъ оставался.

— Кто это? — спросилъ капитанъ, окровавленный, съ безумными глазами, трясаясь въ лихорадочномъ ознобѣ.

Ему объяснили, что произошло. Капитанъ тотчасъ пришелъ въ ярость:

— И вы не зарубили его на мѣстѣ?

Солдаты, боясь выговора, отвѣтили:

— Мы думали, что вамъ будетъ прiятнѣе, чтобы его разстрѣляли при васъ.

— Да, разстрѣлять!.. Разстрѣлять сейчасъ... Всѣхъ... Группами, чтобы продолжалось дольше... Все это шпионы... Убийцы..!

Капитанъ тоже вышелъ можжевельной водки. Онъ рычалъ отдавая приказы. Изъ пятнадцати рудокоповъ, которые стояли пассивные, покорные, почти равнодушные, настолько они уже отрѣшились отъ міра сего, унтеръ-офицеръ выбралъ двухъ, которыхъ толкнулъ къ стѣнѣ. По командѣ капитана на нихъ направили ружья, и несчастные упали мертвые. Черезъ минуту у стѣны лежали уже четыре недвижныя тѣла, потомъ шесть. Потомъ изъ нихъ образовалась уже цѣлая гора. По двое падали они на томъ же мѣстѣ, съ тѣмъ же порывомъ впередъ, втянувъ голову въ плечи, вытянувъ шею, точно бросались отчаяннымъ прыжкомъ въ объятiя освободительницы-смерти.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ мальчикъ, которому суждено было стать героемъ, и смотрѣлъ на эту сцену расширенными отъ ужаса глазами. Любо-

пытство привлекло его сюда, когда раздались первые выстрѣлы, а теперь онъ уже не могъ уйти...

— Воды! Пить!

Это кричалъ скорчившійся, трясущійся въ ознобѣ сержантъ.

— Воды! — повторялъ онъ какъ въ бреду. Вѣроятно, онъ и самъ не знаетъ, что говорилъ.

Но Эмиль Дебре услышалъ и побѣжалъ въ домъ.

— Скорѣ воды, для сержанта!

Для ея спасителя! Добрая женщина поспѣшно налила воды въ стаканъ, но у нея руки дрожали, такъ какъ выстрѣлы за стѣной не прекращались... Она плакала, причитала:

— Мальчикъ, берегись, они и тебя не пощаждать!

Но мальчикъ былъ уже на улицѣ, уже наклонился надъ сержантомъ, который пилъ жадными глотками, не имѣя даже силъ поблагодарить.

Капитанъ, по приказу котораго разстрѣляли уже пятую пару, обернулся. Страшное проклятіе вырвалось у него. Безстрашный ребенокъ, склонившійся надъ раненымъ и поившій его водой — въ глазахъ опьянѣвшаго отъ водки и крови убійцы это нестерпимое зрѣлище, ненавистный призывъ къ человѣческимъ чувствамъ, личный и прямой упрекъ проснувшемуся въ немъ звѣрю.

Двумя прыжками онъ очутился около мальчика, ударилъ его саблей плашмя, повалилъ, покатилъ по землѣ пинками.

— Гадина!.. Разстрѣлять!.. Разстрѣлять... Ты тоже будешь разстрѣлянъ.

Подбѣжавшіе солдаты ударами прикладовъ отбросили мальчика назадъ къ сержанту. Ихъ двоихъ оставили напоследокъ. Они умрутъ вмѣстѣ. Впрочемъ, ждать не долго. Скосили троихъ послѣднихъ. Очередь за ними.

— Завяжите мальчику глаза! — приказалъ капитанъ.

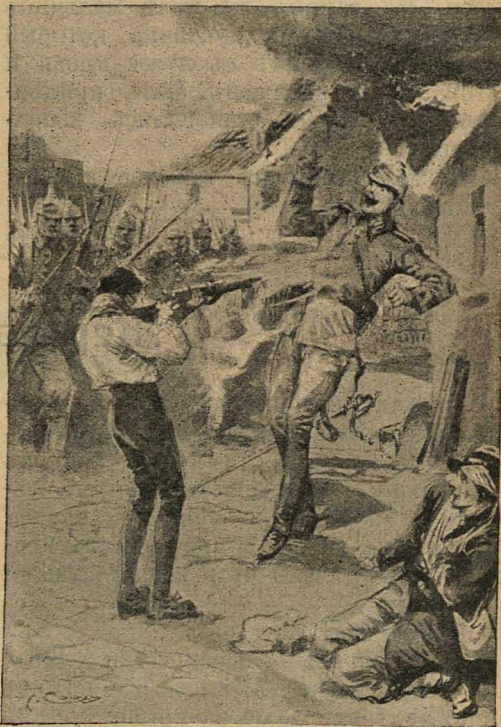
Эмиль Дебре во мракѣ. Его толкаютъ впередъ, онъ спотыкается о трупы, потомъ чувствуетъ за собой стѣну, холодную, какъ надгробная плита.

— На колѣни! — рявкаетъ хриплый голосъ его палача. Онъ послушно становится на колѣни. Ему кажется, что на колѣняхъ хорошо умереть...

Лязгъ ружей, которыя заряжаютъ... потомъ безконечныя секунды... Какъ это долго!..

Но голосъ капитана раздался снова. Чьи-то руки прикоснулись къ мальчику, на этотъ разъ безъ грубости. Повязка упала съ глазъ. Онъ опять увидѣлъ небо, родной пейзажъ, жизнь... Онъ остался живъ.

Въ какомъ-то безсознательномъ экстазѣ слушалъ онъ нѣмецкаго офицера,

Эмиль внезапно повернулся на мѣстѣ, выстрѣлъ грянулъ — и капитанъ упалъ на землю.

рука котораго отечески лежала на его плечѣ, голосъ котораго становился добродушнымъ.

— Ты слишкомъ молодъ, мальчикъ. Я тебя прощаю. Ты можешь опять вернуться къ своимъ родителямъ, и, право, можешь сказать имъ, что вернулся чуть не съ того свѣта.. Но ты все-таки провинился тѣмъ, что помогалъ осужденному и долженъ загладить свою вину, если хочешь, чтобы я тебя отпустилъ... Тебѣ это будетъ не трудно. Ты самъ убьешь того, кому помогалъ, толь-

ко и всего. Тебѣ дадутъ ружье, ты выстрѣлишь въ сержанта, а потомъ можешь идти играть съ товарищами. Понялъ, да? Согласенъ? Конечно. Отлично. Дайте ему ружье. А вы, отойдите. Мальчикъ, навѣрное, не очень хорошій стрѣлокъ и ему придется, можетъ быть, стрѣлять раза два!

Эмиль Дебре ничего не отвѣтилъ. Но изъ того, что онъ наклонилъ голову, его палачъ заключилъ, что онъ согласился. На самомъ же дѣлѣ мальчикъ только смотрѣлъ на мученика, который скорчился на землѣ въ лужѣ крови и котораго онъ долженъ былъ прикончить. Его глаза становились неподвижными.

Ему дали въ руки тяжелое ружье, и объяснили:

— Прижми его вотъ такъ къ плечу, потомъ нажмешь вотъ эту собачку...

Въ позѣ стрѣлка, которую мальчикъ старался сохранить точъ въ точъ такую, какъ ему указалъ ее нѣмецъ, Эмиль сдѣлалъ шагъ къ сержанту. Дуло ружья едва не касалось груди послѣдняго!

Позади мальчика капитанъ громко хохоталъ:

— Очень хорошо!.. Такъ ты навѣрное попадешь въ него!.. Ну-съ!.. Пли!..

Но Эмиль Дебре внезапно повернулся на мѣстѣ, не опуская ружья. Выстрѣлъ грянулъ. Капитанъ упалъ убитый на-поваль, въ упоръ.

Палачъ былъ наказанъ.

Бѣдный мальчикъ! Солдаты мигомъ проткнули его штыками и искромсали всего съ дикимъ бѣшенствомъ.

Жертва войны.

Парижане, которые несмотря на приближеніе врага остались въ Парижѣ въ сентябрѣ 1914 г., въ концѣ концовъ привыкли къ ежедневнымъ налетамъ нѣмецкихъ *таубе*. Появленіе этой вражеской птицы на небѣ предвидѣли, поджидали, встрѣчали чуть не радостными криками:

— Вотъ она! Вотъ она!....

Люди бѣжали на перекрестки улицъ, чтобы лучше видѣть, высовывались изъ оконъ, влѣзали даже на крыши.

Парижъ смѣлый, веселый и насмѣшливый, приветствовалъ грозную «голубку» смѣхомъ и шутками. Ни за что на свѣтѣ парижскій зѣвака не согласился бы пропустить пролетѣть нѣмецкаго аэроплана. И эта бравада, въ которой заключалась значительная доза уличнаго любопытства—грѣшка всѣхъ парижанъ — нашла, повидимому, свое полное выраженіе въ восклицаніи «гавроша», который стоялъ, задравъ носъ кверху и засунувъ руки въ карманы, и не безъ нетерпѣнія слѣдилъ за эволюціями птицы:

— Да что жъ ты!.. Бросай же, наконецъ, свою бомбу, а то мнѣ пора обѣдать!

Нѣмецкій офицеръ, сидѣвшій на «голубкѣ» и бороздившій парижское небо, сѣялъ по своей прихоти смерть въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ. Это дѣлалось безмысленно, безцѣльно, только изъ удовольствія убивать, потому что нельзя было серьезно думать, что Парижъ испугается такихъ пустяковъ...

Однажды, впрочемъ, 27 сентября, «голубка», повидимому, выбрала опредѣленную мишень. Сбросивъ бомбу надъ загономъ для быковъ въ Булонскомъ лѣсу, она нацѣлилась въ складъ военнаго провіантскаго управленія. Но бомба упала немного въ сторону, на углу Трокадеро и улицы Фрейсинъ.

Это было въ воскресенье. Въ этомъ кварталѣ парижскія улицы особенно тихи по воскресеньямъ. Въ это время по улицѣ Фрейсине проѣзжалъ только одинъ автомобиль, да дѣвочка играла на тротуарѣ. Автомобиль былъ разбитъ вдребезги, старый нотаріусъ, который, сидя въ немъ, читалъ газету, былъ убитъ на повалъ. Дѣвочка упала, окровавленная.

Первымъ подбѣжавшимъ къ ней людямъ она сказала:

— У меня нога въ крови... Мнѣ больно. Я думаю, что это серьезно... Только мамѣ не говорите, что это серьезно.

Потомъ она назвала себя:

— Денизь Картъе, дочь привратника военного провіантскаго управленія.

Ее поспѣшили отнести въ больницу. Ее положеніе было, дѣйствительно, серьезно: ногу, изрѣшенную осколками, пришлось ампутировать.

Хотя врачи и знали мужество дѣвочки, все-таки боялись ей сообщить послѣ операціи, что она калѣка. Мать должна была взять на себя эту тяжелую обязанность. И мать была огорчена больше дочери.

— Ну, что же, мама, я, значить, отдала свою ногу Франціи!—отвѣтила больная.

Лежа во время выздоровленія на больничной койкѣ, она вязала шарфы для

солдатъ и старалась развеселить мать, *придать ей мужества.*

— Увѣрю тебя, мнѣ веселѣе вязать, чѣмъ прыгать черезъ веревочку... И будущимъ лѣтомъ, когда я буду проводить каникулы у тети въ Крейлѣ, тебѣ не придется больше бояться, что я упаду, бѣгая по саду, и сломаю себѣ ногу... Я буду теперь сидѣть смирно, какъ пайныка, такъ что не надо будетъ беспокоиться.

Эта кроткая жертва нѣмецкаго варварства вполне заслужила, конечно, своимъ несчастіемъ то сердечное сочувствіе, которое ей выразилъ весь Парижъ. Но своимъ мужествомъ она заслужила также, чтобы мы съ уваженіемъ поклонились ей, какъ кланяемся нашимъ раненымъ, привезеннымъ съ поля сраженія.

Деревянное ружье.

Герой? Нѣтъ, конечно. Но все-таки...

Семь лѣтъ,—это, говорятъ, уже возрастъ разума. Во всякомъ случаѣ возрастъ, когда сильныя впечатлѣнія глубоко волнуютъ, когда суть вещей воспринимается въ загадочно-простомъ, но тѣмъ болѣе ясномъ видѣ.

Семилѣтній ребенокъ замѣчаетъ и понимаетъ тревогу своихъ близкихъ. А если такъ, то требуется ли ему особенно много разума, чтобы раздѣлять ихъ ненависть, ихъ злобу на вторгшагося врага?

— Ахъ, мама, если бы я уже былъ большой!..

Онъ уже достаточно «большой» для такихъ душевныхъ движеній, которыя на мгновеніе поднимаютъ ребенка до уровня взрослого мужчины.

Мать судорожно прижимаетъ его къ груди. И хотя бы ей пришлось погибнуть изъ-за того, что у нея нѣтъ настоящаго защитника, она все же рада, что по своимъ годамъ сынъ не подлежитъ призыву и не подвергнется опасности, о которой мечтаетъ пробудившаяся молодая удалъ.

Офицеръ подошелъ и усмѣхнулся. Ребенокъ былъ убитъ.

Какой мальчикъ не былъ въ семь лѣтъ солдатомъ въ пылкомъ батальонѣ, не знающемъ страха? Верхомъ на деревянной лошади, вооруженный деревяннымъ ружьемъ и свинцовымъ пистолетомъ, съ бумажной каской на головѣ, который изъ нихъ не переживалъ самаго настоящаго опьянѣнія битвы, не хуже любого взрослого на полѣ брани.

И въ лотарингской деревушкѣ Маньи, что расположена въ двухъ шагахъ отъ многострадаальной границы, надъ которой возвышается левъ Бельфора, въ тихой деревушкѣ, улицы которой, какъ только кончаются классы, находятся всецѣло въ распоряженіи ребятишекъ, дѣти часто играли въ войну, особенно съ тѣхъ поръ, какъ кругомъ нихъ всѣ заговорили о настоящей войнѣ.

— У меня, — сказалъ разъ одинъ изъ мальчиковъ въ пылу жаркой «битвы», — у меня, если пруссаки придутъ сюда, есть ружье.

Дѣти засмѣялись, хотя имъ самимъ только семь, восемь, десять лѣтъ, хотя они сами малыши, они все-таки понимаютъ, что нѣмцы не испугаются деревяннаго ружья, изъ котораго можно стрѣлять только пистонами, купленными въ

мелочной лавочкѣ тайкомъ отъ сельскаго стражника...

Но мальчикъ съ деревяннымъ ружьемъ не смѣется; онъ слѣдитъ въ самомъ себѣ за дивнымъ полетомъ зародившейся въ немъ мысли, точно смотритъ на летящую въ свѣтлую высь бабочку...

Нѣмцы пришли. Тѣсными рядами, густыми массами, съ ритмичнымъ топотомъ ногъ и лязгомъ оружія, идутъ они по улицѣ, на которой маленькіе солдатики не разъ вызывали ихъ на бой. Но что это они видятъ вдругъ?.... Съ порога крестьянскаго дома на нихъ наведено ружье — деревянное ружье, ружье-игрушка въ рукахъ семилѣтняго мальчика. Ребяческій, наивный жестъ, способный вызвать только улыбку.

— Ахъ, ты мерзкій мальчишка! Ты бы стрѣлялъ въ насъ, если бы умѣлъ.

Одного краткаго приказа со стороны офицера достаточно. Ружья, настоящіе ружья, приставляются къ плечу. Гремятъ выстрѣлы. Офицеръ подходитъ, смотритъ и усмѣхается. Игрушечная война кончилась. Ребенокъ убитъ.

Герой?... Нѣтъ. Только зачатокъ героя. Но изъ тѣхъ зачатковъ, которые даютъ высокіе, пышные всходы.

Дѣти славы.

Когда проходитъ полкъ, мальчики маршируютъ рядомъ. Такъ всегда бывало. Нынѣшняя война неминуемо должна была обнаружить цѣлый легіонъ молодыхъ храбрецовъ, жаждающихъ дѣла и славы. Перечислить ихъ всѣхъ невозможно. Мы назовемъ изъ нихъ нѣсколько, начавъ съ младшихъ.

Андрэ Гэдэ было двѣнадцать лѣтъ, когда онъ ушелъ съ полкомъ, проходившимъ черезъ Нейльб-ан-Телль.

Подпоручикъ Гривле, тронутый милосердіемъ и отвагой мальчика, оставилъ его при себѣ. Они не разставались съ тѣхъ поръ даже въ линіи огня, подъ снарядами.

Андрэ Гэдэ прославился своей воинской вѣрностью, но Поль Вателэнъ сражался.

Онъ пробрался незамѣченный въ полѣздъ, проходившій черезъ Крейль, и два дня спустя былъ уже въ Бельгіи съ однимъ кирасирскимъ полкомъ. Подъ Намюромъ бились. Онъ подобралъ винтовку и патронташъ одного раненаго и стрѣлялъ съ такимъ увлеченіемъ, что полковникъ послѣ битвы велѣлъ дать ему форменную одежду и лошадей.

Марсель Вернье изъ Монбельяра сражался въ Вогезахъ, потомъ на сѣверѣ съ 3-имъ артиллерійскимъ полкомъ и былъ раненъ осколкомъ снаряда при Ла-Бас-сэ, когда снабжалъ провіантомъ свою батарею во время битвы.

За храброе поведеніе его произвели въ унтеръ-офицеры и представили къ военной медали. Въ возрастѣ тринадца-

ти лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ отъ роду онъ былъ унтеръ-офицеромъ!

Анри Деромбье изъ Сентъ-Никола-лезъ-Аррасъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ старше его, когда принялъ свое боевое крещеніе въ полевомъ госпиталѣ, обстрѣливаемомъ снарядами. Онъ былъ раненъ на своемъ посту, какъ храбрецъ.

Луи Арбо, четырнадцать лѣтъ, тоже отличился, главнымъ образомъ, тѣмъ, что помогалъ раненымъ на поляхъ сраженія, когда послѣдовалъ за 3-мъ пѣхотнымъ полкомъ.

Фернанъ Коланъ,—въ четырнадцать лѣтъ, солдатъ территоріальной милиціи. Онъ носитъ форму 92-го территоріального полка, офицеры котораго выбрали его въ Рамбервиллье—въ полномъ отчаяніи, голоднаго, потерявшего мать во время рѣзни и пожара, которые нѣмцы устроили въ Бадонвиллье.

Альбертъ Шюффренкъ, въ четырнадцать лѣтъ,—гусарь. Про него рассказываютъ слѣдующій подвигъ: посланный со своимъ взводомъ на развѣдку, онъ привелъ четырехъ лошадей, которыхъ совершенно самостоятельно отнял у нѣмцевъ.

Шотэну, юношѣ пятнадцати лѣтъ, еще болѣе посчастливилось; онъ былъ названъ въ приказѣ по войскамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Шотэна, тайкомъ прибывшаго въ полкъ вмѣстѣ съ отрядомъ подкрѣпленія, пришлось зачислить въ полкъ (92 пѣхотный), несмотря на его молодой возрастъ. Онъ былъ раненъ пулей въ плечо мѣсяцъ тому назадъ, а на-дняхъ взялъ въ плѣнъ двухъ германцевъ во время сраженій 14-го и 15-го ноября. Все время проявлялъ величайшую энергію и отвагу».

Эмилю Бигарре, родомъ изъ Бламона, пятнадцать съ половиною лѣтъ. Разлученный со своей семьей, которая бѣжала въ первые дни вторженія непріятеля, онъ былъ принятъ въ 7-ой стрѣлковый полкъ и въ продолженіе мѣсяца сражался въ окопахъ. Раненый въ первый разъ, онъ отказался покинуть свой постъ. Раненый вторично, онъ толь-

ко послѣ формального приказа далъ себя перевязать.

А вотъ уже почти мужчины—юноши шестнадцати лѣтъ! Первый, впрочемъ, еще школьникъ, и о его подвигѣ сообщать «Бюллетень министерства народнаго просвѣщенія». Онъ подобралъ подъ орудіяымъ огнемъ раненаго товарища, не обращая вниманія ни на собственную рану, ни на опасность, которой подвергался.

Жозефу Ланзоннъ удалось поступить въ пѣхотный полкъ. Онъ не сказалъ, конечно, что ему только шестнадцать лѣтъ. Цѣлый мѣсяцъ онъ усердно сражался: При Монфоконѣ онъ отличился тѣмъ, что вырвалъ изъ рукъ врага и пронесъ больше километра подъ градомъ пуль раненаго унтеръ-офицера. За этотъ подвигъ онъ былъ произведенъ въ ефрейторы. Его уже хотѣли сдѣлать сержантомъ, когда родители, къ его великому огорченію, добились, чтобы его отослали домой.

Андрэ Ланжъ изъ Нанси дебютировалъ тѣмъ, что поразилъ всѣхъ хладнокровіемъ и презрѣніемъ къ опасности, которая проявилъ во время бомбардировки своего родного города. Кромѣ того онъ любилъ сопровождать проходившіе полки, и такимъ образомъ не разъ доходилъ до поля сраженія, гдѣ велъ себя, какъ старый солдатъ. Во время кровопролитной битвы при Тиокурѣ онъ даже совершилъ кое-что славное. Онъ нашелъ брошенную тачку и началъ перевозить изъ линіи огня до ближайшаго перевязочнаго пункта всѣхъ раненыхъ, которыхъ могъ подобрать. Такимъ образомъ онъ спасъ—подъ огнемъ—человѣкъ двадцать нижнихъ чиновъ и одного офицера, пока, наконецъ, не былъ раненъ въ свою очередь.

Жоржъ Петіо, шестнадцати лѣтъ, послѣдовалъ за своимъ старшимъ братомъ, который былъ призванъ въ 98-ой линейный полкъ, и такъ храбро сражался рядомъ съ нимъ, что его называли въ приказѣ по войскамъ.

Чтобы закончить этотъ нашъ переченьъ къ сожалѣнію такой неполный и краткій, мы скажемъ нѣсколько словъ о Меркадье, который шестнадцати съ

половиной лѣтъ отъ роду былъ награжденъ военной медалью и которому толпа устроила оваціи во время трогательной манифестаціи въ Шампани въ декабрѣ 1914 г. Исторія Меркадье похожа на исторію большинства его молодыхъ соратниковъ. Но обстоятельства особенно благоприятствовали ему. Онъ послѣдовалъ за 59-мъ пѣхотнымъ полкомъ, когда тотъ проходилъ черезъ Адамвилль, потомъ поступилъ во 2-ой артиллерійскій полкъ. Разъ ночью, когда онъ стоялъ на часахъ, онъ настигъ

нѣмца, который хотѣлъ украсть лошадь одного унтеръ-офицера, безъ колебанія вступилъ съ нимъ въ схватку и убилъ его въ концѣ концовъ. За это онъ былъ названъ въ приказѣ по войскамъ и представленъ къ медали. Сорокъ семь дней оставался онъ въ линіи огня, непрерывно участвуя во всѣхъ происходившихъ бояхъ.

Страна, въ которой дѣти не отстаютъ отъ взрослыхъ на пути славы, можетъ не бояться за свою будущность.

Учительницы-героини.

На поляхъ битвы и въ лазаретахъ мы видѣли сестеръ милосердія и монахинь, работавшихъ съ истиннымъ самоотверженіемъ, и восхваляли ихъ героизмъ. Но и народныя учительницы въ этомъ отношеніи не отставали отъ нихъ.

Когда французскіе солдаты вошли однажды вечеромъ послѣ труднаго боя въ Минорвилль (въ Лотарингіи), они нашли тамъ школу, превращенную въ лазаретъ: пятнадцать или двадцать коекъ, съ матрацами, одѣялами и простынями, были приготовлены для раненыхъ. Учительница, г-жа Патюрланъ съ нѣсколькими деревенскими дѣвушками взяли на себя роль сестеръ милосердія и окружили раненыхъ такимъ уходомъ, какого тѣ не нашли бы въ полевомъ лазаретѣ, и благодаря этому многіе изъ нихъ были спасены.

Но непріятель подходилъ. Снаряды начали осыпаться деревню. Перепуганные жители бѣжали. Только г-жа Патюрланъ и ея бывшія ученицы, которыхъ она воспитала по своему подобію, остались у постелей своихъ раненыхъ, которыхъ нельзя было немедленно эвакуировать, не обрекая ихъ на вѣрную смерть...

Такое же презрѣніе къ опасности и такую же самоотверженную заботу о раненыхъ, довѣренныхъ ихъ попеченію, проявили и другія учительницы. Мы расскажемъ еще о трехъ, имена которыхъ слѣдуетъ запомнить.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій женская гимназія въ Реймсѣ была превращена въ госпиталь, завѣдываніе которымъ взяла на себя начальница городской материнской школы¹⁾, госпожа Фуріо, которая до тѣхъ поръ была извѣстна главнымъ образомъ лишь какъ горячая пропагандистка кооперативнаго объединенія учительницъ. Но всѣ знали ея организаторскія способности, знали ея энергію и самоотверженность во всякой работѣ, за которую она бралась, и она дѣйствительно не обманула оказаннаго довѣрія.

Она тотчасъ же поручила хозяйственную часть своей коллегѣ, г-жѣ Коварро, а письменную часть г-жѣ Лантье, тоже мѣстной учительницѣ, и вотъ онѣ всѣ трое—за дѣломъ, принимая раненыхъ, какихъ имъ доставляли, и заботливо ухаживая за ними. Но къ 1-му сентября непріятель подошелъ такъ близко въ Реймсу, что, скрѣпя сердце, пришлось рѣшиться эвакуировать раненыхъ, хотя многіе изъ нихъ жестоко страдали.

Г-жа Фуріо сама сопровождала ихъ до Эпернэ, гдѣ покинула ихъ, только убѣдившись, что они хорошо устроены въ санитарномъ поѣздѣ.

— А что вы теперь будете дѣлать?—спрашивали ее.

¹⁾ Эта особая школа для маленькихъ дѣтей отъ 2 до 6 лѣтъ, нѣчто среднее между яслями и настоящими школами.

— Вернусь въ Реймсъ.

— Но, можетъ быть, нѣмцы уже тамъ!

— Я не уѣхала бы изъ Реймса, если бы не имѣла твердаго намѣренія вернуться туда. Нѣмцы должны будутъ силой удалить меня изъ моего госпиталя, если они захотятъ, чтобы я покинула его.

— Но вѣдь больше нѣтъ поѣздовъ въ Реймсъ, вообще нѣтъ никакихъ средствъ сообщенія.

— Я пойду пѣшкомъ.

— Завтра?

— Нѣтъ, сейчасъ.

— Двадцать пять километровъ, изъ которыхъ десять лѣсомъ.... ночью... въ ваши годы... (г-жѣ Фуріо пятьдесятъ семь лѣтъ) по дорогѣ, загроможденной передвигающимися войсками, обозами... гдѣ вы рискуете на каждомъ шагѣ, что васъ примутъ за шпиона!

Она отвѣтила яснымъ смѣхомъ и отпавилась въ путь.

Въ Реймсъ она пришла въ три часа утра, какъ разъ во время, чтобы открыть свой опустѣвшій лазаретъ для частныхъ лицъ, раненыхъ снарядами, которыми нѣмцы начали осыпать городъ.

Въ послѣдующіе дни пришлось предоставить большую часть мѣста раненымъ нѣмцамъ, такъ какъ германцы, вошедшіе въ городъ въ большомъ числѣ, фактически завладѣли госпиталемъ г-жи Фуріо. Съ непріятельскими ранеными обходились такъ хорошо и гуманно, что когда 12-го сентября германцы въ свою очередь вынуждены были покинуть Реймсъ подъ напоромъ вновь перешедшихъ въ наступленіе французовъ, не-

пріятельскій майоръ счелъ своей обязанностью лично явиться къ г-жѣ Фуріо и поблагодарить ее. Она гордо отвѣтила:

— Мы исполняли только свой долгъ сестеръ милосердія, никогда не забывая, что мы французки.

Когда нѣмцы ушли, началась вторая бомбардировка Реймса. Можно ли было ожидать, что бы они пощадили при этомъ несмотря на благодарность майора—госпиталь г-жи Фуріо, когда они обстрѣливали, напимѣрь, соборъ, гдѣ лежали ихъ же раненые, и убили тамъ пять монахинь, самоотверженно старавшихся спасти нѣмецкихъ раненыхъ отъ нѣмецкихъ же снарядовъ?..

Такъ прошло нѣсколько дней. Снаряды падали на городъ непрерывнымъ дождемъ. Въ госпиталѣ было убито пять служителей. Ничего не оставалось, какъ перенести всѣхъ раненыхъ въ другой лазаретъ, который лежалъ въ части города, менѣе подверженной опасности. Какъ ни удобно помѣщеніе гимназій, въ немъ нельзя оставаться. И вотъ несутъ раненыхъ черезъ разрушенный, обстрѣливаемый городъ. Эту ночь г-жа Фуріо и ея помощники провели въ какомъ-то сараѣ на соломѣ. Несмотря на все пережитое, онѣ неутомимо продолжали свое святое дѣло.

Какой лучшій урокъ могутъ дать эти учительницы дочерямъ Франціи, чѣмъ свой собственный примѣръ? Лучшей системой воспитанія всегда останется хорошій примѣръ воспитателей.

Долгъ прежде слезъ.

Скромная перевязь мэра вездѣ пользуется у насъ большимъ почетомъ, и это вполне справедливо, такъ какъ въ большинствѣ деревень и даже городовъ Франціи при выборѣ мэра жители заботятся не столько о торжествѣ какой-нибудь политической партіи, сколько о томъ, чтобы на этотъ постъ попалъ самый способный, самый достойный человекъ.

Этимъ объясняется, почему нѣмцы въ захваченныхъ ими мѣстностяхъ видѣли передъ собой за малымъ исключеніемъ людей самой скромной внѣшности, простыхъ крестьянъ, мелкихъ мѣщанъ, но которые умѣли при случаѣ вести себя настоящими героями.

Такимъ героемъ былъ мэръ городка Санли, г-нъ Оданъ, подло убитый нѣмцами; такъ погибли при исполненіи сво-

ихъ обязанностей или были арестованы и отвезены въ Германію нѣсколько мѣровъ изъ Лотарингіи и Пикардій. И сколько другихъ десятки разъ чуть-чуть не были разстрѣляны или погребены подъ развалинами своихъ городовъ, преданныхъ разрушенію современными вандалами!

Мэры Реймса и Бадонвиле были награждены орденомъ Почетнаго Легиона за мужество и достойную удивленія стойкость, проявленные ими при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ, и передача имъ этого знака отличія храбрецовъ въ ихъ городахъ, вновь завоеванныхъ у германцевъ, дала поводъ къ трогательнымъ патріотическимъ манифестаціямъ.

Бадонвиле занимаетъ почетное мѣсто въ печальномъ мартирологѣ нѣкогда мирныхъ и счастливыхъ городковъ, въ которые врагъ въ самомъ началѣ войны внесъ разрушеніе и смерть.

Въ зрѣло обдуманнѣйшій планъ нѣмцевъ входило исполнить угрозы своихъ пангерманистскихъ писателей—угрозы, на которыя во Франціи обращали къ сожалѣнію слишкомъ мало вниманія—и навести ужасъ на страну въ надеждѣ, что она тогда скорѣе уступитъ по своей природной впечатлительности. Въдѣ бояться нападающаго на васъ врага, трепетать передъ его неумолимой жестокостью, это значитъ быть уже наполовину побѣжденнымъ.

Въ Бадонвиле, какъ и въ сосѣднихъ мѣстечкахъ, нѣмцы занялись поэтому убійствомъ и грабежомъ, не давъ себѣ даже труда выдумать какой-нибудь иной предлогъ, кромѣ стереотипнаго: «Гражданское населеніе стрѣляло въ насъ!» Это была ложь—здѣсь какъ и въ другихъ мѣстахъ. Нужды нѣтъ! Они видѣли юношу восемнадцати лѣтъ, кричали ему «руки вверхъ!», что онъ немедленно и исполнялъ, и на глазахъ его обезумѣвшихъ отъ ужаса родителей пронзали его пулями. Одну мать съ дѣтьми облили керосиномъ и сожгли.

На порогѣ своего дома стояла какая-то женщина. Они убили ее прикладами, бросили окровавленный трупъ

въ комнату, подожгли домъ; черезъ минуту онъ запылалъ...

Въ эту минуту прибѣжалъ мэръ, г-нъ Бенуа. Въ мэріи, гдѣ онъ ожидалъ нѣмцевъ, его увѣдомили о томъ, что творится. Эта женщина, которую убили была его жена; этотъ домъ былъ его домъ.

Однако онъ не предается слезамъ, отчаянію, личному горю. На немъ муниципальная перевязь, онъ мэръ, долгъ котораго защищать согражданъ. Самому ему нечего больше терять, кромѣ жизни, къ которой онъ теперь такъ равнодушенъ, но другіе рассчитывали на него, надѣялись, что онъ защититъ ихъ жизнь, ихъ имущество...

Передъ нѣмецкимъ офицеромъ, который командуетъ этимъ отрядомъ убійцъ и поджигателей, мэръ Бадонвиле, по профессіи скромный торговецъ, съ силой и горячностью защищалъ дѣло своего города. Онъ требовалъ освобожденія арестованныхъ двадцати трехъ горожанъ, въ числѣ которыхъ находился и мировой судья. Этихъ людей взяли въ качествѣ заложниковъ, долженствующихъ отвѣчать за проступокъ, который даже не былъ совершенъ.

И путемъ доводовъ и просьбъ онъ добился обѣщанія, что убійства и поджоги, продолжавшіеся во все время этихъ переговоровъ, немедленно прекратятся, и что заложники не будутъ разстрѣляны. Но онъ не могъ помѣшать увозу заложниковъ въ Сирэ, гдѣ къ нимъ присоединили другихъ, захваченныхъ въ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ. Послѣ продолжительной и трудной дороги эти несчастные были заключены въ тюрьму въ Страсбургѣ, откуда ихъ въ одинъ прекрасный день соблаговолитъ, наконецъ, отправить назадъ во Францію—безъ слова объясненія.

Но вернемся къ господину Бенуа. Къ тому времени, когда онъ вырвалъ у офицера обѣщаніе, что убійства и поджоги прекратятся, было уже убито одиннадцать человѣкъ, сгорѣло семьдесятъ восемь домовъ, церковь была разрушена до основанія...

Къ счастью, занятіе нѣмцами этого городка было непродолжительно: въ тотъ же вечеръ французы побѣдоносно всту-

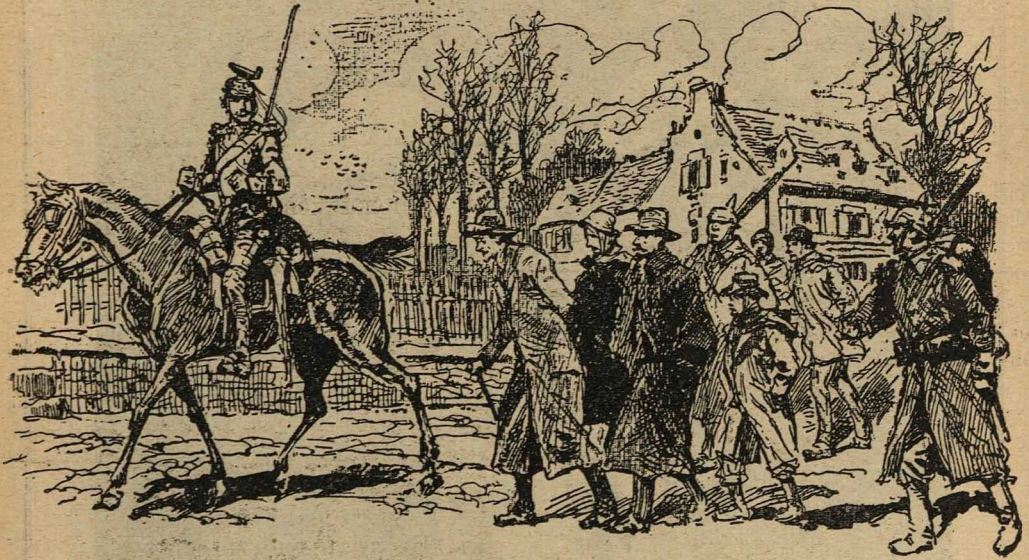
пили опять въ Бадонвиле, гдѣ были встрѣчены мѣромъ, ни на минуту не покидавшимъ свой постъ.

На слѣдующій день господинъ Бенуа отдавалъ необходимыя распоряженія относительно похоронъ жертвъ германскаго варварства, когда ему пришли сказать, что одному нѣмецкому плѣнному, котораго привели съ собой въ Бадонвиле французскіе солдаты, грозитъ опасность со стороны населенія, разъяреннаго совершенными наканунѣ жестокостями.

Господинъ Бенуа немедленно побѣжалъ туда, чтобы заступиться за чело-

вѣка, который былъ, можетъ быть, однимъ изъ убійцъ его жены. И этотъ поступокъ произвелъ на его согражданъ такое впечатлѣніе, что ему не долго пришлось убѣждать ихъ, что беззащитный плѣнный долженъ быть неприкосновеннымъ.

Городокъ Бадонвиле, весь въ траурѣ, похоронилъ своихъ мертвыхъ и, освобожденный отъ своихъ страховъ, понемногу оживаетъ опять, начинаетъ подниматься изъ своихъ развалинъ. Его мэръ, господинъ Бенуа, можетъ наконецъ оплакивать жену, не погрѣшая противъ своихъ обязанностей.

ЯДОВИТЫЕ ГАЗЫ.

Одинъ изъ самыхъ жестокихъ способовъ веденія войны у германцевъ это—ядовитые газы, которые они пускаютъ на непріятельскіе окопы, пользуясь для этого попутнымъ вѣтромъ. Германскіе офицеры и солдаты, дѣйствующіе этимъ коварнымъ убійственнымъ оружіемъ, сами подвергаются большой опасности. Поэтому во время своей «работы» они надѣва-

ютъ на голову шлемъ, защищающій ихъ органы дыханія, а также глаза и уши отъ дѣйствія газа, который они выпускаютъ изъ блестящихъ жестяныхъ цилиндровъ. Иногда, впрочемъ, это оружіе само мститъ нѣмцамъ за ихъ жестокость:—при внезапномъ поворотѣ вѣтра газы летятъ въ нѣмецкіе окопы.

ЗАМАСКИРОВАННЫЕ РАЗВѢДЧИКИ.

Для того, чтобы лучше скрываться отъ глазъ непріяеля, развѣдчики на западномъ фронтѣ одѣваются въ чехлы и маски, всѣ испещренныя зелеными, коричневыми, голубыми и сѣрыми пятнами. Эта одежда «защитнаго» цвѣта позволяетъ имъ

незамѣтно проходить по рѣдкимъ лѣснымъ зарослямъ, даже по полямъ и лугамъ. Пестрая окраска халатовъ совсѣмъ сливается съ окружающею природою и дѣлаетъ развѣдчиковъ незамѣтными для глазъ непріяеля.

НОЧНОЙ СЮРПРИЗЪ.

Эпизодъ изъ войны на западномъ фронтѣ.

ТИХО стало въ занятой нами нѣмецкой траншеѣ. Но если прислушаться хорошенько, то было все же не такъ тихо, какъ казалось сначала. Въ отдаленіи бухали пушки, а тутъ вблизи раздавались всевозможныя звуки: голоса, шопотъ, стоны, прерывистое, хриплое дыханіе. Но было слишкомъ темно, чтобы видѣть, что дѣлается.

Вдругъ пронзительно продребезжалъ звонокъ телефона. Я находился неподалеку отъ него.

— Въ чемъ дѣло, Хартъ, что имъ нужно?—спросилъ я.

Я не узналъ собственнаго голоса, такъ странно прозвучалъ онъ въ этомъ жуткомъ мракѣ, гдѣ кругомъ лежали мертвые и умирающіе. Сдавленнымъ, хриплымъ шопотомъ вырвались у меня эти слова.

— Они хотятъ знать, что дѣлается,—отвѣтилъ Хартъ, нашъ телефонистъ, молодой саперъ. По его голосу мнѣ показалось, что онъ весь дрожитъ.

— Скажите имъ, что мы взяли траншею, что она наша.

— И что мы перекололи всѣхъ нѣмцевъ, какіе были здѣсь?

— Да, почему я знаю, что мы сдѣлали или чего не сдѣлали. Скажите, какъ я вамъ сказалъ, и больше ничего.

Онъ опять повернулся къ телефону.

— Сержантъ Бриггсъ говоритъ, что траншея въ нашихъ рукахъ. Что именно произошло, онъ не знаетъ хорошенько, но, повидимому, никакого сопротивления не было оказано.

Въ эту минуту справа донесся какой-то болѣе явственный шумъ, который, казалось, приближался. «Что-то творится!» Весь насторожившись, Хартъ, видимо, прислушивался къ голосу, который издали говорилъ ему что-то.

— Да, понимаю, сэръ... Наши идутъ, сержантъ. Они унесутъ нѣмцевъ. Санитары съ носилками уже подходятъ.

— Знаю!—довольно рѣзко отвѣтилъ я. Волненіе юноши дѣйствовало мнѣ на нервы.—Стойте пока всѣ, гдѣ стоите, ребята!—обратился я въ темноту.—Сейчасъ придетъ подмога. И санитары. Я полагаю, что не всѣ эти пьянчуги-нѣмцы мертвы.

— Да, мой-то во всякомъ случаѣ не мертвъ,—отозвался голосъ рядового Ор-

мистона.— Но я не думаю, что бы онъ былъ счастливъ.

Четверть часа спустя траншея ожила, наполнилась людьми, которые пришли такъ тихо, такъ странно тихо, и которые переговаривались лишь вполголоса, отрывистыми словами, копошась въ темнотѣ. Но мы не могли видѣть, что они дѣлаютъ. Можно было лишь догадываться, что это уносятъ недавнихъ хозяевъ занятой нами траншеи. Но вотъ приблизился кто-то, говорившій громкимъ, властнымъ голосомъ! Это былъ нашъ ротный командиръ, капитанъ Ньюстэдъ.

— Сержантъ Бриггсъ, я почти не вижу васъ въ этой тѣмѣ кромѣшной, но мнѣ сказали, что вы цѣлы и невредимы, и что траншея взята почти безъ боя. Поздравляю васъ. Но скажите, какимъ образомъ это случилось? Это кажется почти чудомъ. Пьяны они были что-ли?

— Такъ точно, сэръ, они какъ разъ занимались пьянствомъ. И я думаю, что большинство изъ нихъ не столько ранены и убиты, сколько до смерти перепуганы—да пьяны. Какъ это случилось, я и самъ не понимаю хорошенько. Въ одинъ мигъ мы опрокинули ихъ, всѣхъ этихъ рослыхъ здоровяковъ, а изъ нашихъ ни одинъ не пострадалъ серьезно... Хартъ, кто это звонить?

Какъ намъ было приказано, мы разыскали нѣмецкую телефонную проволоку и присоединили къ ней нашъ телефонъ, и теперь нѣмцы, можетъ быть, говорили съ нами изъ своей главной квартиры, сами не зная, что говорятъ съ врагами. Впрочемъ въ данную минуту они этого, повидимому, не дѣлали, потому что Хартъ, судя по всему, не могъ добиться отвѣта, когда подошелъ къ трубкѣ и крикнулъ обычное: «Алло!»

— Въ чемъ дѣло, Хартъ, кто звонить?

— Вотъ этого именно и не могу добиться, сэръ...

— Алло, слушаю!

Его голосъ измѣнился, онъ заговорилъ на другомъ языкѣ, котораго я не понималъ, но уже научился различать по звуку. Онъ прекрасно говорилъ по-нѣмцки, вотъ почему мы взяли его съ собой. Всѣ телефонисты должны, по возможности, говорить по-

нѣмецки такъ же хорошо, какъ по-англійски. Раньше этого не требовали, и нѣмцы не разъ дурачили насъ благодаря этому. У нихъ вы не найдете ни

Какъ и въ первый разъ, огромный огненный шаръ взлетѣлъ къ небу.

одного телефониста, который зналъ бы одинъ лишь свой языкъ. Между собой они часто умышленно говорили по-англійски, а если надо было сообщить что-нибудь секретное, то для этого пользо-

вались особымъ условнымъ языкомъ. Вѣдь телефонный разговоръ такъ легко подслушать, говорить... Но мы теперь стали умнѣе во всѣхъ отношеніяхъ.

Итакъ, подъ самымъ моимъ носомъ происходилъ оживленный разговоръ, изъ котораго я не понималъ ни слова. Но по тому, какъ капитанъ Ньюстэдъ стиснулъ мою руку, я понялъ, что происходитъ что-то интересное, и въ сотый разъ поклялся въ душѣ, что если я вернусь когда-нибудь домой въ Англію, то непременно стану посѣщать вечерніе классы и выучусь иностраннымъ языкамъ.

Какъ только Хартъ повѣсилъ трубку, Ньюстэдъ взволнованно спросилъ:

— Что значитъ? Кто говорилъ съ вами?

Ни разу за все время я еще не видѣлъ нашего ротнаго, этого хладнокровнѣйшаго изъ людей, въ такомъ волненіи.

— Какъ вамъ сказать, сэръ, я не совсѣмъ понялъ, а спрашивать, какъ вы сами понимаете, не смѣлъ много. Повидимому, это у нихъ одинъ изъ тѣхъ новыхъ аппаратовъ, который можно соединять съ двумя линіями...

— Ладно, ладно, но кто говорилъ? — перебилъ его капитанъ Ньюстэдъ.

— На вершинѣ холма находится телефонная станція. Я не понимаю хорошенько, какимъ образомъ они это сдѣлали, но во всякомъ случаѣ они соединились съ моею. Тамъ у нихъ новая батарея, которую они только что установили. Что-то возбудило ихъ подозрѣніе, и они хотѣли разузнать, что здѣсь происходитъ.

— Вы думаете, они знаютъ, что траншея взята нами?

— Богъ ихъ вѣдаетъ. Они выражаются такъ осторожно и обдуманно, что ихъ не поймешь. Но мнѣ кажется, они догадались, что я англичанинъ—или во всякомъ случаѣ новый телефонистъ, присутствіе котораго здѣсь имъ непонятно. Они спросили мое имя и велѣли позвать къ телефону какого-то нѣмца, фамилію котораго я не разобралъ. Вѣроятно, этого нѣмца уже въ жи...

— Опять звонятъ,—перебилъ его капитанъ Ньюстэдъ.

Хартъ взялъ трубку, но, продержавъ ее у уха секунды три-четыре, ска-

залъ про себя по-англійски (я замѣтилъ, что многіе телефонисты умѣютъ такъ дѣлать): — Эхъ, проклятіе! Все пронюхали-таки черти!

Больше онъ не проронилъ ни слова, пока не повѣсилъ трубку со всѣми признаками раздраженія.

— Будетъ! Что проку разговаривать еще? Они обо всемъ догадались... Вы, вѣроятно, не знали, сержантъ Бримсъ, что на холмѣ есть телефонная станція?

— Нѣтъ, конечно, не зналъ. Почему я могъ знать? Я вообще не зналъ, что на холмѣ есть что-нибудь. Я зналъ только про траншею, больше ничего.

— Да, мы ничего не знали,—вставилъ и Ньюстэдъ.

— Но выходить, стало быть, что они какимъ-то образомъ установили батарею тяжелыхъ орудій. Вѣроятно, сдѣлали изъ нея настоящую крѣпость. И эта траншея имѣла, пожалуй, только цѣлью прикрывать ее... Опять звонятъ, Хартъ.

Хартъ взялъ трубку. Но, повидимому, онъ заговорилъ не такимъ языкомъ, какимъ полагалось говорить по мнѣнію Ньюстэда, потому что послѣдній воскликнулъ:

— Съ ума вы сошли, Хартъ! Развѣ можно такъ!

— А вы послушайте, сэръ, что они говорятъ. Тогда поймете.

Капитанъ взялъ у него трубку. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ онъ явно старался вести разговоръ со своимъ невидимымъ собесѣдникомъ на самомъ лучшемъ своемъ нѣмецкомъ языкѣ, но вдругъ выругался и бросилъ трубку.

— Ахъ, онъ такой-сякой... Онъ, вѣрно, пьянъ этотъ идиотъ!

— Нѣтъ, не думаю, сэръ. Это они нарочно. Они безъ сомнѣнія поняли, что въ ихъ траншеѣ случилось что-то неладное. Можетъ быть, этотъ проводъ не единственное ихъ средство сообщенія съ траншеей... Ну, они и хотѣли попросту заставить насъ потерять время, ругаясь съ ними по телефону. Дурачатъ насъ, вотъ и все, чтобы мы не могли догадаться, какіе у нихъ замыслы.

— Вы думаете? Возможно. Но какъ бы они не ошиблись въ расчетахъ... Алло! Штабъ полка? Кто у телефона?

Вы, господинъ полковникъ? Это я, Ньюстэдъ, сэръ. Траншея взята, но оказывается, что на вершинѣ холма германцы установили новую батарею, и тамъ же у нихъ большая телефонная станція, и они, повидимому, поняли, что траншея въ нашихъ рукахъ, и не замедлятъ, конечно, сообщить объ этомъ, куда слѣдуетъ. Что намъ дѣлать?

По виду капитана можно было понять, что отвѣтъ гласилъ: «Удержать, конечно».

— Такъ точно, сэръ. Мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы исполнить это. Но нельзя ли прислать намъ подкрѣпленіе?.. Не беспокойтесь, мы будемъ держаться стойко, но если бы вы могли прислать намъ какъ можно скорѣе— скажемъ до разсвѣта—достаточное подкрѣпленіе, тогда мы могли бы, пожалуй, устроить нѣмцамъ еще одинъ сюрпризъ—попробуемъ захватить эту ихъ батарею на вершинѣ холма, пока они не ждутъ нападенія, пока они увѣрены, что мы думаемъ лишь о томъ, какъ бы удержаться здѣсь въ траншеѣ.

Ну, и ночь была! Точно кошмаръ какой-то. Постараюсь рассказать, насколько могу, связно, хотя это довольно трудно, потому что многое происходило, какъ въ чадѣ. Какой именно планъ капитанъ Ньюстэдъ выработалъ съ полковымъ командиромъ, я не знаю хорошенько, но увѣренъ, что въ дѣйствительности все произошло нѣсколько иначе, чѣмъ предполагалось.

— Бригсъ,—сказалъ мнѣ Ньюстэдъ,—желаете участвовать въ маленькой прогулкѣ?

— Охотно, сэръ,—отвѣчаю я.

— Тогда мы сходимъ навѣстить эту батарею, которую они установили на вершинѣ холма. Полковникъ обѣщалъ немедленно прислать сюда подкрѣпленія. Но намъ незачѣмъ ждать, пока они придутъ. Пятьдесятъ—шестьдесятъ человекъ могутъ сейчасъ сдѣлать то, что цѣлая армія не будетъ въ состояніи выполнить позже.... Это вы, Дэррантъ?

Темная фигура, вынырнувшая изъ мрака, взяла подъ козырекъ.

— Такъ точно, сэръ. Мнѣ сказали, что я вамъ нуженъ.

Вдѣугъ вспышка огня прорѣзала мракъ и освѣтила насъ.

— Да, Дэррантъ, очень нужны. Я хочу передать вамъ командованіе.

— Командованіе, сэръ? Чѣмъ?

— Траншеей. Германцы, какъ вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, установили на вершинѣ холма батарею...

— Да, сэръ, я знаю. Нѣмецъ, котораго я взялъ въ плѣнъ, рассказалъ мнѣ съ пьяныхъ глазъ больше, чѣмъ самъ, вѣроятно, хотѣлъ. Все новыя, невиданныя до сихъ поръ орудія, только что привезенныя изъ Эссена, съ завода Круппа. Стоили огромныхъ денегъ. Самыя крупныя орудія, какія когда-либо употреблялись на открытомъ мѣстѣ. Сколько труда потребовалось, пока для нихъ платформы установили. Но зато теперь, когда все устроено, эта батарея командуетъ всей мѣстностью на много миль кругомъ. И въ ней орудія не только разныхъ калибровъ, но самыхъ разнообразныхъ видовъ, такъ что они могутъ стрѣлять куда угодно, какъ угодно и во что угодно.

— Да? Такъ мы имъ покажемъ. Мы сейчасъ пойдемъ брать эту батарею, Дэррантъ.

— Виновать, Нъюстэдъ, что вы сказали?

— То самое, что вы слышали: мы пойдемъ взять эту батарею. Вѣдь я вамъ сказалъ, что передаю вамъ командованіе. Я возьму человѣкъ пятьдесятъ—шестьдесятъ и пойду съ ними, а вы останетесь тутъ. Полковникъ обѣщалъ немедленно прислать подкрѣпленія, такъ что вамъ опасаться нечего. Сообразили?

— Какъ будто немного начинаю соображать.

По тону лейтенанта Дэрранта можно было заключить, что онъ не слишкомъ одобрялъ этотъ планъ.

— Я не буду вызывать охотниковъ, а возьму каждого второго человѣка, какъ они придутся по порядку. Такъ, по-моему, лучше. Смирно! Будетъ разговаривать! Сержантъ Бриггсъ, созовите людей. Отсчитайте до ста, и каждый, на кого придется нечетный номеръ, пусть выльзетъ изъ траншеи и ждетъ. Ну-съ, начинайте, Бриггсъ.

Однако, дѣло оказалось не такъ-то просто. Очень скоро начались споры

и препирательства. Въ этой тѣмѣ крошечной невозможно было разглядѣть лица, и, пользуясь этимъ, всѣ до одного выльзали бы изъ траншеи, увѣряя, что они тѣ самые, на которыхъ приписаны нечетныя цифры, если бы капитанъ Нъюстэдъ не принялъ энергичныхъ мѣръ.

— Стой!—крикнулъ онъ.—Только нечетные должны выльзать, четные же оставайтесь на мѣстѣ. Поняли? Если я хоть одного изъ васъ поймаю на непослушаніи, я отошлю васъ всѣхъ обратно и мы начнемъ считать съ другого конца.

Но все же это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать, даже для него. Я убѣжденъ, что среди пятидесяти человѣкъ, которыхъ мы, наконецъ, отсчитали, было не мало такихъ, которые попали не по праву. Нѣсколько человѣкъ капитанъ Нъюстэдъ поймалъ на обманѣ—или думалъ, что поймалъ на обманѣ—и съ угрозой отослалъ обратно въ траншею. Но если онъ ошибся—какъ всѣ они клялись и божились—то для нихъ это была тяжелая обида.

— Вы долго тамъ будете?—озабоченно спросилъ лейтенантъ Дэррантъ.

— Милый мой, во-первыхъ, я не знаю въ точности, какое разстояніе отсюда до вершины холма, но полагаю, что оно не больше ста ярдовъ. Во-вторыхъ я понятія не имѣю, сколько времени германцы могутъ насъ задержать тамъ. Но во всякомъ случаѣ будете увѣрены, что мы не останемся тамъ ни одной минуты лишней. А пока мы вернемся, вы можете блаженствовать тутъ въ тишинѣ и покоѣ.

— Да? Радъ, что вы такъ думаете. А что сказать полковнику, если вы ему понадобитсяъ?

— Полковникъ знаетъ, куда я иду. Хартъ сообщить ему по телефону все, что вы пожелаете.

Откуда-то снизу раздался голосъ, полный мольбы.

— А развѣ я не могу пойти съ вами, сэръ?

— Нѣтъ, не можете. Какъ смѣете вы помышлять о томъ, чтобы покинуть вашъ постъ? Ну-съ, подойдите ближе, ребята! Я хочу сказать вамъ два слова, прежде чѣмъ мы отправимся. Говорять, что.... Чортъ возьми, это что еще?

Въ то время, какъ мы тѣсной кучкой обступили его, чтобы выслушать его «два слова», яркая вспышка огня прорѣзала мракъ ночи. Вражеская батарея на вершинѣ холма выпустила какой-то новый диковинный снарядъ, подобнаго которому мы еще ни разу не видали. Все выше и выше взвивался онъ, непрерывно вращаясь; это былъ огненный шаръ, распространявшій такой сильный свѣтъ, что можно было хоть книгу читать. Всѣ мы подумали, что онъ разорвется въ небѣ, какъ ракета, когда поднимется достаточно высоко. Но мы ошиблись. Онъ началъ опускаться, прямо на насъ, какъ намъ казалось, описывая въ воздухѣ своего рода огненную дугу. У меня духъ захватило, когда я это замѣтилъ. И судя по шуму, который раздавался изъ траншеи, ребята, оставшіеся тамъ, не на шутку испугались.

— Тише, тише, ребята!—крикнулъ Ньютэдь.—Если они цѣлили въ насъ, то дали большой промахъ. Милъ на пять въ сторону.

Онъ ошибся немного, снарядъ упалъ ближе, чѣмъ въ пяти миляхъ отъ насъ, но во всякомъ случаѣ не такъ близко, какъ мы сначала думали. Какой трескъ, какой адскій грохотъ раздавался, когда онъ разорвался! Онъ падалъ зигзагами, словно пьяный, и разорвался раньше, чѣмъ коснулся земли. Кусочки чего-то, не знаю чего, долетѣли почти до насъ, доказывая, что это случилось не слишкомъ далеко.

— Интересно, во сколько обходится имъ такое представленіе?—сказалъ капитанъ Ньютэдь, когда все кончилось, и мракъ вновь сомкнулся вокругъ насъ, чернѣе прежняго. — Только даромъ потратили денежки! Ну-съ, ребята, вы видѣли, откуда прилетѣла эта штука. Туда мы и пойдемъ. У нихъ тамъ, должно быть, цѣлый запасъ этихъ игрушекъ. Если намъ повезетъ, и мы дойдемъ до нихъ раньше, чѣмъ они догадаются о нашемъ приближеніи, то мы имъ устроимъ сюрпризъ и отберемъ всѣ ихъ игрушки. Итакъ, впередъ маршъ! Держитесь вмѣстѣ и идите вольно, какъ кому нравится. Приказъ «назадъ» вы, вѣроятно, не скоро услышите отъ меня.

И дѣйствительно, мы его не слышали. Въ числѣ ребятъ, выльзшихъ изъ траншеи, я замѣтилъ и Ормистона. И я не удивился, что услышалъ его голосъ рядомъ съ собой, какъ только мы тронулись:

— Знаете, я думаю, этотъ снарядъ былъ пробнымъ снарядомъ. Они нащупываютъ насъ, а когда нащупаютъ—чего, вѣроятно, не придется долго ждать—они начнутъ засыпать траншею этими своими «игрушечками», какъ ихъ называлъ капитанъ. Тогда ничего не останется, какъ налѣво кругомъ маршъ—если еще будетъ кому выполнять сей маневръ... Но чу! Кто это идетъ?

Этотъ самый вопросъ и я себѣ задалъ. Мы поднимались по склону холма, стараясь держаться по возможности прямой линіи, а сверху нѣсколько лѣвѣе насъ кто-то спускался, повидимому. Капитанъ Ньютэдь остановилъ насъ:

— Стой, ребята, тише! Это, можетъ быть, развѣдочный отрядъ. Если такъ, то нельзя допустить, чтобы они намъ испортили затѣю въ самомъ началѣ.

Хотя онъ говорилъ шопотомъ, мы ясно слышали каждое его слово.

Мы замерли на мѣстѣ, всѣ превратившись въ слухъ. Люди, спускавшіеся съ вершины, очевидно, не предполагали, что тутъ находятся поблизости чуткіе уши, иначе они не шумѣли бы такъ. Впрочемъ, я вовсе не хочу сказать, что они особенно шумѣли, но намъ, прикурнувшимъ въ травѣ за кустами, каждый шорохъ казался очень громкимъ. Ихъ было, видимо, нѣсколько десятковъ человѣкъ и шли они шагомъ, который ясно говорилъ, что хоть нѣкоторые изъ нихъ хорошо знаютъ дорогу, по которой идутъ.

— Къ нашей траншеѣ направляются,—шепнулъ мнѣ на ухо Ормистонъ. Онъ казался въ очень веселомъ расположеніи духа.—И не въ первый разъ идутъ этой дорогой. Лейтенанту Дэрранту съ компаніей не придется скучать. Если нашимъ пріятелямъ наверху не удастся нащупать ихъ своими «игрушечками», то эти молодцы угостятъ ихъ своими леденцами.

— Наши ихъ угостятъ раньше, если они будутъ идти съ такой же осторожностью.

Цѣлую вѣчность, какъ намъ казалось, стояли мы такъ, настороженно прислушиваясь. Внезапно шумъ слѣва умолкъ. Вѣроятно, люди, производившіе этотъ шумъ, дошли до какого-нибудь углубленія въ почвѣ. Мы снова двинулись вверхъ по склону. Подъемъ былъ крутой и идти трудно. Каждую минуту кто-нибудь спотыкался. Трое или четверо даже совсѣмъ упали съ порядочнымъ шумомъ.

— Если эти германскіе джентльмены насъ не услышатъ, то стало быть Провидѣніе поразило ихъ глухотой,—проворчалъ Ньютэдъ.

Но едва онъ сказалъ это, какъ самъ грузно упалъ. Если бы кто-то изъ нашихъ не схватилъ его за мундиръ, дѣло было бы еще хуже.

Наконецъ мы дошли до мѣста, казавшагося болѣе открытымъ, и остановились, чтобы оглядѣться. Сзади было сравнительно свѣтло. Въ долинѣ внизу горѣли огни, что именно за огни, мы не знали. Можетъ быть, наши, можетъ быть, непріятельскіе. Но впереди ни малѣйшаго проблеска свѣта, такая тьма, что буквально ни зги не видать. Группа деревьевъ возвышалась передъ нами и можно было подумать, что мы стоимъ передъ непроходимымъ дѣвственнымъ лѣсомъ,—до того огромными, близкими другъ къ другу и черными казались эти деревья. Но я зналъ, что на протяженіи нѣсколькихъ миль въ окружности здѣсь нѣтъ ничего, похожего на лѣсъ.

— Идемте смѣло впередъ, сэръ,—сказалъ я капитану.—Я не знаю, что это за деревья, но это не лѣсъ. Ихъ здѣсь десятка два, не больше. И гдѣ-нибудь за ними, по всей вѣроятности, находится батарея.

Мы такъ и сдѣлали. Но если это и не былъ лѣсъ, то деревьевъ оказалось все-таки гораздо больше двухъ десятковъ, и они были выше и стояли чаще другъ къ другу, чѣмъ я предполагалъ. И забравшись въ гущу ихъ, мы заблудились.

— Ну, сержантъ Бриггсъ, можетъ быть, вы скажете намъ теперь, куда намъ идти. Только съ кошачьими глазами можно что-нибудь разглядѣть здѣсь, да и то, если знаешь мѣстность.

И это была правда. Мы не знали, куда идти, направо или налево, да и вообще не знали больше, гдѣ правая, гдѣ лѣвая сторона, гдѣ задъ, гдѣ передъ. Я слышалъ, что все ругаются про себя. Не знаю, относились ли все эти бранныя слова ко мнѣ, но, повидимому, это было такъ.

— Тѣмъ, что будете ругать меня, дѣлу не поможете,—прямо сказалъ я Ормистону.—Если желаете вести насъ, то сдѣлайте одолженіе. Я вовсе не бралъ это дѣло на себя.

— Но одну вещь нѣкоторымъ изъ васъ не мѣшало бы сдѣлать ребята—опустить ружья внизъ. Можно подумать, что все ваши штыки направлены на одного меня. Я не говорю, что вы это дѣлаете нарочно, но для разнообразія вы могли бы поколоть другъ друга.

Это сказалъ капитанъ Ньютэдъ, конечно. Онъ всегда умѣлъ находить шутовое слово даже тамъ, гдѣ другому было бы не до шутокъ. Меня самого чей-то штыкъ преболѣно кольнулъ въ ляшку и я зналъ поэтому, какъ это пріятно.

А затѣмъ, внезапно, мы опять очутились на открытомъ мѣстѣ. Лѣса точно и не бывало. Онъ сгинулъ, исчезъ. Какимъ образомъ это случилось, я не знаю, но во всякомъ случаѣ такъ оно было.

— Жаль, что я не могу зажечь мой электрическій фонарикъ. Тутъ еще хуже, чѣмъ въ лѣсу. Вотъ, сейчасъ мнѣ кажется, напримѣръ, что мы стоимъ надъ пропастью.

Разумѣется, зажечь фонарь нельзя было, потому что въ такомъ случаѣ мы съ одинаковымъ успѣхомъ могли бы остаться въ окопѣ. Каждая малѣйшая искорка свѣта могла бы выдать насъ врагу. Однако, я и безъ фонаря ориентировался немножко.

— Передъ нами очень крутой спускъ,—сказалъ я,—но не думаю, что бы это была пропасть. По всей вѣроятности, здѣсь попросту нѣчто въ родѣ ложбины. Я пойду впередъ, если позволите, и укажу путь.

Но тутъ вмѣшался Ормистонъ:

— Нѣтъ, Семъ Бриггсъ, съ вашего позволенія я пойду впередъ. Я умѣю лазать не хуже васъ. Что здѣсь не про-

Нѣмецъ покачнулся
и упалъ.

пасть, въ этомъ
я не сомнѣва-
юсь, но вотъ че-
го я не могу по-
нять: что нахо-
дится тамъ вни-
зу? Послушайте
внимательно!

Мы такъ и
сдѣлали. Мы
напрягли слухъ
до послѣдней
возможности. И,
дѣйствительно,
было слышно
что-то. Глухой
равномѣрный
стукъ, который
шелъ словно да-
леко снизу.

— Это шумъ машины,—шепнулъ Ормистонъ.—Вы слышите, какъ равномерно онъ раздается. Отъ него земля дрожитъ. По всей вѣроятности, тутъ внизу и находится батарея, которую мы ищемъ. Вѣдь если у нихъ орудія новѣйшей системы, то имъ нужны машины—электрическія по преимуществу. И если я не ошибаюсь, то это какъ разъ и шумитъ динамо-машина.

Я не знаю, говорилъ ли Ормистонъ только по догадкѣ, или въ самомъ дѣлѣ динамо-машина шумитъ иначе, чѣмъ обыкновенная машина. Но что чудесная новая батарея врага находится передъ нами, это подтвердилось очень скоро: германцы выпустили второй снарядъ. Въ то время какъ мы стояли въ нерѣшимости, не зная, что дѣлать, вспышка огня прорѣзала мракъ внизу и что-то болѣе яркое, чѣмъ самый яркій день, внезапно ослѣпило насъ. Въ то же время раздался оглушительный грохотъ. Все это было такъ неожиданно, что мы невольно схватились другъ за друга, словно земля закачалась подъ нашими ногами. Какъ и въ первый разъ, огромный огненный шаръ взлетѣлъ къ небу и на такомъ близкомъ разстояніи отъ насъ, что мы могли видѣть, какъ отъ него сыпались искры.

— Что это за дьявольская штука? Она точно раскалена докрасна!

И, дѣйствительно, снарядъ казался раскаленнымъ докрасна, но былъ ли онъ такимъ на самомъ дѣлѣ, я не знаю. По всей вѣроятности, онъ долженъ былъ, какъ это предполагалъ Ормистонъ, играть въ нѣкоторомъ родѣ роль прожектора, чтобы установить прицѣлъ. Выпустившіе этотъ снарядъ могли слѣдить за его полетомъ и такимъ образомъ опредѣлить, насколько близко къ цѣли онъ упалъ.

Но капитанъ Ньюстэдъ не интересовался ничѣмъ подобнымъ. Все его вниманіе было обращено лишь на то, что находилось впереди насъ. Въ то время, какъ огненный шаръ еще летѣлъ, онъ отдалъ свои приказанія. Говорить особенно тихо не требовалось, такъ какъ свистъ летящаго снаряда покрывалъ всякій шумъ.

— Вы замѣтили, откуда вылетѣлъ этотъ снарядъ?—сказалъ Ньюстэдъ.—Тамъ и находится германская батарея. Посмотрите внимательно, и вы увидите ее.

Внизу, футлахъ въ двадцати или тридцати ниже насъ, мнѣ почудилось что-то въ родѣ кучки строеній, но тамъ царилъ такой мракъ, что невозможно было ничего разглядѣть ясно.

— Мы захватимъ эту батарею,—продолжалъ нашъ ротный.—Какимъ образомъ мы это сдѣлаемъ, я не знаю, но мы должны это сдѣлать. Пусть каждый изъ васъ спустится къ ней, какъ сумѣетъ лучше, и проникнетъ туда, какъ самъ сумѣетъ. А разъ мы очутимся тамъ, то мы зададимъ германцамъ такую встряску, что они не скоро забудутъ ее. Думать о томъ, чтобы итти назадъ, нѣтъ смысла, потому что все равно уже поздно. Итакъ, впередъ, ребята!

Оглядываясь на прошлое, я вижу, что ничего безумнѣе этой попытки захвата батареи, мы не могли сдѣлать. И мы бы сами навѣрное поняли это, если бы имѣли время подумать. Но мы, именно, не думали. Нашъ ротный былъ изъ тѣхъ людей, которые въ пылу отваги готовы, если придется, прошибить лбомъ стѣну, а на этотъ разъ онъ и насъ заразилъ и увлекъ. Когда онъ побѣждалъ внизъ, мы всѣ гурьбой, сломя голову, побѣжали за нимъ. Когда мы добѣжали до дна ложбины, нѣкоторые изъ насъ налетали на что-то, но что именно это было, мы не могли сказать. Отблескъ летящаго снаряда не доходилъ больше до насъ, мы были слишкомъ глубоко внизу. Но его шумъ былъ еще слышенъ, къ счастью, потому что иначе германцы навѣрное услышали бы насъ.

Что касается меня лично, то я сбѣжалъ внизъ такъ стремительно, что только когда очутился внизу, запыхавшись въ какомъ-то туманѣ, въ какомъ-то чаду, я впервые задалъ себѣ вопросъ, зачѣмъ, собственно, я тутъ. Я стоялъ передъ какой-то стѣной. Нашъ ротный все повторялъ: «Осторожнѣе. Смотрите себѣ подъ ноги, ребята, а то мы попадемъ въ какую-нибудь адскую ловушку!» Но какъ вы будете смотрѣть

У меня было такое чувство, что я несусь ввысь, все выше и выше въ другой міръ.

себѣ подѣ ноги, когда и собственныхъ ногъ не видишь, до того темно вокругъ тебя? Я былъ доволенъ уже тѣмъ, что ощупью могъ пробраться до конца стѣны, ни разу не упавъ. Но вотъ мы дошли до угла стѣны. Обогнувъ его, мы увидѣли слабую полосу свѣта. Этотъ свѣтъ шелъ изъ какой-то открытой двери или, вѣрнѣе, просто изъ своего рода бреши въ стѣнѣ. Послѣ кромѣшной тьмы, въ которой мы находились, этотъ свѣтъ такъ подействовалъ на насъ, что мы остановились, разинувъ ротъ, растерянно, не зная что дѣлать, словно стадо барановъ. Одинъ капитанъ Ньюстэдъ не потерялъ голову.

— Я войду въ эту дверь и посмотрю, что тамъ. А вы стойте тутъ, ребята, и потише, смотрите!

Былъ ли это приказъ, или нѣтъ, мы во всякомъ случаѣ не исполнили его. Я, по крайней мѣрѣ, не желалъ согласиться на такую комбинацію. Если онъ пойдетъ одинъ, и его замѣтятъ и убьютъ, то что же съ нами будетъ?

— Какъ хотите, сэръ, но я пойду съ вами, — сказалъ я.

— Ладно, идите со мной. Всѣ идите, если желаете. Но только поменьше шуму!

Къ счастью—во всей этой сумасшедшей экспедиціи намъ вообще чертовски везло—шумъ не имѣлъ особаго значенія, такъ какъ въ эту минуту снарядь, полетъ котораго мы видѣли, разорвался, и притомъ съ такимъ трескомъ, что никто бы не услышалъ насъ, даже если бы мы кричали до хрипоты. Мы этого не дѣлали, конечно, но кто-то другой, повидимому, дѣлалъ это въ самомъ строеніи, потому что, когда мы опять стали способны слышать что либо помимо снаряда, мы услышали гулъ голосовъ, шедшій откуда-то изнутри. Отверстіе, черезъ которое я заглядывалъ во внутрь, вмѣстѣ съ капитаномъ, Ормистономъ и многими другими, было, дѣйствительно, лишь просвѣтъ—одинъ изъ просвѣтовъ—въ чемъ-то въ родѣ передвижной стѣны, которая въ свою очередь была защищена другой, болѣе высокой стѣной, отстоявшей отъ нея футовъ на четыре-пять, такъ что между ними находился какъ бы коридоръ. Былъ ли этотъ коридоръ закрытъ съ обоихъ

концовъ, я не знаю. Вообще въ этой темнотѣ трудно было разглядѣть что-нибудь хорошенько.

Люди внутри между тѣмъ продолжали кричать, очевидно, убѣжденные, что никто не можетъ ни слышать, ни видѣть ихъ на днѣ этой небольшой котловины, гдѣ они установили свою замысловатую батарею. По поводу чего они шумѣли, я не знаю. Вѣроятно, они слѣдили за полетомъ своего снаряда, и результатъ его взрыва привелъ ихъ въ такое радостно-возбужденное состояние.

Мы вошли безъ всякой помѣхи, никто не остановилъ насъ.

— Прямо впередъ, ребята!—скомандовалъ капитанъ Ньюстэдъ.—Держите ружья наготовѣ. Стрѣляйте, если необходимо, но если можно обойтись безъ этого, пользуйтесь лучше штыкомъ!

Онъ говорилъ обыкновеннымъ голосомъ. Нѣмцы внутри такъ шумѣли, что понижать голосъ не было нужды.

Помѣщеніе, въ которое мы вошли, представляло собою нѣчто въ родѣ большой прихожей. Все здѣсь было новенькое. Противъ входа стоялъ узкій деревянный столъ, а вокругъ него стояло нѣсколько стульевъ, которыми, повидимому, пользовались совсѣмъ недавно. Что нашъ командиръ хотѣлъ сказать своимъ «прямо впередъ», это для меня темно.

Я замѣтилъ четыре двери, ведущія изъ этой прихожей дальше въглубъ строенія, но ни одна изъ нихъ не находилась «прямо впереди» насъ. Поэтому мы заколебались, иные изъ насъ свернули налѣво, другіе — направо, третьи въ нерѣшительности остановились, гдѣ стояли. Я думаю, очень многіе были въ такомъ же состояніи, какъ и я, то есть сами не знали, что они дѣлаютъ и зачѣмъ. Я очутился, не знаю какимъ образомъ, у двери въ какую-то комнату, похожую на мастерскую! На полкѣ у одной стѣнѣ я замѣтилъ нѣсколько телефоновъ.

Кто-то вошелъ въ эту комнату черезъ другую дверь и направился къ телефонамъ. О странномъ состояніи, въ которомъ я находился, можно себѣ составить понятіе по тому факту, напримѣръ,

что въ эту минуту я не нашелъ ничего лучшаго, какъ вспомнить, что Ормистонъ говорилъ насчетъ динамо-машинъ, когда мы стояли наверху и прислушивались, и сказать себѣ, что онъ по всей вѣроятности былъ правъ.

Комната была ярко освѣщена электрическими лампами, а равномерная стукотня машинъ явственно доносилась, несмотря даже на гвалтъ рядомъ.

Вошедшій былъ человѣкъ богатырскаго роста. Въ сравненіи съ нимъ я былъ прямо пигмей. Никакихъ признаковъ возбужденія въ немъ не замѣчалось. Очевидно, онъ еще не зналъ, что мы находимся тутъ. Онъ вошелъ, какъ человѣкъ, исполняющій свои обычныя обязанности.

Но оглянувшись случайно, онъ увидалъ меня. Для него это была, несомнѣнно, большая неожиданность, однако, ничего не выразилось на его лицѣ. Хладнокровно, спокойно, онъ протянулъ руку къ телефонной трубкѣ. У меня хватило соображенія понять, что можетъ значить для насъ, если онъ успѣетъ предупредить по телефону своихъ. Раньше, чѣмъ онъ успѣлъ поднести трубку ко рту, я выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Я сдѣлалъ это скорѣе машинально, чѣмъ сознательно. Ружье поднялось точно само, курокъ спустился тоже точно самъ собой. Богатырь-нѣмецъ пошатнулся, упалъ и остался на мѣстѣ. Я убилъ его наповаль.

Звукъ моего выстрѣла гулко прорѣзалъ всѣ остальные звуки. На мгновеніе воцарилась тишина, точно враги наши, застигнутые врасплохъ, недоумѣвали, что этотъ выстрѣлъ значитъ. Потомъ послышались топотъ ногъ, крики ужаса и изумленія, выстрѣлы, шумъ борьбы. Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, я ничего не могъ видѣть, но я зналъ, что потѣха началась, что происходитъ яростная рукопашная. Кто-то толкнулъ меня сзади. Я быстро обернулся, думая, что на меня напали врасплохъ. Но это былъ Ормистонъ, который казался въ какомъ-то хмелю возбужденія.

— Чего стоишь тутъ какъ пень?—крикнулъ онъ.—Спишь, что ли?

Я далеко не спалъ, но что я былъ въ состояніи полной растерянности, въ

этомъ я признаюсь. Ормистонъ вбѣжалъ въ комнату, таща меня за собой. Въ эту минуту въ противоположныхъ дверяхъ показался какой-то человѣкъ. Въ рукѣ онъ держалъ револьверъ—одинъ изъ тѣхъ огромныхъ револьверовъ, какими вооружены многіе германскіе солдаты. Онъ поднялъ револьверъ, навелъ его на насъ и выстрѣлилъ—но промахнулся. Выстрѣлить во второй разъ онъ не успѣлъ. У Ормистона не было никакого ружья. Куда онъ дѣвалъ свою винтовку, я не знаю; возможно, что потерялъ ее, когда мы бѣжали, сломя голову, внизъ по косоугору. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ безоруженъ. Но я поднялъ ружье—опять словно машинально—и выстрѣлилъ—человѣкъ съ револьверомъ упалъ. Я смутно услышалъ, какъ Ормистонъ крикнулъ:

— Браво, Сэмъ, молодчина! Посмотримъ теперь, что у нихъ тутъ припрятано.

И онъ бросился къ другой двери, которая находилась направо отъ насъ. Я попытался остановить его, напомнить ему, что онъ безоруженъ.

— Возьми хоть этотъ револьверъ, пока добудешь ружье. Револьверъ все-таки лучше, чѣмъ ничего.

Нѣмецъ, падая, выронилъ револьверъ, и Ормистону нужно было только нагнуться и подобрать его. Но или онъ не понялъ меня, или былъ слишкомъ возбужденъ, во всякомъ случаѣ онъ не обратилъ вниманія на мои слова.

— Ормистонъ, идиотъ, возьми же револьверъ!—крикнулъ я опять.—Что ты можешь сдѣлать безъ оружія?

И, поднявъ самъ револьверъ, я побѣжалъ вслѣдъ за Ормистономъ. Тотъ словно помѣшался отъ возбужденія. Выкрикивая не своимъ голосомъ что-то въ родѣ ругательства на нѣмецкомъ языкѣ, онъ вихремъ пронесся черезъ прихожую. Я, съ револьверомъ въ рукѣ,—за нимъ, все время крича ему, чтобы онъ взялъ револьверъ. Свѣжимъ вѣтеркомъ пахнуло мнѣ въ лицо, и я понялъ, что выбѣжалъ на открытый воздухъ. Ормистона и слѣдъ простылъ.

Но впереди, слѣва, я увидѣлъ какую-то дверь и побѣжалъ туда. Орми-

стонъ, дѣйствительно, оказался тамъ. Это было что-то въ родѣ чулана съ рядомъ широкихъ полокъ, на которыхъ лежали круглые предметы, похожіе на сѣрые резиновые мячи, имѣвшіе приблизительно шесть дюймовъ въ окружности. Два нѣмца, находившіеся въ чуланѣ, рослые, здоровые дѣтины, заступили Ормистону дорогу, попытались вытолкать его, но онъ былъ слишкомъ увертливъ для нихъ. Продолжая выкрикивать что-то не своимъ голосомъ, онъ проскользнулъ мимо нихъ, подбѣжалъ къ полкамъ и схватилъ два мячика — по одному въ каждую руку. Нѣмцы отшатнулись съ пронзительнымъ крикомъ, словно этотъ поступокъ Ормистона повергъ ихъ въ ужасъ.

Другая дверь, въ глубинѣ, вела въ какое-то внутреннее помѣщеніе, и они теперь бросились къ ней, видимо, желая не допустить туда Ормистона. Но опять онъ оказался быстрѣе ихъ. Поднявъ сразу обѣ руки, онъ швырнулъ оба «мячика» въ эту внутреннюю комнату. И для него лично это было концомъ. Сознательно или безсознательно, онъ взорвалъ складъ снарядовъ.

Раздался трескъ и грохотъ, подобного которымъ я никогда не слыхалъ. Это было что-то неописуемое. Казалось, что земля разрывается до самыхъ своихъ нѣдръ, что скалы и камни разлетаются на миллионы кусочковъ. Я чувствовалъ, что несусь куда-то въ пространство — все выше, выше, выше въ другой міръ. Сказать, что я лишился сознания, это значитъ ничего не сказать. Я сознавалъ, чувствовалъ, что я умеръ. Потомъ, черезъ цѣлую вѣчность, я по-

чувствовалъ, что вернулся на землю, съ сотрясеніемъ, отъ котораго всѣ кости въ моемъ тѣлѣ, казалось, сдвинулись съ мѣста. Гдѣ я, что со мною, этого я абсолютно не понималъ. Сколько времени я пролежалъ такъ, я не знаю.

Но вдругъ я понялъ, что лежу подлѣ открытому небомъ. Я увидѣлъ надъ собой міриады звѣздъ, и меня осянила мысль, что я не такъ мертвъ, какъ полагалъ, что я нахожусь все въ томъ же старомъ мірѣ и еще не переселился въ другой. И вдругъ, въ одинъ мигъ, полное сознаніе вернулось ко мнѣ.

Я увидѣлъ, что нахожусь головой внизъ въ вѣтвяхъ дерева, въ вершину котораго меня, видимо, швырнуло взрывомъ. Будучи вырвано съ корнями силой того же взрыва, это дерево совершило путешествіе по воздуху вмѣстѣ со мной и упало, наконецъ, сравнительно мягко, въ чащу кустарниковъ, нѣсколько ослабившихъ толчекъ.

Когда я выбрался изъ вѣтвей и кустарника, полуживой, весь разбитый, весь въ синякахъ и ссадинахъ, я услышалъ гдѣ-то впереди голоса. Это были, несомнѣнно, англійскіе голоса. Я слышалъ, какъ кто-то вскрикнулъ тономъ величайшаго изумленія:

— Во имя всего святаго, кто это?

Я сдѣлалъ, шатаясь, нѣсколько шаговъ, самъ не сознавая, куда иду, споткнулся, упалъ черезъ край траншеи, при взятіи которой самъ участвовалъ — и былъ подхваченъ сильными руками.

— Сержантъ Бриггсъ, — черезъ силу пролепеталъ я. — Явился съ докладомъ.

Приключенія развѣдчика. Разсказъ Евг. Баранова.

I. Доброволецъ. II. Развѣдчики. III. Въ трещинѣ скалы. IV. Смерть товарища. V. «Сняли» часового. VI. Демидовъ раненъ. VII. Плѣнникъ.

Заяцъ. Эпизодъ изъ боевой страды на франко-германскомъ фронтѣ.

Эпопея морской бригады. Эмиля Ведель.

I. Моряки въ Парижѣ. II. На фронтѣ. III Защита Дикс-мюде.

Героическая Франція.

На порогѣ французскаго дома. Сестра Юлія. Ложь. Палачъ. Жертва войны. Деревянное ружье. Дѣти славы. Учительницы-героини. Долгъ прежде слезъ.

Ночной сюрпризъ.

